

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-014

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ РАЗВЕДКИ

В.С. АНТОНОВ

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ РАЗВЕДКИ
В.С. АНТОНОВ

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Annotation

Книга основана на рассекреченных архивных материалах Службы внешней разведки России и посвящена женщинам-разведчицам и агентам, выполнявшим задания внешней разведки органов государственной безопасности. Они действовали в Европе накануне Второй мировой войны и на территории СССР, временно оккупированной гитлеровской Германией, в годы «холодной войны» работали в различных странах мира, добывая важнейшую военно-политическую и экономическую информацию. Мужественные и отважные, умные и решительные, обладающие красотой и женским обаянием — они доказали, что ни в чем не уступают коллегам-мужчинам, а иногда и превосходят их.

- [Владимир Антонов](#)
 - [«ЖЕНСКИЙ ФАКТОР» В РАЗВЕДКЕ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
-

Владимир Антонов

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ РАЗВЕДКИ

«ЖЕНСКИЙ ФАКТОР» В РАЗВЕДКЕ (Вместо предисловия)

Женщины-разведчики являются самым опасным противником, причем их труднее всего изобличить...

Чарльз Рассел,

американский контрразведчик

О роли в разведке «женского фактора» споры не утихают на протяжении многих лет. Большинство обывателей, далеких от этого вида деятельности, считает, что разведка — не женское дело, что эта профессия — чисто мужская, требующая мужества, самообладания, готовности пойти на риск, принести себя в жертву ради достижения поставленной цели. По их мнению, если женщин и используют в разведке, то исключительно в качестве «медовой ловушки», то есть для соблазнения доверчивых простаков, являющихся носителями важных государственных или военных секретов. Действительно, и сегодня специальные службы ряда государств, в первую очередь Израиля и США, активно используют этот метод для получения секретной информации, однако он взят на вооружение скорее контрразведке и, нежели разведывательными службами этих стран.

В качестве эталона подобной женщины-разведчицы обычно приводят легендарную Мату Хари или звезду французской военной разведки времен Первой мировой войны Марту Ришар. Известно, что последняя являлась любовницей германского военно-морского атташе в Испании майора фон Крона и сумела не только выведать важные секреты военной разведки Германии, но и парализовать деятельность созданной им агентурной сети в этой стране. Тем не менее данный «экзотический» метод использования женщин в разведке является скорее исключением, нежели правилом.

А что думают на этот счет сами разведчики?

Не секрет, что некоторые из профессионалов к женщинам-разведчицам относятся скептически. Как писал в одной из своих работ известный журналист Александр Кондратов, о непригодности женщин к ведению серьезной разведывательной деятельности говорил даже такой легендарный военный разведчик, как Рихард Зорге. По свидетельству журналиста, Рихард Зорге привлекал женщин-агентов только для

вспомогательных целей. При этом он якобы утверждал: «Женщины абсолютно не приспособлены для ведения разведывательной работы. Они слабо разбираются в вопросах высокой политики или военных делах. Даже если вы привлечете их для шпионажа за собственными мужьями, у них не будет реального представления, о чем говорят их мужья. Они слишком эмоциональны, сентиментальны и нереалистичны».

Здесь следует учитывать, что это высказывание выдающийся советский разведчик позволил себе во время суда над ним. Сегодня мы знаем, что в ходе судебного процесса Зорге всеми силами стремился вывести из-под удара своих соратников и помощников, среди которых были и женщины, взять всю вину на себя, представить своих единомышленников невинными жертвами собственной игры. Отсюда — его стремление принизить роль женщин в разведке, ограничить ее решением лишь вспомогательных задач, показать неспособность «прекрасного пола» к самостоятельной работе. Зорге хорошо знал менталитет японцев, считающих женщин существами «второго сорта». Поэтому точка зрения советского разведчика была понятна японскому правосудию, и это спасло жизни его помощникам.

Среди сотрудников внешней разведки выражение «разведчиками не рождаются, ими становятся» воспринимается как истина, не требующая доказательства. Просто в какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара.

Разными путями женщины приходят в разведку. Но выбор их в качестве оперативных работников или агентов, конечно же, не бывает случайным. Особенно тщательно осуществляется отбор женщин на нелегальную работу. Ведь офицеру нелегальной разведки мало хорошо владеть иностранными языками и основами разведывательного искусства. Он должен уметь вжиться в роль, быть своего рода артистом, чтобы сегодня, например, выдавать себя за аристократа, а завтра — за священника. Стоит ли говорить о том, что большинство женщин владеет искусством перевоплощения лучше, чем мужчины?

К тем из разведчиц, кому довелось работать в нелегальных условиях за рубежом, всегда предъявлялись повышенные требования также с точки зрения выдержки и психологической выносливости. Ведь женщинам-нелегалам приходится долгие годы жить вдали от Родины, и даже

организация обычной поездки в отпуск требует всесторонней и глубокой проработки, с тем чтобы исключить возможность провала. К тому же не всегда женщина — сотрудник нелегальной разведки может общаться только с теми людьми, которые ей по душе. Зачастую дело обстоит как раз наоборот, и надо уметь владеть своими чувствами, что для женщины непростая задача.

Замечательная советская разведчица-нелегал, более двадцати лет проработавшая в особых условиях за границей, Галина Ивановна Федорова рассказывала в этой связи:

«Некоторые полагают, что разведка — не самая подходящая деятельность для женщины. В противоположность «сильному полу» она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же «маленькие слабости» женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений».

Предвоенный период и Вторая мировая война, принеся неслыханные беды человечеству, в корне изменили подход к разведке вообще и к роли в ней «женского фактора», в частности. Большинство людей доброй воли в Европе, Азии и Америке остро осознали опасность, которую несет нацизм всему человечеству. В суровые годы военного лихолетья сотни честных людей разных стран добровольно связали свою судьбу с деятельностью внешней разведки нашей страны, выполняя ее задания в различных уголках мира. Яркие страницы в летопись героических свершений советской внешней разведки вписали и женщины-разведчицы, действовавшие в Европе накануне войны и на территории Советского Союза, временно оккупированной гитлеровской Германией.

Годы военного лихолетья свидетельствуют, что женщины способны не хуже мужчин выполнять важнейшие разведывательные задания. Так, накануне войны резидент советской нелегальной разведки в Берлине Федор Парпаров поддерживал оперативную связь с источником «Мартой» — женой видного германского дипломата. От нее регулярно поступала информация о переговорах германского МИДа с британскими и французскими представителями. Из них следовало, что Лондон и Париж больше заботили вопросы борьбы с коммунизмом, нежели организация коллективной безопасности в Европе и отпор фашистской агрессии.

От «Марты» были получены также сведения об агенте германской

разведки в Генштабе Чехословакии, регулярно снабжавшем Берлин совершенно секретными сведениями о состоянии и боеготовности чехословацких вооруженных сил. Благодаря этим данным советская разведка предприняла меры по его компрометации и аресту чешскими органами безопасности.

Одновременно с Парпаровым в предвоенные годы в самом сердце Германии, в Берлине, работали и другие советские разведчики. Среди них была Ильзе Штёбе («Альта»), журналистка, на связи у которой находился немецкий дипломат Рудольф фон Шелия («Ариец»). От него в Москву шли важные сообщения с предупреждениями о предстоящем нападении Германии.

Еще в феврале 1941 года «Альта» сообщила о формировании трех групп армий под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Лееба и направлении их главных ударов на Ленинград, Москву и Киев.

«Альта» была убежденной антифашисткой и считала, что только СССР сможет сокрушить фашизм. В начале 1943 года «Альта» и ее помощник «Ариец» были арестованы гестаповцами и казнены вместе с участниками «Красной капеллы».

Елизавета Зарубина, Леонтина Коэн, Елена Модржинская, Китти Харрис, Зоя Воскресенская-Рыбкина работали на советскую разведку накануне и в ходе войны, выполняли ее задания порой с риском для жизни. Ими двигало чувство долга и настоящего патриотизма, стремление оградить мир от гитлеровской агрессии.

Важнейшая информация в ходе войны поступала не только из-за рубежа. Она постоянно шла и от многочисленных разведывательных групп, действовавших поблизости или вдали от линии фронта на временно оккупированной территории.

Читателям хорошо известно имя Зои Космодемьянской, чья величественная смерть стала символом мужества. Семнадцатилетняя «Таня» — боец-разведчица группы специального назначения, входившей в состав фронтовой разведки, стала первой из восьмидесяти шести женщин — Героев Советского Союза военного периода.

Немеркнувшие страницы в историю разведки нашей страны вписали и женщины-разведчицы из отряда специального назначения «Победители» под командованием Дмитрия Медведева, действовавшей в Одессе оперативной разведывательно-диверсионной группы Владимира Молодцова и многих других боевых подразделений 4-го управления НКВД, добывавшие в годы войны важную стратегическую информацию.

Скромная девушка из Ржева Паша Савельева сумела получить и

переправить в свой отряд образец химического оружия, которое гитлеровское командование намеревалось использовать против Красной армии. Схваченная гитлеровскими карателями, она подверглась чудовищным пыткам в гестаповских застенках украинского города Луцка. Ее мужеству и самообладанию могут позавидовать даже мужчины: несмотря на зверские избиения, девушка не выдала своих товарищей по отряду. Утром 12 января 1944 года Паша Савельева была заживо сожжена во дворе луцкой тюрьмы. Однако смерть ее не была напрасной: полученные разведчицей сведения были доложены Сталину. Союзники Кремля по антигитлеровской коалиции серьезно предупредили Берлин, что в случае использования Германией химического оружия неотвратимо последует возмездие. Так, благодаря подвигу разведчицы, была предотвращена химическая атака немцев против наших войск.

Разведчица отряда «Победители» Лидия Лисовская была ближайшей помощницей Николая Ивановича Кузнецова. Работая официанткой в казино хозяйственного штаба оккупационных войск на Украине, она помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно.

Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микоту, которая по заданию Центра стала агентом гестапо и информировала партизан о всех карательных рейдах немцев. Через Микоту Кузнецов познакомился с офицером СС фон Ортелем, входившим в команду известного немецкого диверсанта Отто Скорцени. Именно от Ортеля советский разведчик впервые получил информацию о том, что немцы готовят диверсионную акцию во время встречи глав СССР, США и Великобритании в Тегеране.

Осенью 1943 года Лисовская по заданию Кузнецова устроилась экономкой к командующему восточными армиями особого назначения генерал-майору Ильгену. 15 ноября 1943 года при непосредственном участии Лидии была проведена операция по похищению генерала Ильгена и переправке его в отряд.

Военное лихолетье, из которого Советский Союз вышел с честью, сменилось долгими годами «холодной войны». Соединенные Штаты Америки, имевшие монополию на атомное оружие, не скрывали своих имперских планов и устремлений уничтожить Советский Союз и все его население с помощью этого смертоносного оружия. Атомную войну против нашей страны военщина Пентагона планировала развязать в 1957 году. Потребовались невероятные усилия со стороны всего нашего народа, едва оправившегося от чудовищных ран Великой Отечественной войны,

напряжение всех его сил, чтобы сорвать планы США и НАТО. Но для принятия верных решений политическое руководство СССР нуждалось в достоверной информации о реальных планах и замыслах американской военщины. Важную роль в получении секретных документов Пентагона сыграли в том числе и женщины-разведчицы. Среди них — Ирина Алимова, Галина Федорова, Елена Косова, Анна Филоненко, Елена Чебурашкина и многие другие.

Годы «холодной войны» канули в Лету, сегодняшний мир стал более безопасным, чем пятьдесят лет назад, и важная роль в этом принадлежит внешней разведке. Изменившаяся военно-политическая ситуация на планете привела к тому, что нынче женщины меньше используются на оперативной работе непосредственно «в поле». Исключением здесь, пожалуй, опять-таки являются израильская разведка «Моссад» и американское ЦРУ. В последнем женщины не просто выполняют функции «полевых» оперативных работников, но даже возглавляют разведывательные коллективы за рубежом.

Наступивший XXI век безусловно явится веком торжества равноправия между мужчинами и женщинами даже в такой специфической сфере человеческой деятельности, как разведывательная и контрразведывательная работа. Примером этому являются спецслужбы такой консервативной страны, как Англия.

Так, в книге «Разведчики и шпионы» приводятся следующие сведения, посвященные «элегантной агентуре» английских спецслужб:

«Более 40 процентов сотрудников разведки МИ-6 и контрразведки МИ-5 Великобритании — женщины. Помимо Стеллы Римингтон, до недавнего времени возглавлявшей службу МИ-5, руководителями четырех из двенадцати отделов контрразведки также являются женщины. В беседе с членами британского парламента С. Римингтон заявила, что в сложных ситуациях женщины зачастую оказываются более решительными и при выполнении спецзаданий в меньшей степени подвержены сомнениям и угрызениям совести за содеянное по сравнению с мужчинами.

По мнению англичан, наиболее перспективным является использование женщин в мероприятиях по вербовке агентуры мужского пола, а увеличение женского персонала среди оперсостава в целом приведет к повышению эффективности оперативной деятельности.

Приток женщин на работу в спецслужбы во многом объясняется возросшим за последнее время количеством сотрудников-мужчин, желающих оставить службу и заняться бизнесом. В этой связи стал активнее проводиться поиск и отбор кандидатов для работы в британских

спецслужбах среди студенток ведущих университетов страны».

Иной искушенный читатель, вероятно, может сказать: «США и Англия — это благополучные страны, они могут позволить себе роскошь привлекать женщин для работы в спецслужбах даже в роли «полевых игроков». Что же касается разведки Израиля, то она активно использует в своей работе тот исторический факт, что женщины всегда играли и играют большую роль в жизни еврейской общины любой страны мира. Эти страны — нам не указ». Однако он ошибется.

Так, в начале 2001 года министром по делам всех спецслужб Южно-Африканской Республики стала Линдыве Сисулу. Ей было 47 лет, и в спецслужбах она не была новичком. В конце 1970-х, когда партия «Африканский национальный конгресс» находилась еще в подполье, она прошла специальную подготовку в военной организации АНК «Умконтосвесизве» («Копье народа») и специализировалась на разведке и контрразведке. В 1992 году возглавила отдел безопасности АНК. Когда в ЮАР был создан объединенный с белым меньшинством парламент, возглавляла в нем комитет по разведке и контрразведке. С середины 1990-х годов работала заместителем министра внутренних дел. По имеющимся сведениям, под ее начало перешло и считавшееся ранее независимым Национальное разведывательное агентство.

Почему приветствуется служба женщин в разведке? Специалисты сходятся на том, что женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит «копаться» в подробностях, а в них, как известно, «кроется сам дьявол». Женщины усидчивее, терпеливее, методичнее, нежели мужчины. А если к этим качествам добавить и их внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением. Порой женщинам-разведчицам поручается проведение операций, связанных, в частности, с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, крайне нежелательно.

Сочетание же лучших психологических качеств как мужчин, так и женщин, ведущих разведку за рубежом, особенно с нелегальных позиций, является сильной стороной любой разведслужбы мира. Недаром такие разведывательные «танделы», как Леонтина и Моррис Коэн, Гоар и Геворк Вартамян, Анна и Михаил Филоненко, Галина и Михаил Федоровы и многие другие — известные и неизвестные широкой общественности, — вписаны золотыми буквами в историю внешней разведки нашей страны.

На вопрос, какими главными качествами должна, по ее мнению,

обладать разведчица, одна из ветеранов внешней разведки Зинаида Николаевна Батраева ответила: «Отличной физической подготовкой, способностями к изучению иностранных языков и умением общаться с людьми».

И сегодня даже, к сожалению, довольно редкие публикации в средствах массовой информации, посвященные деятельности женщин-разведчиц, убедительно свидетельствуют о том, что и в этой специфической сфере человеческой деятельности представительницы «прекрасного пола» ни в чем не уступают мужчинам, а кое в чем и превосходят их. Как учит история разведывательных служб мира, женщина великолепно справляется со своей ролью, являясь достойным и грозным противником мужчины в том, что касается проникновения в чужие тайны.

И в заключение приведем выдержки из лекций одного из ведущих в свое время американских контрразведчиков Чарльза Рассела, прочитанных им зимой 1924 года в Нью-Йорке на сборах офицеров разведки армии США. С той поры прошло почти 88 лет, но его советы актуальны для сотрудников спецслужб любой страны и по сей день.

Совет контрразведчикам:

«Женщины-разведчики являются самым опасным противником, причем их всего труднее изобличить. При встрече с подобными женщинами вы не должны позволять симпатии или антипатии влиять на ваше решение. Такая слабость может иметь для вас роковые последствия».

Совет разведчикам:

«Избегайте женщин. С помощью женщин было поймано много хороших разведчиков. Не доверяйте женщинам, когда вы работаете на территории противника. Имея дело с женщинами, никогда не забывайте играть взятую на себя роль».

Один француз, бежавший из германского концентрационного лагеря, остановился в кафе вблизи швейцарской границы, ожидая наступления ночи. Когда официантка подала ему меню, он поблагодарил, что ее очень удивило. Когда она принесла ему пиво и еду, он снова поблагодарил ее. Пока он ел, официантка позвала сотрудника германской контрразведки, потому что, как она говорила впоследствии, такой вежливый человек не мог быть немцем. Француз был арестован».

Основное правило поведения разведчика:

«Остерегайтесь женщин! История знает много случаев, когда женщины способствовали поимке разведчиков-мужчин. Вы должны обращать внимание на женщину только в том случае, когда подозреваете, что она является агентом службы разведки или контрразведки противника,

и то лишь при уверенности, что вполне владеете собой».

Глава I

«РУССКИЙ ЖАВОРОНОК» ОГПУ

В 1940 году во французской каторжной тюрьме города Ренн скончалась при невыясненных обстоятельствах русская эмигрантка, знаменитая певица Надежда Плевицкая, чьим голосом восхищались Леонид Собинов, Федор Шаляпин и даже сам император России Николай II, чья семья дружила с этой простой русской девушкой.

Скончалась она в тюрьме после того, как двумя годами раньше «гуманное» французское правосудие приговорило ее к 20 годам каторжных работ за соучастие в похищении генерала Миллера, руководителя Русского общевойскового союза (РОВС). На суде Надежда Плевицкая виновной себя не признала. Чтобы доказать обратное, французская контрразведка даже пошла на тайную запись с помощью скрытых микрофонов ее предсмертной исповеди у православного священника. Однако и это не принесло желаемых результатов.

Надежда Плевицкая (девичья фамилия — Винникова) родилась 17 января 1884 года в селе Винниково Курской губернии в многодетной крестьянской семье.

В книге воспоминаний «Дежкин карагод» («Надеждин хоровод»), вышедшей мизерным тиражом в Берлине в 1925 году, Плевицкая так рассказывала о своем детстве:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто «закон» осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами: «Отваляю, по чем ни попало».

А вот и преступления наши: родители не разрешали долго загуливать. «Чтобы засветло дома были», — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что «хорошая слава в коробе лежит, а дурная по

дорожке бежит». Вот той славы, что «по дорожке бежит», мать и боялась.

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало зайдешь в амбар: закрома полны, пшено, крупы, на балках висят конченные гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами возились, мешками таскали орехи, которые припрятавали до Рождества».

Петь Надежда начала с детства, подражая старшей сестре Татьяне. Ее голосом заслушивались окружающие.

Однако вскоре отец девушки Василий Винников умер, и семья познала нужду. Надежда вынуждена была работать поденщицей: стирала белье, зарабатывая себе на пропитание. Через некоторое время после смерти отца мать отвезла ее в Троицкий девичий монастырь, поскольку в то время земля делилась только между сыновьями покойного родителя, а идти в батрачки Надежда не захотела. Но в монастыре Надежда долго не задержалась: ее душа требовала песни. Из Троицкого монастыря она уехала в Киев, чтобы попытаться счастья на эстраде. Желание стать певицей привело Надежду в хор Л. Липкиной. После испытания она была принята ученицей. Надежде положили восемнадцать рублей жалования в месяц на всем готовом. Тогда она еще практически не умела ни читать, ни писать, поскольку после смерти отца денег на учебу не было.

Из воспоминаний Надежды Плевицкой:

«В хоре все певцы были женатыми, и делился хор на семейных, на учениц и хористок и на дам, располагавших собой, как им заблагорассудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по несколько раз в вечер. Учениц в хоре было шесть, все подростки, в их числе и я. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: девчонок никуда не пускали самостоятельно по городу.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда чувство дурное? Когда шла в монастырь, желала правды чистой, но почуяла там, что совершенной чистоты-правды нет. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почуяла душа правду иную, высшую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для

меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, бывало мутно и тяжело душе, — ох как, — но «прыгать»-то было некуда. Я ведь еле умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили...

Вспоминаю, как приехал к нам хор Славянского.

Я тогда ходила, как потерянная, замороженная и, слушая его, стала гордиться, что и я русская. А сам Славянский казался мне славным богатырем из древних бывальщин, которые мне сказывали в детстве.

Русская песня — простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу».

В хоре Надежда упорно овладевала эстрадным искусством, исполняя русские народные песни. Выступала она под сценическим псевдонимом Плевицкая. Ее уникальный голос привлек внимание публики, и директор знаменитого в ту пору московского ресторана «Яр» Судаков предложил ей подписать ангажемент. После долгих колебаний Надежда согласилась. Купеческий «Яр» имел свои традиции и обычаи, которые нарушать никому не полагалось. В частности, певицы не должны были выходить на сцену в большом декольте. Чинный и строгий Судаков, беседуя с Плевицкой, предупредил ее: «К «Яру» московские купцы возят своих жен, и боже сохрани допустить какое-либо неприличие».

Первый дебют Плевицкой был удачен, москвичам она понравилась. Певице было предложено возобновить контракт с «Яром» на зиму 1909 года. А осенью следующего года Плевицкая, ставшая уже известной, подписала выгодный контракт с Нижегородской ярмаркой. Там на ее талант обратил внимание знаменитый певец Леонид Собинов, который предложил ей выступить вместе с ним на благотворительном концерте в Нижегородском оперном театре. Выступление певицы на большой сцене было успешным, и Собинов посоветовал ей заняться самостоятельной концертной деятельностью. Здесь ее ожидал оглушительный успех. Выступавшая с исполнением русских народных песен Плевицкая быстро стала знаменитой. Ее имя называли в одном ряду с Федором Шаляпиным, который высоко ценил талант певицы и называл ее «русским жаворонком».

Надежда Плевицкая стала часто выступать в высшем свете. На нее обратила внимание и царская семья. В Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла русские песни перед государем Николаем II и его

приближенными. Как рассказывали очевидцы, последний император Всероссийский, слушая их, низко опускал голову и плакал. В знак благодарности Николай II подарил знаменитой певице драгоценный перстень со своей руки. Царя и его семью Плевицка боготворила, Николая II называла «мой хозяин и батюшка».

С началом Первой мировой войны Надежда Плевицкая, чья слава гремела по всей России, выезжает с концертной бригадой в действующую армию. Она становится сиделкой в военном госпитале в Ковно, поет для раненых в лазаретах, а порой и перед солдатами на передовой.

После Октябрьской революции Надежда Плевицкая осталась в Москве: крестьянская дочь, она не помышляла об эмиграции, тем более что за границей ее никто не ждал, капиталов в банках не было. Находясь на стороне красных, она говорила в своем окружении, что с одинаковым чувством может спеть и «Боже, царя храни» и «Смело мы в бой пойдем», все зависит от аудитории.

В первые годы Гражданской войны Плевицкая неоднократно выезжала на фронт, давая концерты перед красноармейцами. Во время одной из таких поездок в сентябре 1919 года она попала в плен к белым под родным Курском. Здесь Надежда встретила молодого командира Корниловского полка, тогда еще полковника, Николая Скоблина, чьи военнослужащие пленили певицу.

Наша справка:

Николай Владимирович Скоблин родился в 1893 году в Нежине. Окончил кадетский корпус. В 1914 году окончил военное училище и в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. За храбрость и боевые заслуги был награжден орденом Святого Георгия.

В 1917 году, будучи штабс-капитаном, вступил добровольцем в ударный батальон. Затем командовал Корниловским полком, одним из четырех полков Добровольческой армии, которые были укомплектованы только офицерами. Не имея высшего военного образования, к концу Гражданской войны дослужился в рядах Белой армии до командира Корниловской дивизии и звания генерал-майора (1920 год).

Скоблин влюбился в Плевицкую и предложил ей выйти за него замуж. Певица согласилась. Так Надежда стала женой генерала Скоблина, с которым связала свою дальнейшую жизнь. Плевицкая была старше Скоблина на девять лет, но это не помешало им долгие годы оставаться любящей и верной парой.

Гражданская война закончилась поражением белых. В 1920 году

генерал Врангель с остатками своей армии бежал из Крыма в Турцию. Вместе с ним в эмиграции оказались генерал Скоблин с Надеждой Плевицкой, а также сотни тысяч бывших русских офицеров и солдат.

Плевицкая и ее муж были отправлены в лагерь для перемещенных лиц, который находился на полуострове Галлиполи под Стамбулом. По воспоминаниям певца Александра Вертинского, Плевицкая и Скоблин со времен Галлиполи дружили с семьями генералов Кутепова и Миллера.

Один из бывших офицеров Добровольческой армии, Дмитрий Мейснер, вспоминая о пребывании в галлиполийском лагере, рассказывал:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блестящие своего несравненного таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина была кумиром русской галлиполийской военной молодежи. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов Белой армии».

Значительная часть рядового и офицерского состава Русской армии за границей оказалась на положении беженцев. В армейской среде зародилось движение за возвращение на Родину, которое усилилось после принятия ВЦИК СССР 7 ноября 1921 года Декрета об амнистии. 6 мая 1922 года русская эмиграция за рубежом создала специальную организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Оказавшись против своей воли в эмиграции, Надежда Плевицкая убеждала мужа последовать примеру его соратников, в частности, генерала Слащева, возвратившегося в Россию и ставшего преподавателем Военной академии. Она подчеркивала, что как русская народная певица может легко устроиться у красных и даже «продвинуть своего мужа по службе». Однако в тот момент Николай Скоблин согласия на возвращение не дал. Он оставался на положении почетного командира Корниловского полка, большинство офицеров которого проживало во Франции.

Небольшое отступление по поводу:

О Надежде Васильевне тепло, с большой любовью вспоминали многие великие русские артисты. Леонид Собинов подчеркивал, что «Плевицкая является ярким талантом-самородком». Перед ее талантом преклонялись Александр Вертинский и Федор Шаляпин. Сергей Рахманинов с удовольствием аккомпанировал певице, с ее голоса он записал одну из народных песен, обработал, оркестровал и включил в свой цикл песен для

хора и оркестра. В доме Плевицкой и ее мужа висели два портрета с дарственными надписями: «Моему родному Жаворонку, Надежде Васильевне Плевицкой, сердечно любящий ее Федор Шаляпин». И — «Здоровья, счастья, успеха дорогой Надежде Васильевне. С. Рахманинов».

Особенно тепло написал о Н.В. Плевицкой А.И. Куприн: «И как любят Плевицкую! Она своя, она родственница, она домашняя, она — вся русская. Единственно, кого можно поставить рядом с Плевицкой — это Шаляпин. Оба самородки, и на обоих милость Божия».

Следует отметить, что Надежда Васильевна была первой в плеяде русских певиц — «народниц». И не случайно, что репертуар любимой советским народом Лидии Андреевны Руслановой более чем на треть состоял из песен, сценическую жизнь которым дала Надежда Васильевна Плевицкая.

* * *

Находясь за рубежом, Плевицкая не прекращала концертную деятельность, выступала в Болгарии, Прибалтике, Польше, Германии. Ее песни слушали в Праге, Брюсселе, Париже и других европейских столицах, где проживали русские эмигранты. И везде ее неизменно сопровождал Скоблин.

В 1926 году певица совершила турне по Америке. В октябре она дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского представительства Амторга — государственной торговой организации, одновременно выполнявшей консульские функции. Этот шаг знаменитой певицы вызвал замешательство в рядах белой эмиграции. В ответ на нападки эмигрантской прессы Плевицкая заявила журналистам: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики».

В результате разразившегося скандала руководитель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал Врангель 9 февраля 1927 года отдал приказ об освобождении генерала Скоблина от командования Корниловским полком. Скоблин остался без дела и средств к существованию. Впрочем, его опала длилась недолго, и в том же 1927 году он снова вернулся в Корниловский полк.

Вначале Скоблин и Плевицкая обосновались в Париже. Певец Александр Вертинский, проживавший в то время во французской столице, сразу обратил внимание на эту супружескую пару. Он вспоминал:

«В русском ресторане «Большой Московский Эрмитаж» в Париже

пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Эмигрантская жизнь у супругов не очень ладилась. Они перебрались в парижский пригород Озуар-ле-Ферьер. Одновременно взяли в аренду большой участок земли с виноградником неподалеку от Ниццы. Однако в результате неурожая винограда быстро разорились. В Озуар-ле-Ферьер супруги жили в доме, купленном в рассрочку на десять лет, за который ежемесячно выплачивали по 800 франков. В то время это были большие деньги, и Надежде Плевицкой, чтобы заработать, приходилось часто выезжать на гастроли в европейские города, где проживали русские эмигранты. Однако денег все равно не хватало. Кроме того, «аристократическая Россия», нашедшая приют во Франции, считала брак Скоблина с «мужичкой» Плевицкой мезальянсом. Бывшие титулованные особы, ставшие в Париже таксистами, официантами и держателями публичных домов, любили слушать ее песни, однако в свой круг не допускали.

Плевицкая и ее муж попали в поле зрения советской разведки, которой было хорошо известно положение Скоблина в РОВС. Внешняя разведка органов государственной безопасности — Иностраный отдел ОПТУ — активно разрабатывала русскую вооруженную эмиграцию, в том числе созданный в 1924 году Русский общевоинский союз. Он числился среди главных объектов проникновения Иностранного отдела, который имел в нем свою агентуру.

Писатель и историк Леонид Млечин по этому поводу писал:

«Русский общевоинский союз Москва считала источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС — вооруженное выступление против советской власти. Конечно, в конце 1920-х — начале 1930-х годов рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны. Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии. Тем более что структура ее сохранилась и в эмиграции. Офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной армии.

В конце 1920-х годов руководство РОВС начало широко

организовывать террористические акты внутри Советского Союза. Оружие, взрывчатка и другое снаряжение забрасывалось через границу, чаще всего советско-финляндскую, или морским путем. Подготовкой террористических групп занимались отделения РОВС в Париже, Бухаресте, Софии и Белграде. Этим группам оказывали помощь 2-й отдел Генштаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка, получая от РОВС в качестве платы информацию о ситуации в СССР».

По заданию советской внешней разведки 2 сентября 1930 года для встречи со Скоблиным в Париж прибыл его однополчанин Петр Ковальский, воевавший вместе с генералом в Добровольческой армии. Ковальский работал на Иностранный отдел ОГПУ и имел оперативный псевдоним «Сильвестров».

Скоблин обрадовался встрече с бывшим однополчанином и познакомил его с Плевицкой. Посетив несколько раз супругов в их доме, «Сильвестров» убедился в том, что Скоблин полностью находится под влиянием жены, и принял решение привлечь их обоих к сотрудничеству с советской разведкой. В ходе беседы с генералом он передал Скоблину письмо от его старшего брата, который проживал в Советской России, и от имени Генерального штаба Красной армии предложил генералу возвратиться на Родину, гарантировав ему хорошую должность в штабе.

Однако на первой беседе Скоблин не был готов к такому повороту событий и сказал, что должен посоветоваться с женой. «Сильвестров» решил действовать через Плевицкую. В беседе с ней он сказал, что ее на Родине хорошо знают и помнят как выдающуюся певицу и в случае возвращения хорошо к ней отнесутся. Что же касается ее мужа, то он для России не враг и может вернуться домой в любое время. Если Скоблин согласится служить Советской России, то его безопасность будет гарантирована. Плевицкая с интересом отнеслась к предложению «Сильвестрова» и обещала повлиять на мужа.

Вскоре Николай Скоблин дал письменное согласие работать на советскую внешнюю разведку. Он написал заявление на имя ЦИК СССР следующего содержания:

«Двенадцать лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав свою крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и

пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н. Скоблин».

Таковую же подписку дала и Надежда Плевицкая. Их заявления были переправлены в Москву начальнику ИНО ОПТУ Артуру Христиановичу Артузову, который наложил на них следующую резолюцию: «Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер» и агентурным номером ЕЖ/13». Плевицкой был присвоен псевдоним «Фермерша».

21 января 1931 года в Берлине состоялась очередная встреча Николая Скоблина и Надежды Плевицкой с представителем Центра. Он объявил супругам, что В ЦИК персонально амнистировал их. В свою очередь генерал подчеркнул, что перелом произошел в нем еще шесть лет назад, когда у него наступило полное разочарование в идеалах Белого движения. У него не было только удобного случая перейти на сторону Советов.

После беседы с представителем Центра Скоблин и Плевицкая написали обязательства о сотрудничестве с советской разведкой следующего содержания:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Н. Скоблин / Н. Плевицкая-Скоблина.

ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин / Надежда Васильевна

Плевицкая-Скоблина».

В ходе беседы с представителем Центра перед Скоблиным была поставлена задача укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВС и других белых организаций. Надежде Плевицкой поручалось своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВС повышать авторитет свой и своего мужа.

После тщательной проверки Скоблина Центр сделал вывод о том, что «Фермер» — «добросовестный и талантливый агент».

Первоначально по соображениям конспирации связь «Фермеров» с советской разведкой осуществлялась по почтовому каналу на Вену. Центр сообщил в резидентуру, что считает вербовку генерала «ценным достижением в нашей работе». Относительно Плевицкой Центр писал:

«По докладу «Сильвестрова» она также дала согласие на сотрудничество. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно «согласие». Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

В 1930 году Кутепова на посту руководителя РОВС сменил генерал Миллер, ближайшим сотрудником которого стал Скоблин.

С его помощью советская разведка была в курсе всех замыслов вооруженной эмиграции, мечтавшей об организации «крестового похода» против СССР.

В этой связи представляют интерес сведения относительно террористической деятельности РОВС, изложенные Леонидом Млечиным в одной из своих работ:

«Близкие к Кутепову люди, считавшие первоочередной задачей РОВС массовый террор внутри Советского Союза, были не очень довольны его преемником генералом Миллером. Его считали нерешительным и неинициативным, склонным к кабинетной работе и не способным руководить столь крупной организацией. Пожалуй, это было не совсем справедливо по отношению к Евгению Карловичу Миллеру: назначенный Колчаком в 1919 году командующим войсками Северной области, он продемонстрировал жесткую решительность в борьбе с Красной армией.

Сменив Кутепова, Миллер вовсе не отказался от террора. В секретных документах РОВС, которые становились известны советской разведке, подчеркивалась необходимость подготовки кадров для террористических групп, для ведения партизанской войны в тылу Красной армии в случае

войны с СССР. Для эмигрантской молодежи Миллер создал в Белграде унтер-офицерские курсы.

Во Франции подготовкой диверсантов занималась организация «Белая идея» (Миллер сформировал ее в 1934 году). Она работала на «северном направлении», то есть боевики РОВС переходили через финскую границу и растворялись в Ленинграде.

Подбором кадров для «Белой идеи» занимался капитан Ларионов. Этот человек импонировал эмигрантской молодежи. В 1927 году он участвовал в подготовке взрыва в ленинградском Деловом клубе. Репутация бесстрашного героя помогла ему отобрать в «Белую идею» двадцать молодых людей, способных к эффективной боевой работе.

Ларионов учил их стрелять, метанию гранат, изготовлению и закладке взрывчатки, умению ориентироваться, маскироваться. Они тренировались в разведывании объекта диверсии и отходе после взрыва. Ларионов занимался с ними языком: они должны были отвыкнуть от привычных «старорежимных» слов и обогатить свой словарный запас новой, послереволюционной лексикой».

В течение семи лет супруги добросовестно работали на советскую разведку. Разумеется, плавная роль в этом разведывательном тандеме принадлежала Николаю Скоблину, который вскоре, по оценке ИНО ОПТУ, стал «одним из лучших источников разведки, который довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках ее руководителя Миллера в другие страны».

Скоблин возглавлял отдел РОВС по связям с периферийными органами и был осведомлен обо всем, что планировалось в кругах русской эмиграции, в том числе о совместных операциях с участием разведок Румынии, Польши, Болгарии и Финляндии.

Что касается роли самой Надежды Плевицкой, то ее гастрольные туры по Европе, в которых певицу неизменно сопровождал Скоблин, позволяли ему инспектировать периферийные организации РОВС и передавать советской разведке интересующие ее сведения.

Через некоторое время Плевицкая также стала важным источником информации. Кроме того, она копировала секретные документы РОВС, которые Скоблин на несколько часов приносил домой, писала агентурные сообщения и выполняла роль связной.

О том, какое значение для советской разведки имел Николай Скоблин, свидетельствует содержание докладной записки, подготовленной в середине 1934 года куратором французского направления ее деятельности

С.М. Шпигельгаасом на имя начальника Иностранного отдела ОПТУ А.Х. Артузова:

«Завербованные нами «Фермер» и его жена «Фермерша» стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, «Фермер», будучи завербован, занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС, так и на проведение боевой работы.

Основные результаты работы «Фермера» сводятся к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым (бывший начальник штаба Врангеля генерал П.Н. Шатилов был вторым человеком в РОВС. — *Примеч. авт.*) и генералом Фоком (бывший командир артиллерии в Галлиполи генерал-майор А.В. Фок руководил террористической деятельностью РОВС, в частности, возглавлял школу по подготовке террористов. — *Примеч. авт.*) для заброски в СССР;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула (бывший командир Дроздовской дивизии, генерал, ставший одним из руководителей РОВС. — *Примеч. авт.*) и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, выяснил, кто из наших людей открыт французам, и разоблачил агента-провокатора, подсунутого нам французами, работавшими у нас 11 месяцев;

в-четвертых, донес о готовящемся Миллером, Драгомировым (генерал от инфантерии, один из руководящих деятелей РОВС. — *Примеч. авт.*), Харжевским (генерал Харжевский являлся почетным командиром Марковского полка. — *Примеч. авт.*) и Фоком убийстве Троцкого;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова (приезжал в Руайян летом 1933 года. — *Примеч. авт.*); в-шестых, разоблачил работу РОВС из Румынии против СССР.

Исключительная осведомленность агента помогла нам выяснить не только эти шесть дел, но и получить ответы на целый ряд других, более мелких, но имеющих серьезное оперативное значение вопросов, а также быть совершенно в курсе работы РОВС.

Однако за последнее время мы трижды демонстрировали свою неожиданную осведомленность (два раза через прессу) и тем самым ставили всякий раз агента в чрезвычайно опасное положение, грозящее ему провалом.

Нужно в будущем наши решения об опубликовании полученных от

«Фермера» сведений согласовывать всякий раз с тем сотрудником ИНО, который непосредственно связан с агентом, непосредственно следит за его работой и руководит им».

Только за первые четыре года сотрудничества с советской разведкой «Фермеров» на основании информации, полученной от них, ОПТУ арестовало 17 агентов, заброшенных РОВС в СССР, и установило 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье.

К 1937 году генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой они рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Центр принял решение похитить генерала Миллера для организации суда над ним в Москве. В случае исчезновения Миллера, по мнению Центра, заменить его на посту руководителя РОВС реально мог только Скоблин, что позволило бы советской разведке полностью контролировать деятельность этой террористической белогвардейской организации. Однако в это время руководителем внешней разведки органов госбезопасности был уже не Артузов, стоявший у истоков данной операции, а Слуцкий, не имевший богатого оперативного опыта своего предшественника. По его распоряжению к операции по похищению Миллера был привлечен и Скоблин, что в конечном итоге привело к его компрометации.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: Миллер был похищен 22 сентября 1937 года и затем доставлен в Советский Союз. Однако перед тем как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил у себя на рабочем столе записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген. — лейт. Миллер».

Поскольку генерал Миллер в штаб-квартиру РОВС не вернулся, вечером 22 сентября генерал Кусонский и заместитель Миллера адмирал Кедров вскрыли пакет с его запиской и вызвали к себе генерала Скоблина для объяснений. Скоблин поначалу отрицал факт своей встречи с Миллером, однако после того, как адмирал Кедров предъявил ему записку Миллера и предложил пройти в полицейский участок для дачи показаний, Скоблин понял, что все рухнуло. Под благовидным предлогом он вышел из помещения РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолете, специально закупленном для этого резидентурой, был переправлен в Барселону.

Что касается Надежды Плевицкой, то 24 сентября 1937 года она была арестована французской полицией. При ней нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов — немалые для эмигрантки деньги. На суде это стало главным доказательством ее вины.

Надежде Плевицкой было предъявлено обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним», а также в шпионаже в пользу Советского Союза. Все предъявленные ей обвинения Надежда Плевицкая отрицала.

Французская полиция отработывала три версии похищения генерала Миллера: агентами ОГПУ, агентами гестапо или агентами генерала Франко. Защита пригласила в качестве свидетеля бывшего офицера Добровольческой армии Савина, который утверждал, что Миллер был похищен агентами генерала Франко, однако суд его показания в расчет не принял.

Следствие по делу Плевицкой продолжалось больше года. Суд состоялся в конце ноября 1938 года. А 14 декабря старшина присяжных огласил вердикт: Надежда Плевицкая была признана виновной по всем пунктам обвинения. Приговор суда был беспощадным: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрета на проживание во Франции.

В это время председатель РОВС Евгений Карлович Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в Москве. А мужа певички, Николая Скоблина, уже не было в живых. В конце 1937 года он погиб в Барселоне во время бомбардировки города франкистской авиацией.

Весной 1939 года Надежда Плевицкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. В конце июня 1940 года Ренн был оккупирован германскими войсками. Гестапо захватило архивы тюрьмы и установило принадлежность Плевицкой к советской разведке. Вскоре она

тяжело заболела, возможно, не без помощи германских спецслужб, и 5 октября 1940 года скончалась.

26 июля 1939 года ее муж, Николай Владимирович Скоблин, также был признан французским правосудием виновным в похищении генерала Миллера и заочно приговорен к пожизненной каторге. Однако этот приговор остался лишь на бумаге.

Так трагически оборвалась жизнь двух замечательных помощников внешней разведки НКВД СССР, патриотов, страстно мечтавших возвратиться на Родину и посвятивших себя борьбе с ее врагами.

Следует подчеркнуть, что эти жертвы были не напрасны. Преемники генерала Миллера тщетно пытались сохранить Русский общевойсковой союз, как активную организацию, но это им не удалось. Советская внешняя разведка накануне Второй мировой войны окончательно разложила и дезорганизовала РОВС и тем самым лишила Гитлера возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов этой организации.

Глава II

СВЯЗНАЯ «КЕМБРИДЖСКОЙ ПЯТЕРКИ»

В начале октября 1966 года в городе Горьком хоронили пожилую одинокую женщину. Хоронили торжественно, с оркестром, почетным караулом и венками. На одном из них было написано: «Славному патриоту Родины от товарищей по работе». Когда тело было предано земле, над ее могилой прогремел салют почетного караула. Кладбище было малолюдным, и только немногие из его посетителей в этот час знали, что из жизни ушла отважная разведчица, работавшая в нелегальных условиях в предвоенные и военные годы в разных странах и сменившая на своем веку почти два десятка оперативных псевдонимов.

Лишь спустя тридцать лет широкой общественности стало известно настоящее имя разведчицы — Китти Харрис.

Китти родилась 24 мая 1899 года. Кроме нее в семье было еще семеро детей, трое из которых умерли в младенческом возрасте.

Родители Китти были выходцами из России, до переезда в 1905 году в Лондон проживали в городе Белостоке, что в Русской Польше, или в то время — в Привисленском крае. Отец Натан был сапожником, а мать Эстер — домохозяйкой, обремененной кучей ребятишек. С началом Первой русской революции они по настоянию Исаака, брата Натана, владельца небольшой обувной фабрики, отправились в Лондон. Путь из Гдыни на торгово-пассажирском пароходе «Санит» продолжался целых восемнадцать суток. Дядя Исаак встретил родственников в лондонском порту и привез к себе домой. То, что он называл фабрикой, на поверку оказалось обычной сапожной мастерской. Первое время они обосновались в его доме, и отец Китти помогал брату-сапожнику, обслуживая клиентов.

Однако и в Лондоне жизнь была не менее тяжелой, чем в Белостоке, поэтому в 1908 году, поддавшись на посулы зазывалы из Канады, родители Китти, которой в то время уже исполнилось восемь лет, решили переселиться за океан.

На пароходе они доплыли до Монреаля, где прошли таможенный

досмотр. До Виннипега, где решили обосноваться, они добирались трое суток. Многочисленное семейство Харрисов заняло целых два купе. В Виннипеге их временно разместили в пустующем доме, а иммиграционные власти выдали семье кредит на приобретение жилья. Вскоре отец Китти открыл небольшую сапожную мастерскую, а его жена Эстер занялась скорняжным ремеслом. Детей они определили в школу.

Следует отметить, что в Канаде окружение Китти было интернациональным, поэтому с детских лет она владела несколькими языками. В семье Харрисов разговаривали на трех языках: русском, английском и идише. А рядом жили дети других эмигрантов — французы и немцы, с которыми ребяташки общались на их родных языках. Так что Китти с раннего детства сносно могла объясняться на пяти языках: английском, немецком, французском, русском и идише.

В школе Китти хорошо давались гуманитарные предметы. По истории, географии и литературе у нее были только отличные оценки. А вот математика и другие точные науки усваивались ею с трудом. После четырех лет учебы, в возрасте тринадцати лет, она была вынуждена расстаться со школой, начались ее «рабочие университеты».

Китти пошла работать на табачную фабрику ученицей. За смуглый цвет лица молодую работницу друзья прозвали «Джип-си» — «Цыганочка». Годы спустя это прозвище станет одним из ее оперативных псевдонимов.

Рабочий день длился десять часов, а зарплата была мизерной, даже нищенской. Ее едва хватало на обед и ужин. Китти проработала на табачной фабрике пять лет. Ее здоровье стало слабеть, и она сменила профессию, решив стать портнихой. К тому времени ей исполнилось восемнадцать лет. Китти превратилась в стройную черноглазую красавицу, на которую заглядывались парни. Однако ее все больше увлекали идеи социализма. Китти с симпатией и восторгом встретила известие о победе Октябрьской революции в России, на земле ее родителей, где, по словам профсоюзных активистов, власть взяли в руки простые рабочие, такие, как она и ее друзья.

Октябрьская революция в России вызвала подъем рабочего движения на Западе, и Китти принимает в нем активное участие. Она становится профсоюзной активисткой, секретарем местного комитета.

В 1919 году Китти вступает в Коммунистическую партию Канады. Она получает задание выяснить истинное лицо профсоюзных боссов, тесно связанных с американской мафией и предающих интересы рабочего класса. Полученные ею сведения были преданы гласности рабочей газетой

«Лейбор дейли» в день открытия съезда профсоюза. В результате руководство профсоюза подало в отставку.

После непродолжительного процветания, вызванного ростом военных заказов в период Первой мировой войны, в Канаде начался экономический спад. Жизнь в Виннипеге становилась все труднее, и Натан, отец Китти, легкий на подъем, решил вновь попытаться счастья, на сей раз в соседних благополучных Соединенных Штатах Америки. На семейном совете было решено переехать в Чикаго.

В начале 1923 года семейство Харрисов продало дом и в полном составе переехало в Чикаго.

Следует отметить, что и на новом месте Китти принимает активное участие в профсоюзном движении. Ее избирают секретарем местного отделения профсоюза швейников, она участвует в качестве делегата в международном съезде профсоюзов в Монреале. Кстати, шведы традиционно считались в США одним из самых боевых отрядов пролетариата, их даже называли «бунтующими амазонками».

В те годы Чикаго был центром деятельности Коммунистической партии США. Китти принимает активное участие и партийной работе. Она отвечает за распространение партийной литературы среди членов профсоюзов. У девушки явно присутствовала организаторская жилка, поэтому она быстро обзавелась помощниками и сумела быстро наладить работу.

В 1924 году Китти познакомилась в Чикаго с партийным активистом — будущим секретарем Национального комитета компартии США Эрлом Браудером и в 1926 году стала его женой. По рекомендации Браудера Китти поступила на курсы стенографии, после окончания которых стала работать в представительстве МОПР — Международной организации помощи рабочим. Вскоре супруги переехали на жительство в Нью-Йорк. Муж Китти Эрл всецело отдавался партийной работе, много ездил по стране, выступал на митингах и собраниях.

В Нью-Йорк перебрались и остальные члены семьи Харрисов, которые так и не нашли своего счастья в Чикаго, несмотря на то, что в 1920-е годы этот город переживал экономический бум. Две сестры Китти вышли замуж, один из братьев женился. Отец ее часто болел, а мать ухаживала за ним.

В 1927 году Эрл Браудер по заданию Профинтерна был командирован в китайский город Шанхай для налаживания там профсоюзной работы и в качестве связного Тихоокеанского профсоюзного центра. Китти последовала за ним. Их путь в Шанхай пролегал через Москву, которую Китти мечтала увидеть с раннего детства. Они отбыли в Европу на торгово-

пассажирском пароходе «Нордвик». Из Нью-Йорка он следовал в Лондон, а затем в Гамбург. Здесь молодые супруги сделали первую остановку. Они поселились в недорогой гостинице и стали знакомиться с городом, который считался морскими воротами Германии. В Гамбурге Китти впервые наблюдала за сборищем нацистов, которые набирали все большую силу в Германии.

На следующий день супруги пересели на советский пароход «Комсомол», который доставил их в Ленинград. Город потряс Китти. После мрачного Лондона она жила в Виннипеге, Чикаго, Нью-Йорке. Это были торговые, деловые города, построенные рационально, без особых затей, с учетом коммерческих интересов. Они ни в какое сравнение не шли с красавцем Ленинградом. Супругов разместили в гостинице в солидном двухместном номере, а на следующий день организовали экскурсию в Эрмитаж, Детское Село, Петергоф.

Вечером Браудеры поездом «Красная стрела» выехали в Москву. В те времена советские поезда дальнего следования с их международными вагонами были одними из лучших в мире. Удобное и уютное купе также произвело на Китти сильное впечатление. Утром следующего дня поезд прибыл в Москву. Супруги разместились в прекрасном номере гостиницы «Савой». Эрл каждый день ездил в штаб-квартиру Профинтерна, словно на работу. Ему необходимо было получить инструкции, запастись литературой, ознакомиться с новостями с мест. Поскольку Китти была официально утверждена его помощницей, на некоторые встречи с руководящими работниками Профинтерна приглашалась и она.

Профинтерн в то время был «дочерним учреждением» Коминтерна. Перед Эрлом и Китти стояла задача по налаживанию профсоюзной работы в колониях и полуколониях, где рабочее движение находилось в зачаточном состоянии. Колонизаторы преследовали профсоюзных активистов, организовывали их убийства, зверски расправлялись с участниками забастовок под громкие рассуждения о «свободе предпринимательства» и «правах человека». Для раскола рабочего движения они использовали штрейкбрехеров и местных националистов, которые пытались расколоть профсоюзы по национальному признаку.

В Москве Эрл и Китти встретили десятую годовщину Великого Октября. Они получили гостевые билеты на Красную площадь. Здесь они наблюдали парад войск и праздничную демонстрацию советских трудящихся. Через несколько дней молодые профсоюзные активисты выехали в Китай международным вагоном по маршруту Москва — Чанчунь. Транссибирский экспресс отбыл из Москвы теплым ноябрьским

днем, и Китти до самого вечера любовалась необъятными просторами нашей страны, золотом подмосковных лесов, тихими поселками и деревеньками, опустевшими полями.

На третий день пути, когда путешественники перевалили за Уральский хребет, все вокруг побелело от выпавшего снега. Путешествие до советско-китайской границы заняло шесть суток. На станции Маньчжурия они без труда прошли пограничный и таможенный контроль. Китти с опаской ожидала придинок со стороны китайских пограничников, поскольку они с Эрлом помимо личных вещей везли с собой два чемодана книг и брошюр. Однако, несмотря на пристрастное отношение китайских властей к путешественникам из Советской России, китайскую границу они преодолели также без особых хлопот: оказалось наличие у них американских паспортов.

В Чанчуне Эрл и Китти пересели в местный поезд, на котором доехали до порта Дайрен (Дальний). Оттуда морем добрались до Шанхая — главной цели своего путешествия. В порту их встретил представитель Профинтерна — высокий худощавый человек с явно некитайской внешностью. На отличном английском языке он назвался Джо Линьсинем и пояснил, что его отец был американским моряком, а мать — китайкой. Отсюда знание им английского языка.

Из шанхайского порта Линьсинь доставил путешественников в американский сеттльмент — европейский городской квартал, пользующийся правами экстерриториальности и охраняемый полицейскими — и разместил их в уютном двухэтажном доме, который до них занимал английский профессор.

В Китай Эрл и Китти прибыли с паспортами на имя супругов Харрисон и фактически находились там на нелегальном положении. Прикрытием для них являлась фирма, занимавшаяся снабжением морских судов необходимыми припасами, что позволяло им встречаться с людьми самых различных национальностей и профессий. Требовалось установить связь с профсоюзными лидерами в Гонконге, Сингапуре, Бангкоке, Батавии (ныне — столица Индонезии Джакарта), Маниле и других городах Тихоокеанского бассейна, а где не было профсоюзов — помочь их организовать.

В Китае уже семнадцать лет шла гражданская война. В конце декабря 1927 года гоминьдановское правительство закрыло консульские представительства СССР в Шанхае, Ханькоу и других городах, были арестованы их советские работники. Усилилась слежка за профсоюзными активистами. Связь с Москвой теперь могла осуществляться только через

Харбин, где находилось советское дипломатическое представительство.

В один из дней Эрл поручил Китти выехать в Батавию и передать тамошним профсоюзным руководителям письмо Профинтерна и литературу. 20 декабря 1927 года она отбыла туда на торговом пароходе под видом скучающей американской туристки, путешествующей по экзотическим местам. Путь в столицу голландской Ост-Индии занял две недели. В Батавии Китти сняла номер в гостинице и на следующий день после тщательной проверки в городе установила по паролю связь с местным профсоюзным руководителем по имени Джхара, которому передала материалы из Москвы.

На следующий день Китти отбыла в Шанхай. Здесь она узнала, что Джхара был убит местными колониальными властями, успев, однако, перед смертью передать полученные документы в надежные руки.

Затем последовала новая поездка Китти, на этот раз в Гонконг, для встречи с представителями полулегального профсоюза портовых грузчиков. Приходилось ей выполнять и другие поручения Эрла.

В начале лета 1928 года Китти получила задание передать в советское генконсульство в Харбине отчет Эрла для Профинтерна. Ей предстояло пересечь почти весь Китай, объятый гражданской войной. Одновременно, прикрываясь американским паспортом, она должна была помочь добраться до Харбина делегату предстоящего в Москве конгресса Коминтерна по имени Ван. Поезд, которым они следовали в Харбин, подвергся обстрелу японскими войсками. По пути чанкайшисты попытались мобилизовать Вана в свою армию, однако Китти, предъявив американский паспорт и выдав Вана за своего секретаря, сумела добиться его освобождения.

В Харбине Китти остановилась на явочной квартире. На следующий день она посетила советское генеральное консульство, где с ней встретился резидент ОГПУ Эрих Такке. Китти передала ему отчет Эрла для Профинтерна и рассказала об обстановке в Шанхае. Одновременно она сообщила о прибытии делегата конгресса Коминтерна Вана, которого все давно ждали. Через несколько дней Ван и другие члены китайской делегации были нелегально переправлены через границу и 17 июля 1928 года участвовали в открытии VI конгресса Коминтерна в Москве.

Через несколько дней Китти выехала в Шанхай, но Эрла дома не застала: он находился в Москве и тоже участвовал в работе конгресса Коминтерна. Только через месяц Эрл возвратился в Шанхай и объявил Китти, что, по всей вероятности, им предстоит вернуться в Нью-Йорк, поскольку внутри компартии США развернулась ожесточенная фракционная борьба. В начале февраля 1929 года они покинули Шанхай и

через Москву выехали в Нью-Йорк.

В середине февраля 1929 года Китти и Эрл возвратились в США. В марте открывался очередной съезд американской компартии, и Эрл всецело занялся партийной работой, ведя упорную борьбу с правым уклоном в партийных рядах. Дальнейшая их семейная жизнь не задалась, и вскоре супруги расстались.

По приезде в США Китти получила возможность немного отдохнуть и провести время с семьей. Ее отец тяжело болел и медленно угасал. Да и у самой Китти хватало собственных забот. Ей пришлось подыскивать себе работу. Она устроилась в общественную организацию «Американский негритянский рабочий конгресс», где проработала до марта 1931 года. Однако зарплата в общественной организации носила скорее символический характер, поэтому Китти решила переменить место работы.

Это было нелегким занятием. В связи с «великой депрессией», поразившей экономику США в 1929–1932 годах, в стране царил безработица. Число лиц, ищущих постоянный заработок, превысило 17 миллионов человек. В марте 1931 года по партийной рекомендации Китти была принята на работу в Амторг — советскую внешнеторговую организацию, одновременно исполнявшую консульские функции. Здесь она проработала в качестве секретаря до апреля 1932 года.

...30 января 1930 года в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), посвященное работе советской внешней разведки и вопросам ее реорганизации. Такая повестка дня была вызвана серьезными провалами ИНО ОГПУ за рубежом в конце 1920-х годов. По предложению Артура Артузова упор в работе внешней разведки предполагалось делать на использовании нелегальных методов, сочетая их с деятельностью «легальных» резидентур. В этой работе центральное место отводилось Германии. Она должна была стать не только объектом разведывательного интереса, но и своеобразным зарубежным центром внешней разведки, откуда «легальные» и нелегальные резидентуры должны были вести работу по соседним странам и даже по США.

Весной 1931 года на работавшую в Амторге Китти Харрис обратила внимание советская внешняя разведка. Сотрудник нью-йоркской резидентуры Абрам Эйнгорн (оперативный псевдоним «Тарас»), знавший Харрис по Китаю, предложил ей работать связником и спецкурьером ОНО ОПТУ в Европе. Она ответила согласием. Китти был присвоен оперативный псевдоним «Джипси» (за время работы на советскую разведку ей пришлось менять оперативные псевдонимы более двадцати раз, но мы в своем повествовании ограничимся только им).

Жизнь разведчика-нелегала «Джипси» предстояло начать с Германии, откуда она должна была поддерживать связь с другими нелегалами и ценными агентами советской внешней разведки в различных европейских странах. В Берлине ей довелось работать с такими опытными разведчиками, как Борис Берман, Федор Парпаров, Василий Зарубин, Василий Роцин и другими сотрудниками нелегальной разведки ИНО ОГПУ. Обстановка в те годы в Германии была напряженной, в стране набирал силу фашизм. В этих сложных условиях, порой с риском для жизни, «Джипси» десятки раз пересекала границы сопредельных государств, перевозя ценную информацию и документы, секретную почту берлинской резидентуры.

Всего же за 16 лет сотрудничества с советской разведкой «Джипси» пришлось работать более чем с сорока оперативными сотрудниками и двадцатью четырьмя наиболее ценными источниками! Это был своего рода рекорд.

Но вернемся несколько назад.

15 апреля 1932 года «Джипси» уволилась из Амторга, а уже 25 апреля на трансатлантическом лайнере «Куин Мери» под видом американской туристки отбыла в Германию. Спустя некоторое время из германского порта Бременсхафен она добралась до Берлина.

В Берлин «Джипси» приехала за год до прихода Гитлера к власти. Здесь ей предстояло работать в нелегальной резидентуре ИНО ОГПУ.

Столица Германии в 1932 году напоминала растревоженный людской муравейник. Повсюду были видны молодчики в коричневых рубашках, множество людей в военной форме. Периодически между коммунистами и нацистами вспыхивали стычки. Полиция явно сочувствовала «наци».

«Джипси» устроилась в недорогой гостинице и в назначенный день, волнуясь, вышла на явку в табачный магазин. Только произнесла пароль и услышав отзыв, она успокоилась. Продавец проводил ее в заднюю комнату и попросил подождать. Вскоре появился худощавый человек, назвавшийся «Карлом». Он подробно расспросил «Джипси» о том, как она добралась и где устроилась, рассказал об обстановке в стране. В качестве прикрытия нелегальной деятельности оперработник порекомендовал «Джипси» устроиться на учебу в Берлинский университет и подыскать недорогую квартиру в хорошем районе. Она должна понравиться хозяйке дома, завести знакомства с соседями, почтальоном, лавочником, — короче, со всеми лицами, которые могут потенциально быть осведомителями полиции, и произвести на них впечатление скромной девушки, всецело занятой учебой и не интересующейся политикой.

По работе «Джипси» предстояло нелегально перевозить документы в непроявленной пленке в различные страны. В случае опасности от пленки необходимо избавиться, предварительно засветив ее. «Карл» познакомил разведчицу с хозяйкой магазина Герди, с которой ей предстояло работать. С Герди они обсудили способ поддержания связи, в том числе условия вызова на экстренную встречу. Договорились встретиться через две недели. За это время «Джипси» должна была снять квартиру и устроиться в университет.

«Джипси» без труда решила обе задачи. В университете она старалась не демонстрировать свое знание немецкого языка. Впрочем, это оказалось не очень сложным делом, поскольку занятия выявили слабое знание ею немецкой грамматики. В назначенный день «Джипси» вновь встретилась с «Карлом». Он передал ей небольшой пакетик, который можно было легко спрятать на дне дамской сумочки, и дал задание доставить его по условному адресу в Прагу. В столицу Чехословакии «Джипси» выехала по своему американскому паспорту и без труда прошла пограничный контроль.

В Праге разведчица, не заезжая в гостиницу, где на нее могли обратить внимание, направилась по указанному «Карлом» адресу и без труда нашла табачную лавку. Произнесла пароль и получив отзыв, она прошла в комнату за стойкой магазина, где через некоторое время появился высокий голубоглазый блондин, представившийся «Яношем». Ему она передала пакет с документами. «Джипси» еще несколько раз ездила в Прагу для встреч с «Яношем». Все проходило благополучно, их встречи и прогулки по городу выглядели естественными и не привлекали внимания посторонних. Однако однажды, передав «Яношу» почту, она по привычке проверилась и вдруг увидела, что ее преследует какой-то подозрительный тип. «Джипси» не растерялась. Зайдя в мясную лавку, она обратилась к мяснику с просьбой проводить ее через запасной выход, объяснив, что к ней, замужней женщине, пристает незнакомый мужчина. Хозяин проводил ее через проходной двор и объяснил, как найти дорогу.

Все обошлось благополучно, однако «Карл», которому «Джипси» рассказала эту историю, встревожился. «Яношу» было дано указание прекратить всякую работу и затаиться. Через некоторое время он выехал на работу в другую страну. «Джипси» тоже пришлось сменить маршрут поездок. Эти меры предосторожности диктовались условиями конспирации: «Джипси» перевозила в пленке документы, имевшие отношения к новейшим образцам вооружений, производимых на знаменитых военных заводах «Шкоды». Поскольку торговля оружием всегда была связана с большим риском, малейшая оплошность со стороны

разведчиков могла привести к серьезным последствиям для разведки в целом.

Первая поездка «Джипси» в Париж состоялась в декабре 1932 года. Границу она миновала ночью, и таможенники ее не слишком беспокоили. Поезд прибыл в Страсбург в два часа ночи, и полусонный жандарм, войдя в купе, молча проштамповал паспорт разведчицы. Столица Франции встретила ее дождем и мокрым снегом. В назначенное время «Джипси» встретила с представителем парижской резидентуры ИНО ОГПУ, которому передала почту из Берлина. Через два дня она получила пакет для передачи в Берлин и возвратилась в германскую столицу.

В Берлине хозяйка дома, в котором «Джипси» снимала квартиру, «по секрету» рассказала ей, что на днях полиция интересовалась, на какие средства живут квартирующие у нее иностранные студенты. Хотя полицейский не называл имени «Джипси», она доложила об этом резиденту. Было принято решение направить ее в США для организации перевода денег на ее имя от «богатых родственников» из-за океана.

В Нью-Йорке «Джипси» провела четыре дня: сходила на могилу отца, повидалась с семьей. Там же она сделала денежные переводы в Берлин и вскоре отправилась в обратный путь.

В Германии в тот период действовали две нелегальные и одна «легальная» резидентура, которая руководила их работой. Связь с Центром нелегалы поддерживали через связников, и поэтому «Джипси» приходилось выезжать в различные страны. Берлинская резидентура ИНО ОГПУ сумела наладить работу по добыче документальной информации о внешней и внутренней политике германского правительства, деятельности спецслужб, разведки, министерства иностранных дел. Эта информация, перевозимая «Джипси», высоко оценивалась в Центре.

Однажды в канун Рождества 1932 года «Джипси» по приглашению своего сокурсника англичанина Джона Смита, члена фашистской партии Англии, возглавляемой Мосли, попала на вечеринку нацистов. Один из них доверительно сообщил собравшимся, что крупнейшие германские промышленники и финансисты решили поддержать Гитлера на предстоящих выборах и что 19 ноября они вручили престарелому президенту Гинденбургу петицию, в которой потребовали передать всю полноту власти в стране фюреру нацистской партии. Нацист хвастливо заявил, что в начале 1933 года власть будет в руках Гитлера. О том, что говорилось на вечеринке, «Джипси» сообщила резиденту. Информация ушла в Центр и получила там высокую оценку. Дальнейшие события

полностью подтвердили верность этих прогнозов.

Вскоре после Рождества «Джипси» вновь повезла почту в Париж. Эта поездка едва не закончилась для нее провалом. В Берлине, являвшимся в ту пору центром агентурной работы советской нелегальной разведки в Европе, было создано так называемое паспортное бюро, готовившее документы для разведчиков-нелегалов. На этот раз, отправляясь в поездку, «Джипси» использовала «липовый» американский паспорт, изготовленный специально для нее. В нем было указано, что она родилась в Чикаго, однако этот город ошибочно был отнесен к штату Индиана.

На этот раз пассажиров в поезде было мало, и молодой пограничник, с вежливой улыбкой попросивший молодую симпатичную американку предъявить паспорт, принялся внимательно его рассматривать. Наконец он сказал:

— У меня сегодня день рождения, мадам, поэтому я добрый. Возьмите свой фальшивый паспорт и отдайте тем людям, которые его вам продали. И пусть они вернут вам деньги. Чикаго, где вы якобы родились, находится в штате Иллинойс, а не в Индиане. Я вас во Францию не пропущу.

Не скрывая смущения, «Джипси» взяла паспорт и поспешила выйти из поезда. При себе она имела секретные материалы по научно-технической разведке и крупную сумму в американских долларах, предназначенных для парижской резидентуры. «Джипси» необходимо было попасть в Париж, и она решила преодолеть границу на автобусе. Такая попытка оказалась успешной: видимо, другой пограничник, проверявший паспорта, не был силен в географии. Задание было выполнено.

Обратно в Германию «Джипси» возвращалась не через Страсбург, а через Саарбрюккен. О случившемся она доложила резиденту, а тот в свою очередь проинформировал Центр. А в Центре потом долго выясняли, кто допустил такую грубую ошибку, едва не приведшую к серьезным последствиям. Вскоре «Джипси» получила новый паспорт, по которому совершала поездки во Францию. Изредка она использовала в этих целях и свой настоящий американский паспорт.

Предсказание молодого нациста, сделанное им на вечеринке в сочельник в канун 1933 года, сбылось. Ошибся он всего на один месяц. 30 января 1933 года рейхсканцлером Германии стал фюрер нацистов Гитлер. Над Германией опустилась ночь средневековья. В марте 1933 года начались массовые преследования коммунистов и евреев. Социал-демократы, дружно голосовавшие в рейхстаге за запрет компартии Германии и лишение коммунистов депутатских мандатов, вскоре сами стали объектом преследования со стороны нацистов. В результате берлинская резидентура

внешней разведки лишилась многих своих надежных источников. Ряду сотрудников «легальной» и нелегальных резидентур, в основном еврейской национальности, пришлось срочно покинуть Германию.

В мае 1933 года нелегальную резидентуру ожидала еще одна неприятность. Во Франции был арестован агент-нелегал «Янош», с которым «Джипси» встречалась в Праге. Существовала опасность того, что через «Яноша» спецслужбы могут выйти на «Джипси», поэтому по решению Центра она была отозвана в Москву. Здесь ее разместили в общежитии для иностранцев и вскоре предложили путевку в санаторий в Сочи. Через три месяца, убедившись, что арест «Яноша» не повлиял на работу нелегальной резидентуры в Германии, работник Центра вручил Китги новый паспорт, с которым она возвратилась в Берлин.

В декабре 1933 года резидентом нелегальной разведки в Берлине был назначен опытный разведчик-нелегал Василий Зарубин (оперативный псевдоним — «Бетти»). В Германии он работал вместе с женой, опытной разведчицей-нелегалом Елизаветой Зарубиной (оперативный псевдоним — «Эрна»).

Зарубин предпринял энергичные меры по перестройке нелегальной работы в Германии и обеспечению ее безопасности. Он восстановил связь с ответственным сотрудником «советского» отдела гестапо Вилли Леманом («Брайтенбах»). От последнего на регулярной основе поступала информация о предстоящих провокациях гестапо в отношении сотрудников советских представительств в стране. Благодаря этой информации советская разведка успешно избегала провалов в своей работе. Ценная информация поступала и от других источников резидентуры в МИД Германии, в промышленных корпорациях и в ряде иностранных посольств. Вся информация обрабатывалась на месте и фотографировалась. А затем «Джипси» должна была обеспечить ее бесперебойную доставку по назначению.

Приехав в Берлин и устроившись, «Джипси» вышла на старую явку — в знакомую ей табачную лавку. Здесь она встретила со своим новым куратором «Эрной». Женщины быстро подружились, и их дружба продолжалась долгие годы. «Эрна» поставила перед «Джипси» задачу установить контакт с агентом «Наследство», являвшимся инженером на одной из крупных германских фирм. Он работал по линии научно-технической разведки и за материальное вознаграждение передавал резидешуре сведения о ее новейших технических разработках. Жена немца была в курсе его работы на советскую разведку и даже иногда сопровождала мужа на встречи с «Джипси».

Первая встреча с агентом состоялась в берлинском зоопарке Тиргартен. Уже издали «Джипси» увидела эту семейную пару. Присев к ним на скамейку и обменявшись паролями, она получила пакет с документальной информацией, который затем благополучно передала «Эрне». Встречи «Джипси» с «Наследством» стали регулярными. Все шло хорошо, но вдруг агент перестал выходить на явки. Встревоженный Центр попросил резидентуру выяснить его судьбу. «Джипси» посетила его и выяснила, что агент жив и здоров, в поле зрения гестапо не попадал. Свой разрыв с советской разведкой он объяснил тем, что на полученные за информацию деньги он купил себе загородный дом и после этого счел, что его материальные проблемы решены. По решению Центра «Джипси» встретила с женой источника в городе и убедила ее оказать влияние на мужа в плане продолжения сотрудничества с советской разведкой. В дальнейшем от немца были получены важная научно-техническая информация и другие секретные сведения.

С начала 1934 года «Джипси» вновь начинает регулярно выезжать в Париж. В первые годы правления нацистов пограничный режим в стране был несколько ослаблен. Объяснялось это тем, что нацистская Германия развернула тотальный шпионаж против своих соседей. Гитлер, например, заявил, что каждый немец должен быть разведчиком за границей и контрразведчиком в своей стране. Для облегчения поездок «фольксдойче» — этнических немцев, проживавших в других странах — и были введены послабления при пересечении границы. Кроме того, Гитлер стремился показать свои «достижения», в частности, отсутствие безработицы, достигнутое за счет нещадной милитаризации страны. Франция же, наоборот, столкнувшись с разгулом терроризма и растущей угрозой со стороны гитлеровской Германии, ужесточала пограничный режим, относясь с подозрением ко всем прибывающим из Третьего рейха.

У нелегального резидента в Берлине «Бетги» имелась надежная конспиративная квартира. Как-то раз ее хозяйка, проживавшая на ней с 16-летней дочерью, сообщила, что неожиданно появился ее брат, Эрих Такке, которого она не видела пятнадцать лет. Он сообщил, что хочет устроиться в Берлине надолго, снял меблированную комнату, интересовался старыми знакомыми. «Бетги» очень удивился. Он хорошо знал Эриха по совместной разведывательной работе в Маньчжурии. Было ему известно и то, что в Берлине Такке находился на нелегальной работе, а затем был отозван в Центр. Через несколько дней «Брайтенбах» сообщил «Бетги», что в гестапо поступило заявление от бывшего социал-демократа Мейсснера, который случайно встретил в Берлине Эриха Такке. Ранее они встречались в

Москве, из которой он, видимо, прибыл.

Резиденту-нелегалу стало ясно, что над его другом нависла серьезная опасность. Он поручил «Джипси» связаться с Эрихом, которого она лично знала еще по работе в Китае и в Германии, и предупредить его об угрозе провала. Задание было успешно выполнено. Также был временно укрыт на конспиративной квартире, а затем выехал в Москву. Готовившуюся провокацию гестапо удалось предотвратить.

Вскоре «Джипси» получила новое задание. Ей предстояло изучить некоего Штадтлера, попавшего в поле зрения нелегальной резидентуры. Он работал инженером на военном заводе, поэтому прямой контакт советских представителей с немцем был нежелательным. Было решено сделать его установку через частное детективное бюро, которое должна была посетить «Джипси». Она успешно справилась с заданием. Получив сведения от детектива о том, что Штадтлер на Масленицу будет присутствовать на карнавале, она познакомилась с ним и представила ему «своего двоюродного брата», сотрудника нелегальной разведки, который впоследствии завербовал немца.

В качестве связной берлинской резидентуры «Джипси» пришлось также выезжать в Данию и Швецию, где она по поручению Центра встречалась с ценными источниками. В Швеции, в частности, «Джипси» встречалась с опытным немцем-подпольщиком Эрнстом Вольвебером. В 1936 году, выехав в Данию, он создал там нелегальную организацию «Бернхард», в которую вошли около шестидесяти разведчиков-диверсантов. С началом Второй мировой войны его группа проводила диверсии на германском флоте. В результате были потоплены около 20 германских торговых судов, 3 итальянских, 2 японских и одно румынское. После оккупации Дании германскими войсками Вольвебер эмигрировал в Швецию.

В октябре 1935 года «Джипси» вызвали в Москву для прохождения курса специальной подготовки. Разместили ее в общежитии за городом. Вместе с ней на разведывательных курсах обучались французы, немцы, лица других национальностей.

Занималась «Джипси» по индивидуальной программе. Она добилась неплохих результатов в изучении русского языка и концу обучения сносно на нем говорила. Среди специальных дисциплин главными предметами для нее были фотодело и радиосвязь. Руководителем технической подготовки «Джипси» был Вильям Фишер, ставший широко известным в 1960-е годы под именем полковника Абея.

В начале 1936 года Центр принял решение вновь направить «Джипси»

на нелегальную работу. В апреле того же года она выехала в Париж в нелегальную резидентуру, которую возглавлял Теодор Малли. Вместе с другим разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым он провел, в частности, операцию по доставке из Рима в Москву ручного пулемета новейшей системы и ряда других образцов военной техники. «Джипси» участвовала в некоторых острых операциях совместно с Малли и Быстролетовым. Одновременно она являлась радисткой резидентуры.

Через несколько месяцев работы «Джипси» в парижской нелегальной резидентуре Теодор Малли был переведен из Парижа в Лондон. Вместе с ним на берега Темзы отправилась и разведчица, которая в качестве курьера резидентуры начала совершать регулярные поездки из Лондона в Париж и обратно.

К концу 1936 года в лондонской резидентуре появилась новая техника связи, которую «Джипси» не знала. По предложению Теодора Малли она выехала в Москву для повышения квалификации. Однако учеба ей давалась с трудом, освоение новой техники связи шло медленно, и карьера «Джипси» как радистки лондонской нелегальной резидентуры не состоялась. В то же время она основательно освоила новейшую технику фотографирования документов, а также оперативно-технические средства, предназначенные для маскировки документов и материалов при их перевозке.

«Джипси» возвратилась в Лондон, где продолжила разведывательную деятельность под руководством резидентов нелегальной разведки Теодора Малли, Григория Графлена и Арнольда Дейча. В Лондоне ей пришлось активно работать с одним из членов знаменитой «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном. «Джипси» фактически выполняла роль руководителя этого разведчика, поставлявшего информацию в весьма большом объеме.

* * *

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка приступила к осуществлению плана приобретения перспективной агентуры среди студентов высших учебных заведений западноевропейских стран в расчете на их внедрение в дальнейшем в интересовавшие Москву правительственные объекты и местные спецслужбы.

Начальник советской внешней разведки того периода Артур Артузов подчеркивал по этому поводу, что даже вербовка агентуры среди

шифровальщиков внешнеполитических ведомств иностранных государств хотя и открывает путь к проникновению в их тайны, однако не позволяет оказывать непосредственное влияние на политику этих стран. Этого можно добиться лишь путем внедрения своей перспективной агентуры в руководящие государственные и политические круги.

Одной из первых решить эту задачу удалось нелегальной резидентуре НКВД в Англии, где выдающимся советским разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем была сформирована агентурная группа, получившая впоследствии широкую известность как «Кембриджская пятерка». В нее вошли выпускники привилегированного Кембриджского университета Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Берджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

В истории спецслужб не существовало аналога «Кембриджской пятерки». Её деятельность считают высшим достижением не только советской, но и мировой разведывательной практики. В полную силу разведчики проявили себя уже к началу Великой Отечественной войны. Занимая, в силу своего происхождения и неординарных личных способностей, заметное положение в британском истеблишменте и вращаясь на протяжении многих лет в самых высоких руководящих сферах Англии, члены «Кембриджской пятерки» поставляли в Москву ценнейшую военно-политическую информацию. В годы войны они являлись для Лубянки самыми продуктивными источниками документальной информации. И не случайно бывший директор ЦРУ Аллен Даллес назвал «Кембриджскую пятерку» «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны». Его слова были недалеки от истины. Только за 1941–1945 годы от членов «Кембриджской пятерки» было получено более 18 тысяч секретных и совершенно секретных документов.

Безусловно, Ким Филби и его коллеги были людьми, имевшими большие заслуги перед своей страной — Великобританией. Но еще большие заслуги у них были перед Советским государством, которому они отдали свой талант, став советскими разведчиками в самые трудные для нашей Родины годы.

Судьба одного из членов «Кембриджской пятерки» — Дональда Маклейна — стала на долгие годы судьбой «Джипси».

* * *

5 мая 1913 года в семье видного политического деятеля Великобритании шотландского происхождения сэра Дональда Маклейна

родился первый сын, которого при крещении назвали Дональд Дюарт. Отец мальчика был адвокатом, оставившим свою доходную практику, чтобы стать лидером «независимых либералов», членом парламента, вице-спикером палаты общин, а затем членом правительства Рамсея Дж. Макдональда — председателем Совета по национальному образованию. Мать Дональда-младшего леди Маклейн была дочерью мирового судьи, очень религиозным человеком, женщиной строгих моральных принципов.

Уже в школе Грешамз-скул, благодаря своим успехам в изучении иностранных языков, Дональд-младший получил право поступления стипендиатом в привилегированный Тринити-колледж Кембриджского университета. Его отец, хотя и являлся видной политической фигурой в стране, был небогатым человеком, и стипендия на обучение сына была совсем не лишней. Поступив в 18 лет в университет, Маклейн с головой окунулся в политическую деятельность. Он не пошел по стопам своего отца, свято верившего в то, что Библия и есть буквальное слово Божье, не примкнул ни к одной из традиционных партий Великобритании. Придерживаясь прогрессивных политических взглядов, Дональд вступает в Социалистическое общество студентов и вскоре приобретает известность «писателя и оратора».

Первые шаги в самостоятельной жизни Дональда совпали с «Великой депрессией» 1929–1932 годов и вызванным ею мировым экономическим кризисом. Англию потрясли забастовки рабочих, парализовавшие экономическую жизнь в стране. На континенте, в Германии, униженной системой Версальских договоров, бешеными темпами набирает силу фашизм. И только СССР на фоне кризиса старых политических концепций демонстрирует всему миру устойчивый и быстрый экономический и социальный рост.

В 1932 году умирает отец Дональда, и он открыто порывает с буржуазными традициями своей семьи, активно участвует в деятельности Компартии Великобритании, с увлечением изучает «Коммунистический манифест» Карла Маркса. В связи с приходом Гитлера к власти в Германии Маклейн приходит к выводу о том, что единственной надеждой спасения европейской цивилизации от угрозы нацизма является присоединение его страны к научному социальному эксперименту, осуществляемому в Советском Союзе, и их совместная борьба против «коричневой чумы». Он был убежден, что полный социализм сначала победит в Англии, а затем с ее помощью и в СССР.

Рассказы товарищей по партии, явившихся очевидцами и участниками уличных боев в Германии и Австрии с нацистами, производят на Маклейна

громадное впечатление. Он приходит к выводу о том, что только идеи Ленина, реализуемые в СССР, способны объединить силы социализма, чтобы противостоять угрозе нацизма.

В Кембриджском университете возникает группа молодых студентов-коммунистов, выражающих желание принять участие в осуществлении коммунистического эксперимента в Советском Союзе. Дональд Маклейн, принадлежавший к этой группе, как-то в разговоре с матерью заявил, что считает своим долгом поехать в СССР, чтобы работать там учителем или сельскохозяйственным рабочим в совхозе. Однако мать Дональда выбрала другую карьеру для своего сына. Она мечтала, чтобы ее старший отпрыск, проявивший блестящие способности в университете, стал дипломатом.

...Угроза новой мировой войны, ставшая реальной после прихода нацистов к власти в Германии, вызвала реорганизацию внешней разведки органов безопасности нашей страны. Возглавлявший ее ученик Ф. Дзержинского, выдающийся разведчик Арпгур Христианович Артузов предлагает главный упор в работе сделать на ведение разведки с нелегальных позиций. Он приходит к выводу о том, что проникнуть в высшие сферы правящей элиты в основных европейских странах и США традиционными методами разведки уже нельзя и надо делать ставку на внедрение в эти сферы перспективных агентов, являющихся выходцами из привилегированных классов и придерживающихся коммунистической идеологии.

В 1934 году Маклейн окончил факультет политической истории и филологии Кембриджского университета.

В том же 1934 году в Англии создается нелегальная резидентура во главе с опытным разведчиком Игнатием Рейфом. В качестве вербовщика ему оказывал помощь разведчик-нелегал Арнольд Дейч, находившийся в Англии под видом австрийского ученого-психолога. В Лондоне он вышел на группу прогрессивно настроенных студентов Кембриджа и Оксфорда и уже в июне 1934 года сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой первого члена знаменитой впоследствии «Кембриджской пятерки» Кима Филби.

Делая ставку на приобретение перспективной агентуры из представителей правящей элиты Великобритании, Арнольд Дейч как опытный психолог отмечал четыре характерных особенности этой категории кандидатов на вербовку: присущее их классу недовольство положением вещей, склонность к скрытности, стремление к духовной близости с единомышленниками, детская жажда похвалы и одобрения. Эти особенности считались им необходимыми для того, чтобы привлечь

молодых англичан-аристократов к сотрудничеству с советской разведкой.

В июле 1934 года Дейч дает задание Филби тщательно изучить своего друга Дональда Маклейна, который в оперативной переписке получает псевдоним «Вайзе» («Сирота») — явный намек на смерть его отца, последовавшую за два года до этого. Задание Филби предусматривало тщательно разобраться со связями Маклейна в интересующих разведку политических кругах Англии и выяснить, готов ли он отказаться от активной политической деятельности в пользу тайного сотрудничества с советской разведкой.

Выполняя задание Дейча, Филби как-то пригласил Дональда к себе домой. В ходе беседы он выяснил, что его друг намерен после окончания Кембриджского университета устроиться на работу в МИД Англии и, несмотря на это, оставаться активным коммунистом. В то же время оказалось, что пока Дональд не представляет себе, в чем будет заключаться его активная коммунистическая деятельность.

— Если ты будешь продавать среди дипломатов коммунистическую газету «Дейли уоркер», то не думаю, что долго там продержишься, — заметил Филби. — Но ты можешь вести там специальную работу.

Эти слова друга заинтересовали Дональда, который попросил пояснить, о какого рода работе идет речь. Филби в самых общих чертах пояснил, что Дональд может передавать советским друзьям полезную для СССР и Коминтерна информацию, почерпнутую из документов МИД Великобритании. Он заверил своего друга в том, что люди, с которыми он связан, «занимают очень важные посты и работают в очень серьезной организации». Дональд без колебаний согласился оказывать помощь Советскому Союзу, обещав держать в тайне это сотрудничество.

Эта беседа состоялась в середине августа 1934 года. Позже, касаясь работы по перспективной агентуре, лондонская нелегальная резидентура в одном из писем в Центр подчеркивала:

«Идея вступления в «тайное общество» была очень привлекательной для молодых людей, мечтавших о лучшем мире и героических подвигах. По складу ума и взглядам они очень напоминали молодых русских декабристов прошлого столетия и внесли в советскую разведку подлинный пыл неофигов и веру в идеалы».

Выдающийся советский разведчик Джордж Блейк, вспоминая о своем друге Дональде Маклейне, позже рассказывал:

«Решение Маклейна служить Советскому Союзу нельзя рассматривать иначе, как на фоне великой экономической депрессии 1930-х годов и нарастающей угрозы нацизма, исходившей главным образом от

гитлеровской Германии. Он принадлежал к высшему английскому обществу, и его ожидала блестящая карьера в государственных учреждениях Британской империи. Однако он, как и его товарищи по «Кембриджской пятерке», глубоко переживал вопиющее экономическое и социальное неравенство, которое видел вокруг себя. Они были своего рода «английскими декабристами» и верили, что только учение Ленина и дисциплина Коминтерна смогут избавить Англию от этих бед, мобилизовать силы социализма на борьбу с нацистскими штурмовиками».

В Центр было доложено об успешной вербовке Дональда Маклейна. Однако Лубянка не спешила санкционировать включение его в агентурную сеть. В ответной телеграмме говорилось: «От прямой связи воздержаться до проверки и выяснения его возможностей. Использовать пока его через «Зенхена» (псевдоним Кима Филби. — *Примеч. авт.*)».

Такое указание Центра диктовалось соображениями конспирации. Начальник внешней разведки Ариузов опасался, что Маклейн не утратил связей с компартией и может попасть в поле зрения контрразведки в связи с предстоящим устройством на работу в МИД Великобритании.

В октябре 1934 года резидентура установила прямой контакт с Маклейном. В телеграмме в Центр резидент сообщал: «С «Вайзе» мы связались. Он совершенно прекратил свои связи с «земляками» (так в оперативной переписке именовались тоща коммунисты) и стал членом общества высших кругов. Его связи исключительны и, возможно, он получит хорошую должность».

Тем временем Маклейн готовился к экзаменам на государственную службу. Мать Дональда хлопотала перед коллегами покойного мужа о том, чтобы они оказали ему протекцию, необходимую для приема на работу в МИД. Она заручилась поддержкой лидера консерваторов и премьер-министра Великобритании Стенли Болдуина, который являлся другом семьи Маклейнов и написал рекомендательное письмо. Сам Дональд Маклейн успешно сдал экзамены, необходимые для поступления в МИД, и прошел соответствующие собеседования.

Понимая, что во время неформальной беседы в Форин оффисе неизбежно встанет вопрос о его принадлежности к компартии, резидентура отработала с Маклейном линию его поведения. Когда ему на самом деле был задан соответствующий вопрос, он ответил: «У меня действительно были такие взгляды, и я еще не вполне от них отделался». Искренность кандидата на работу в МИД Англии произвела благоприятное впечатление на членов комиссии, председатель которой Ричард Четфилд был другом отца агента. Комиссия рекомендовала кандидатуру Маклейна для

зачисления в штат министерства.

Впрочем, «полноценным» агентом» Маклейн стал после того, как Центр убедился в том, что он располагает интересующими Москву разведывательными возможностями. В октябре 1935 года Маклейн был принят на работу в МИД Великобритании, а в Москву была направлена фотокопия письма министра иностранных дел лорда Саймона, в котором тот официально извещает агента о том, что он зачислен в штат сотрудников Уайт-холла.

Давая характеристику «Вайзе», Арнольд Дейч писал в Центр:

«„Вайзе“—другой человек, чем „Сынок“. Он проще и увереннее. Он высокий, красивый парень (рост —190 см) и производит приятное впечатление. Он это знает, но не злоупотребляет этим...

Он пришел к нам из честных убеждений: интеллектуальная бессодержательность и бесцельность жизни буржуазного класса, к которому он принадлежал, его оттолкнула.

Он много читал, умен, но не так глубок, как „Сынок“. Он скромнен и с детства привык к скромному образу жизни, так как его отец хотя и был министром, но богатым человеком не был... Он сдержан и скрытен, редко показывает свой энтузиазм или восхищение.

„Вайзе“ честолюбив и не любит, коща ему доказывают, что он допустил ошибку. Он смелый человек и готов все для нас сделать. Но ни он, ни „Сынок“ пока не знают, для какой организации они работают. Мы лишь сказали им, что это для партии и Советского Союза».

Назначение Маклейна на должность 3-го секретаря Западного отдела МИД Великобритании открыло ему, и, следовательно, советской разведке, доступ к секретным документам и докладам, касающимся политики Англии в Нидерландах, Испании, Португалии и Швейцарии, а также к переписке, касающейся Лиги Наций. Вскоре, благодаря дружбе с одним из высокопоставленных сотрудников отдела, Маклейн стал информировать Лубянку о политике Лондона в отношении нашей страны. Его дружба со знакомым по Кембриджу Тони Рамболдом, сыном британского дипломата сэра Гораса Рамболда, открыла советской разведке доступ к информации об отношениях Великобритании с Францией, Германией и Бельгией.

В марте 1936 года резидентура сообщает в оперативном письме начальнику внешней разведки А. Слуцкому, сменившему на этом посту А. Артузова: «Истекшие несколько месяцев показали, что «Вайзе» пользуется свободным доступом ко всем документам, проходящим через его отдел. Обнаружилась весьма благоприятная обстановка для изъятия документов и их фотография».

Это был, несомненно, большой успех советской разведки. Однако вскоре Маклейн доказал, что способен на большее.

В связи с тем, что в те годы в британском МИД было весьма либеральное отношение к сохранности секретных документов, а его сотрудникам разрешалось брать их с собой на дом для работы, Маклейн начиная с января 1936 года стал тайно выносить материалы Форин оффиса, которые за ночь переснимал фотограф нелегальной резидентуры, а утром следующего дня они возвращались на место. Вскоре объем подлинных документов возрос настолько, что его куратор Дейч попросил агента по возможности выносить их в пятницу вечером, чтобы дать возможность фотографу поработать с ними в течение двух дней и вернуть их в понедельник утром.

Благодаря усилиям Маклейна, пользовавшегося полным доверием своих сослуживцев, на Лубянку хлынул такой поток совершенно секретной документальной информации, что Дейчу стало довольно трудно обслуживать агента и одновременно руководить нелегальной агентурной сетью в Лондоне.

В апреле 1936 года нелегальную резидентуру НКВД в Великобритании возглавил один из лучших нелегалов Центра Теодор Малли («Манн»). Что же касается Дейча, то он по-прежнему продолжал руководить кембриджской группой агентов. Одновременно он принимал самые активные меры к дальнейшему расширению нелегальной агентурной сети.

Работая с Маклейном, Дейч был поражен обилием важных материалов, поступающих от иностранца. 24 мая 1936 года он пишет в оперативном письме в Центр:

«Пришел вечером «Вайзе», принес огромную пачку докладов. Мы сняли только часть, так как у нас вышли пленки, а сегодня воскресенье, да еще ночь. Он хотел вынести бюллетень военной разведки — не удалось сегодня. На Троицу он должен остаться в городе, надеемся, что сможет принести больше, включая то, что он до сих пор не сумел еще принести».

Ставка Артузова на перспективную агентуру, внедряемую в важнейшие правительственные учреждения разведываемых стран, блестяще себя оправдала. Это было новое слово в разведывательном искусстве.

Когда пленки с копиями документов МИД Англии поступили в Центр, руководители подразделения, занимавшегося английским направлением, были крайне удивлены их ценностью. После ознакомления с полученными из Лондона материалами на имя начальника разведки была подготовлена служебная записка, в которой, в частности, отмечалось: «Есть основания

считать, что мы наткнулись на линию английской военной разведки, действующей в ряде стран, в том числе в СССР. Документация, с которой мы только что познакомились, убедила нас в том, что мы вплотную подошли к одной из линий английской Интеллидженс сервис».

Дальнейшее получение дополнительной информации от Маклейна позволило советской контрразведке выйти на британского агента «Гибби», завербованного в 1933 году офицером МИ-6 Гарольдом Гибсоном в Наркомате иностранных дел.

Среди полученных от Маклейна материалов британской разведки были весьма ценные сведения о состоянии германских военных заводов с точными цифровыми данными о выпуске ими военной продукции, а также мобилизационные планы Германии, Италии и Франции. Агент передал также доклад английского «Комитета снабжения армии» о переводе британской промышленности на военные рельсы в случае угрозы войны. В приложении к документу содержался совершенно секретный доклад Британского имперского комитета обороны о подготовке к войне на Дальнем Востоке, а также германская «Директива о пересмотре и переработке планов ведения войны в Европе» на пятилетний период (1934–1939 годы).

Следует отметить, что доклад Британского имперского комитета обороны сыграл свою зловещую роль в том, что в предвоенный период «мюнхенская» Англия, опираясь на мнение Комитета начальников штабов, считавшего, что британские вооруженные силы без труда разделаются с Гитлером, упорно отказывалась от всяческого сотрудничества с СССР в военно-политической области. Однако суровые реалии военной обстановки начала 1940-х годов развеяли розовые иллюзии лондонских военных, привыкших одерживать легкие победы над безоружными туземцами.

Секретные доклады высшему руководству Великобритании, поступавшие от Маклейна на Лубянку, поражали не только своим объемом, но и глобальным охватом важнейших политических и военных проблем современности и представляли огромную ценность для Кремля, поскольку позволяли советскому руководству быть в курсе политики основных империалистических государств того времени.

Огромный интерес для руководства внешней разведки органов госбезопасности представляли, в частности, документы британской службы дешифрования, получившей позднее название

3 Антонов В. С. 65 «Школа правительственной связи». Маклейн сумел предоставить своим кураторам доказательства того, что эта служба так и не сумела добиться каких-либо успехов по вскрытию советских шифров. В то

же время он информировал Москву, что англичане читают зашифрованную переписку Коминтерна, а также сумели взломать шифры американского, французского и германского внешнеполитических ведомств.

В частности, он сообщил, что служба Оливера Стрейчи с целью взлома советских шифров заручилась согласием британского депутата от консервативной партии инспирировать в парламенте дебаты по вопросу советско-британских отношений в надежде, что их текст будет дословно передан шифром в Москву. Однако предупрежденный разведкой нарком иностранных дел СССР дал указание послу в Лондоне И. Майскому направлять подобные материалы только в изложении, а полный текст высылать в не-проявленной пленке. В результате из этой затеи Школы правительственной связи ничего не вышло.

Помимо огромного количества совершенно секретной политической информации Маклейн передал советской разведке сведения о структуре и руководящих кадрах британской контрразведывательной службы МИ-5, которую в ту пору возглавлял Вернон Келл. Организованное резидентурой наружное наблюдение за Келлом позволило советской разведке установить и других старших сотрудников МИ-5. Однако основной целью, поставленной перед Маклейном, оставалось проникновение в британскую разведку МИ-6, или Сикрет интеллидженс сервис (СИС). 8 октября 1936 года ему удалось познакомиться с сотрудником МИ-6 Дэвидом Футманом, на которого в дальнейшем был выведен другой член «Кембриджской пятерки» — Гай Берджесс.

Однако в 1937 году на сотрудников советской внешней разведки обрушился вал необоснованных репрессий. Руководитель нелегальной резидентуры Теодор Малли был отозван в Москву и расстрелян. Выехал в Москву и куратор Маклейна Арнольд Дейч. Связь советской разведки с Маклейном была на некоторое время утрачена.

Почти шесть месяцев — до весны 1938 года — Маклейн и другие члены «Кембриджской пятерки» оставались без куратора, пока в апреле в Лондон не прибыл новый руководитель «легальной» резидентуры Григорий Графпен (оперативный псевдоним «Сэм»).

Для поддержания связи с Маклейном Центр направил в Лондон агента-связника нелегальной разведки «Джипси». Она установила с агентом контакт по паролю 10 апреля 1938 года.

В Белой книге британского Форин оффиса, изданной в начале 1950-х годов, говорилось: «Дональд Маклейн оказался исключительно способным работником и получил ранг советника уже в 35 лет, то есть продвигался по службе очень быстро. Он работал на ответственных дипломатических

должностях в посольствах Анпши во Франции, США и Египте. В 1950–1951 годах возглавлял американский отдел Форин оффиса».

В 1951 году в связи с угрозой провала Маклейн был выведен в нашу страну, получил советское гражданство и в дальнейшем проживал в Москве... Первое время являлся консультантом советской внешней разведки. Затем более 20 лет проработал старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, став авторитетным ученым-международником. Им было подготовлено несколько крупных научных работ по различным проблемам международных отношений. За монографию «Внешняя политика Англии после Суэца», опубликованную у нас в стране, а также в Англии и США, ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

За большие заслуги перед Советским государством Маклейн был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Дональд Дюарт Маклейн умер в Москве 6 марта 1983 года. В соответствии с завещанием его тело было кремировано, а урна с прахом помещена в фамильный склеп в Лондоне.

* * *

Но вернемся в конец 1930-х годов.

Итак, после дополнительной подготовки в Москве Центр направил Китги Харрис в качестве связной в нелегальную резидентуру в Лондоне. Ее руководителем стал разведчик-нелегал Арнольд Дейч. Прибыв в Лондон, Китги сняла в центре города благоустроенную квартиру и по его заданию стала встречаться с Дональдом Маклейном, который продолжал работать в министерстве иностранных дел Англии. Он приносил на квартиру к Китти объемистый портфель с секретными документами, и они вдвоем фотографировали их. Утром Дональд возвращал документы на место, а Китги встречалась с резидентом, которому передавала отснятые пленки с информацией.

Гай Берджесс, работавший в то время на Би-би-си, имел задание внедриться в британскую разведывательную службу МИ-6. По наводке Дональда Маклейна ему удалось познакомиться с офицером этой службы Футманом, который также был автором шпионских романов. Под предлогом работы над радиопередачей по его последней книге Берджесс встретился с Футманом в гостинице «Лэнгем». Китги получила задание Дейча проследить за этой встречей, чтобы затем сопоставить ее выводы с

отчетом Берджесса. В целом его рассказ о встрече полностью совпал с тем, что рассказала об этой встрече Китти. Берджессу удалось сблизиться с Футманом, и офицер МИ-6 помог ему стать сначала внештатным, а затем постоянным сотрудником британской разведки. Гай Берджесс, в свою очередь, способствовал приему туда Кима Филби.

Китти, получившая на этот раз новый оперативный псевдоним «Норма», продолжала активно работать с Маклейном. А Центр продолжал тщательно отслеживать все вопросы, связанные с безопасностью агента. Так, в одном из писем на имя нового резидента Графпена Москва подчеркивала:

«„Лирика“ (новый псевдоним Д. Маклейна) надо беречь как зеницу ока. Он достоин того, чтобы в бюджете вашего времени занимать определенное и не последнее место».

Поток информации от Маклейна все возрастал. Помимо документов британского МИД он передавал и телеграммы СИС — британской разведывательной службы. Он него поступили сведения о том, что СИС перехватывает и расшифровывает телеграммы Коминтерна. Несмотря на предупреждения Маклейна, эти телеграммы продолжали поступать. В ответ на настойчивые напоминания резидентуры Центр телеграфировал, что приняты строгие меры, и британской разведке больше не удалось читать переписку Коминтерна.

В 1938 году советский теплоход «Комсомол», направлявшийся с грузом помощи республиканской Испании, был потоплен в Средиземном море франкистским военным кораблем. Судьба экипажа оставалась неизвестной. Центр поручил лондонской нелегальной резидентуре выяснить, что с ним произошло. Соответствующее задание было дано Маклейну и агенту «Нелли», которой поручалось выехать в Испанию. «Нелли» через своего мужа имела выход на британскую фашистскую партию, поэтому советская разведка использовала ее для выполнения разовых заданий только в крайних случаях. Дейч поручил Китти встретиться с «Нелли» и передать ей задание Центра.

Китти направилась по указанному адресу и позвонила в дверь квартиры. Неожиданно дверь открыл ее знакомый по Берлинскому университету Джон Смит, член британской фашистской партии.

Он обрадовался встрече, видимо, приняв Китти за единомышленницу. Она объяснила, что в Лондоне находится проездом, а его адрес дали ей «общие друзья», намекая на несуществующие у нее связи с нацистами. Смит познакомил Китти со своей женой, которая действительно оказалась агентом советской разведки «Нелли». Когда Джон отлучился из комнаты,

Китти объяснила ей задание Центра, и вскоре «Нелли» выехала в Испанию. Маклейну также удалось получить информацию о судьбе экипажа теплохода «Комсомол», которая вскоре была опубликована в советской прессе. Центр принял меры к тому, чтобы на его положении в МИД Англии эта публикация не отразилась.

Чтобы не вызывать подозрений окружающих, Китти и Дональд на людях разыгрывали из себя влюбленных. Даже хозяйка дома, в котором Китти снимала квартиру, одобрила наличие у нее «постоянного друга». Однако, как это нередко бывает в разведке, оперативная легенда стала реальностью — они всерьез полюбили друг друга. Этому способствовала не только их молодость, но и общая работа, связанная с каждодневным риском, забота о том, чтобы каждый из них не попал в поле зрения британских спецслужб. Об этом стало известно Центру, который благосклонно отнесся к этому «служебному роману», справедливо посчитав, что это только пойдет на пользу их общей работе.

В ходе одной из бесед Китти как-то проговорила Дональду, что его оперативный псевдоним в переписке с Центром — «Лирик», а она известна Центру как «Норма». Дональд решил подшутить над Китти и очередное письмо в Центр подписал своим псевдонимом. Центр, разумеется, не был в восторге от нарушения правил конспирации и отчитал обоих. Оперативные псевдонимы Китти и Дональда были изменены. Он стал «Стюартом», а она — «Адой».

В 1938 году Германия, поглотившая Австрию, стала активно готовить захват Чехословакии. Москву интересовала позиция

Лондона по данной проблеме. В мае 1938 года Дональд Маклейн по заданию Форин офиса выехал в Прагу в составе оперативной группы британского МИД. Здесь он, работая в качестве шифровальщика, сумел заполучить и передать советской разведке телеграммы о всех действиях Лондона по подготовке «Мюнхенского сговора». Москве стало ясно, что Англия дает «зеленый свет» агрессии Гитлера на Восток. Сообщил он также и об организации британской разведывательной работы в Праге. Очень важным было его сообщение о безуспешных попытках британских криптоаналитиков раскрыть советские дипломатические шифры.

В конце мая Дональд возвратился в Лондон. Он привез Китти в качестве подарка кулон на золотой цепочке, на котором было выгравировано «К. от Д.». Встретившись с Китти на ее квартире, Дональд вручил ей этот подарок ко дню ее рождения, а вскоре из ресторана был доставлен роскошный ужин на двоих.

Через некоторое время Дональд получил назначение на должность

третьего секретаря посольства Великобритании в Париже, что соответствовало принятой в МИД этой страны практике. Центр решил, что связь с ним в Париже будет поддерживать Китти. Их отъезд в столицу Франции планировался на октябрь 1938 года.

28 сентября, в один и тот же день, но разными путями, Дональд и Китти выехали в Париж. Историки окрестили этот день «черной средой», поскольку немецкие генералы-заговорщики, напуганные планами Гитлера захватить Чехословакию, намеревались отстранить его от власти. Однако, узнав о том, что Гитлер встречается в Мюнхене с Даладье и Чемберленом, которые согласились «выдать с головой» ему Чехословакию, заговорщики от своих планов отказались. Мюнхенская капитуляция Англии и Франции открыла дорогу Гитлеру к развязыванию Второй мировой войны.

На первых порах Китти не успела снять квартиру в Париже, поэтому ее встречи с Дональдом происходили в разных районах города, в основном в парках. По сравнению с Лондоном разведывательные возможности Дональда резко сократились, однако он подробно информировал Китти о содержании всех документов, поступающих в британское посольство по линии МИД. Особый интерес для Москвы представляла информация, касающаяся «Мюнхенского сговора» и дальнейших шагах Лондона и Парижа по сближению с Гитлером.

Вообще-то Англия и Франция с давних пор ревниво относились к действиям друг друга в отношении Германии. Когда в 1923 году Берлин отказался вносить репарации, Франция в ответ оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону. Это вызвало резкую реакцию Лондона, который опасался усиления влияния Франции в этой стране. Когда же Англия и США стали усиленно предоставлять многомиллионные займы Германии на возрождение ее военной промышленности, это вызвало протесты со стороны Франции, не желавшей усиления военного могущества своей восточной соседки. Однако после заключения позорной мюнхенской сделки Лондон и Париж «слились в экстазе», пытаясь направить агрессию Гитлера на Восток. «Двести семей», правивших в то время во Франции и представлявшие крупный французский капитал, считали, что Гитлер лучше, чем «Народный фронт», победивший в Испании на выборах 1936 года.

Однако усилия «мюнхенцев» направить агрессию Гитлера против Советского Союза в конечном счете обернулись против них самих. 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В Англии и Франции первоначально она получила название «странной войны», поскольку в ответ они объявили войну Германии, но не

предпринимали никаких решительных действий. Покорив Польшу не без молчаливого согласия Англии и Франции, Гитлер внезапно изменил направление своего удара и весной 1940 года захватил Данию и Норвегию. В июне 1940 года пришел черед Бельгии и Франции, которая позорно капитулировала в Компьенском лесу 22 июня 1940 года. В том самом лесу, где 11 ноября 1918 года в 11 часов утра была подписана капитуляция Германии. Английский экспедиционный корпус был вынужден спешно эвакуироваться на Британские острова. Гитлер не мешал этой эвакуации. Во-первых, еще не был взят Париж, а германская армия только клином вышла к проливу Ламанш и ей еще предстояли трудные бои по покорению Франции. Во-вторых, он рассчитывал договориться с Лондоном о совместном походе против СССР.

В июне 1939 года Китти уехала отдыхать в город Антиб на юге Франции. Уезжая в отпуск, она рассчиталась с квартирной хозяйкой, надеясь по возвращении снять новую, более удобную квартиру. В Париж она возвратилась в середине августа. Однако связь резидентуры с ней и Маклейном была неожиданно утрачена: в Москве началась очередная волна репрессий в отношении сотрудников разведки, и поддерживавшие с ними постоянный контакт разведчики из парижской резидентуры были отозваны в Центр.

Это был критически важный момент для Советского Союза, подписавшего 23 августа 1939 года Договор о ненападении с Германией. 1 сентября Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. Китти не могла бездействовать и пошла на рискованный шаг: она явилась в советское посольство в Париже и встретила с сотрудником резидентуры. Связь была восстановлена.

Но «Аду» (так теперь Китти именовалась в оперативной переписке с Центром) подстерегала новая неприятность. В Центр поступила тревожная телеграмма из Вашингтона. В ней говорилось, что в октябре 1939 года в США вышла книга перебежчика Вальтера Кривицкого «Я был агентом Сталина», в которой примкнувший к троцкистам бывший руководящий работник ИНО ОГПУ упоминал имя Китти, с которой он встречался в Центре, как агента нелегальной разведки.

Кроме того, Центру стало известно, что в сентябре 1939 года комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемая конгрессменом Дайсом, допросила бывшего члена бюро компартии США Гитлоу, исключенного из ее рядов как ренегата. Он заявил, что, по его данным, Китти Харрис была агентом Коминтерна, а затем стала работать на советскую разведку.

Снова возник вопрос о безопасности «Ады» и «Стюарга». Однако поскольку эти разоблачения не сказались на ее судьбе, работу с Китти было решено не прекращать. Этот риск полностью оправдал себя. Китти продолжала регулярно передавать от Маклейна важную информацию, в первую очередь касающуюся политики западноевропейских стран в условиях разразившейся мировой войны.

Между тем в личных отношениях Маклейна и Китти наметился разлад. Видимо, сказалась и разница в возрасте разведчиков, которая составляла 14 лет. Дональд встретил 23-летнюю американскую студентку Сорбонны Мелинду Мэрлинг и полюбил ее. Китти болезненно переживала измену возлюбленного, однако продолжала работать с ним в качестве связной. Это сотрудничество длилось до мая 1940 года. Немцы были в нескольких десятках километров от Парижа, когда состоялась ее последняя встреча с Маклейном. Ни Дональд, ни Китти тогда не знали, что они больше никогда не увидят друг друга. Маклейн сообщил, что эвакуируется из Франции вместе с британским посольством. За два дня до падения Парижа, 8 июня 1940 года, Дональд Маклейн и Мелинда Мэрлинг официально оформили свой брак. Вскоре молодожены были эвакуированы вместе с персоналом британского посольства в Англию.

В случае оккупации Парижа немцами Китти, как подданная Канады, объявившей войну Германии, оставаться там не могла. Гитлеровцы бросили бы ее в концлагерь. Выехать в Англию для под держания связи с Маклейном ей тоже не удалось.

Резидентура предприняла попытки эвакуировать Китти из Франции. На автомашине посольства ее отправили на юг страны, куда немцы еще не дошли. Китти удалось добраться до французского городка Брив, однако дальше пути не было, и она возвратилась в Париж. Китти поселили в советском посольстве, а через несколько дней Центр прислал из Москвы паспорт для нее на имя жены советского дипломата. 19 июля 1940 года она выехала в Берлин, а уже через неделю была в Москве. Центр определил ее в резерв разведки. Китти занималась подготовкой молодых разведчиков, обучала их искусству конспирации, знакомила с особенностями немецкого разговорного языка.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. После речи Молотова, в которой он выразил уверенность в победе над врагом, Китти подала рапорт на имя начальника разведки Фитина с просьбой отправить ее на фронт. В рапорте она указала: «Я требую немедленного привлечения меня к активной работе. Я могу идти радисткой на фронт, могу шить гимнастерки солдатам, наконец, имея большой опыт нелегальной работы, не боюсь идти

в тыл врага».

Ознакомившись с рапортом Китти Харрис, начальник разведки Фитин наложил на него следующую резолюцию: «Таковыми людьми, как «Ада», разбрасываться нельзя. Это — золотой фонд советской разведки». Было принято решение отправить ее в резидентуру НКВД в Мехико в качестве связной. Разведчица должна была въехать в США, а оттуда сразу же отправиться в Мексику.

Направлять ее в США на постоянную работу было признано нецелесообразным, так как Гитлоу назвал ее в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности как советскую разведчицу. 1 октября 1941 года Китти выехала скорым поездом во Владивосток. 22 октября на танкере «Донбасс» Китти отправилась в США. Танкер зашел в Петропавловск-Камчатский, куца доставил горючее, пересек бушующий Тихий океан и только 6 декабря, за день до нападения Японии на американскую военноморскую базу в Пёрл-Харборе, бросил якорь в бухте Сан-Франциско. О благополучном прибытии Китти в США в Центр сообщил резидент в Сан-Франциско. Китти зарегистрировалась в отеле под именем Элеоноры Дрэвс, прибывшей из Чикаго, где прожила около полумесяца. После этого она перебралась в Лос-Анджелес, где проживала сначала в гостиницах, а затем на квартире, периодически выезжая в Нью-Йорк, где в качестве «легального» резидента находился Василий Зарубин. Она работала связной в группе агента-групповода Якова Голоса (оперативный псевдоним «Звук»). Его агентурная сеть насчитывала до двух десятков человек. Они были внедрены в германские объекты на территории США, ряд американских министерств, включая госдепартамент. Были среди них и лица, близкие к Белому дому, что позволяло советской разведке быть в курсе внешней и внутренней политики США.

В конце 1941 года резидент НКВД в Сан-Франциско получил задание из Москвы выйти на двух агентов «глубокого оседания», еврейских эмигрантов из Польши. Они разделяли коммунистическую идеологию и были близки к прогрессивно настроенным членам семьи видного ученого-атомщика, лауреата Нобелевской премии Роберта Оппенгеймера. Выполнить это задание поручалось Китти Харрис. Она успешно справилась с поручением Центра. В дальнейшем работу с этими источниками вела жена резидента Зарубина, оперативный сотрудник резидентуры «Эрна».

Однако в ноябре 1942 года Зарубин пришел к выводу, что дальнейшее пребывание Китти в США становится для нее опасным. Она продолжала поддерживать связь со своей семьей, периодически посещала своих сестер,

встречалась со старыми друзьями по компартии США и профсоюзному движению. Получив телеграмму Зарубина, Центр принял решение переправить ее в Мексику в качестве связной резидентуры.

Следует отметить, что такое решение было своевременным. Положение Китти как разведчицы осложнялось тем, что Яков Голос, в нарушение правил конспирации, стал жить со своей связной Элизабет Бентли (оперативные псевдонимы «Умница» и «Мирна»). Благодаря этой связи она знала практически все о его агентурной сети. Знала она и о Китти Харрис. 25 ноября 1942 года «Звук» скончался от инфаркта на квартире Э. Бентли в Нью-Йорке. А несколько позже она, решив не отчитываться перед резидентурой о расходовании ею финансовых средств, добровольно выдала ФБР всех известных ей агентов советской внешней разведки.

Поездка Китти Харрис в Мексику была тщательно подготовлена Зарубиным. В мексиканскую столицу она отправилась в качестве туристки. Ей был подобран «родственник», который должен был переводить деньги на проживание. Китти было рекомендовано не торопиться с устройством на работу, так как это могло вызвать осложнения с иммиграционной комиссией. В Мехико она в очередной раз стала «студенткой», изучающей испанский язык для поступления в университет.

В мексиканской столице ее принял на связь Лев Василевский, с которым Китти работала в Париже. Они встретились как старые друзья. Китти было поручено поддерживать конспиративный контакт с ценным источником «Штурманом», с которым она познакомилась накануне своего отъезда из США. Он занимал видное политическое положение и был весьма информированным источником резидентуры.

«Штурман», располагавший довольно большим штатом сотрудников на своей фирме, предложил Китти поступить в нему на работу. В годы войны, особенно после Сталинградской битвы, престиж СССР в мире был как никогда высок. «Штурман», зная, что Китти является советской разведчицей, интересовался у нее положением в СССР. Он поддерживал также тесный контакт с советским послом в Мехико К. Уманским, был знаком и с резидентом Василевским.

25 января 1945 года Василевский был отозван в Москву в связи с завершением служебной командировки. По трагическому совпадению, в этот день погиб и посол СССР в Мексике Константин Уманский, вместе с женой и группой сотрудников посольства направлявшийся в Коста-Рику для вручения верительных грамот в качестве посланника СССР в этой стране по совместительству. Впоследствии советской разведкой было установлено, что они погибли от бомбы, заложенной в самолет польскими

эмигрантами, недовольными «советизацией» их страны.

Поскольку Китти осталась единственной, кто знал «Штурмана» и поддерживал с ним связь, Центр предложил ей активизировать работу с источником. Китти успешно справилась с новым поручением. От источника поступала интересная и своевременная информация. Вообще, объем ее работы в мексиканской столице был довольно большим: курьер, шифровальщик, оперативный работник — все эти обязанности лети на ее плечи, ведь шла война, а нелегальная резидентура разведки в Мехико была малочисленной.

Трудные нелегальные условия и работа на износ сказались на состоянии здоровья Китти. В январе 1946 года она попадает в мексиканскую клинику с сильным нервным расстройством. В апреле того же года она вновь находится в госпитале, на этот раз в связи с болезнью сердца. Вопрос с отправкой Китти в СССР решился только 16 мая 1946 года, когда она и покидавший Мексику оперработник к семье прибыли на борт советского теплохода «Гоголь». 12 июля 1946 года Китти прибыла в Москву, где ее ожидали новые испытания.

В советской столице Китти тепло встретила Елизавета Зарубина, с которой они подружились еще в Германии. С Зарубиными она в дальнейшем часто встречалась. Китти с нетерпением ждала получения советского паспорта, поскольку советское гражданство было ей предоставлено еще в декабре 1937 года. Однако 11 октября 1946 года из ОВИР пришел ответ, что никаких сведений на этот счет в архивах МВД не имеется. Такой ответ был бюрократической отпиской, поскольку в МВД какой-то малограмотный чиновник проверил по картотеке Китти по фамилии Харрис, в то время как в довоенный период ее фамилию было принято писать по-русски «Гаррис». Это было большим ударом для Китти, и она направила в Президиум Верховного Совета СССР повторное ходатайство о предоставлении ей советского гражданства.

Пока длилась переписка по вопросу о восстановлении Китти Харрис в советском гражданстве, новый министр госбезопасности Абакумов, у которого были непростые отношения с внешней разведкой, дал указание о высылке из Москвы всех нежелательных иностранцев. 18 февраля 1947 года Китти с советским паспортом, но на чужое имя, прибывает в Ригу. Здесь ей предоставили комнату в коммунальной квартире и устроили в один из институтов преподавателем английского языка. Положение ее было незавидным: бдительные абакумовцы рассматривали ее как подозрительную иностранку, а фашиствующие латышские националисты относились к ней как к убежденной советской патриотке.

16 мая 1947 года она получила выписку из протокола заседания Президиума Верховного Совета о принятии ее в советское гражданство. Но настоящего советского паспорта она в то время так и не получила. Положение Китти оставалось неопределенным, она чувствовала себя одинокой и никому не нужной. 7 апреля 1948 года Китти пишет письмо руководству внешней разведки:

«Мне очень трудно, так как я не оставлена в покое ни дома, ни в институте, и очень этим недовольна. Я не заслуживаю того, как обращаются со мной, все это подрывает мое здоровье. Я думаю, что кто-то допустил большую ошибку в отношении меня. Это все, что я хочу сказать. Хочу чувствовать себя членом партии».

Разведка, конечно, не забыла Китти. С ней регулярно встречались, давали путевки в санатории, но она рвалась к прежней активной работе. Однако направлять ее в заграникомандировку руководство Комитета информации (внешней разведки) признало нецелесообразным по соображениям конспирации: слишком долго Китти находилась за рубежом и была расшифрована. Ее бывший муж Эрл Браудер в годы войны стал ренегатом, что тоже учитывалось в Москве. Кроме того, в связи с предательством Э. Бенгли и развернувшейся в США «охотой на ведьм» ее пребывание за границей становилось небезопасным.

Измученная отсутствием привычной деятельности и одиночеством, Китти стала просить разрешения вернуться к своей семье. Однако это было расценено как ее желание самовольно обратиться в американское посольство за получением разрешения на въезд в США. Хотя Китти никогда такого намерения не высказывала, руководство МТБ Латвийской ССР приняло решение изолировать ее «как социально опасного элемента». 29 октября 1951 года она была арестована. К сожалению, руководство внешней разведки, которое находилось в Москве, да к тому же к этому времени несколько раз сменилось, не выступило в ее защиту, так как не было информировано республиканскими органами о ее аресте. Никаких традиционных обвинений ей, разумеется, предъявить не смогли. Около двух лет Китти содержалась сначала в тюрьме, а затем в тюремной психиатрической больнице.

Освобождена она была в январе 1954 года. Китти предоставили хорошую и удобную квартиру в городе Горьком, интересную работу и достойную пенсию. А 17 марта того же года вручили советский паспорт. Ей разрешили переписку с сестрами в США, встречаться со старыми друзьями. Появились у нее и друзья среди местных жителей, среди которых был один из старых знакомых по Мексике.

6 октября 1966 года Китти Харрис, она же «Джипси», «Норма», «Ада», скончалась.

Она не скопила богатого наследства. После смерти разведчицы остались лишь книги: множество томов на русском и иностранных языках. А в отдельной шкатулке хранился небольшой золотой кулон на тонкой цепочке с надписью «К. от Д. 24.05.37». Этот подарок от любимого человека, с которым Китти работала в суровые предвоенные годы, она берегла всю жизнь.

Глава III

СЕМЕЙНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

Среди громких имен выдающихся сотрудников внешней разведки нашей страны видное место принадлежит разведчику Василию Михайловичу Зарубину. Работе за рубежом он отдал почти четверть века, в том числе тринадцать лет провел в нелегальных условиях. В ряде стран возглавлял «легальные» и нелегальные резидентуры.

Фамилия Зарубина, долгие годы выполнявшего ответственные задания Родины в суровых условиях подполья в зарубежных государствах, золотыми буквами вписана в историю отечественных спецслужб.

Во многих командировках с ним активно работала его жена и боевой товарищ Елизавета Юльевна.

В советской внешней разведке успешно работали многие женщины-разведчицы, долгие годы под чужим именем выполнявшие ее задания в суровых условиях подполья в зарубежных государствах. Имена Леонтины Коэн, Африки де Лас Эрас, Анны Филоненко, Ирины Алимовой и других героических разведчиц произносятся в разведке с огромным уважением. Особое место среди них занимает Елизавета Юльевна Зарубина, проработавшая в нелегальной разведке свыше двадцати лет. В ее послужном списке — десятки важных оперативных мероприятий, приобретение ценных источников и агентурных связей.

И сегодня мы хотим рассказать об этой супружеской паре, действовавшей активно за рубежом в составе «семейной резидентуры»

Василий Зарубин родился 4 февраля 1894 года в деревне Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье железнодорожника. Его отец, Михаил Терентьевич, был кондуктором товарного поезда станции Москва-Курская Нижегородской железной дороги. Он являлся членом РСДРП, до революции 1917 года высылался административно из Москвы, а во время Гражданской войны был командирован на Восточный фронт начальником головного технического поезда. Мать, Прасковья Абрамовна, работала полумойкой и прачкой. Кроме Василия в семье было еще 12 детей.

Уже с 1908 года начались «рабочие университеты» Василия. После окончания двухклассного училища при Московско-Курской железной дороге он был отдан «в люди» и стал работать мальчиком в торговой фирме купца Лыжина. Работая, Василий продолжал учиться и через несколько лет дослужился до конторщика.

С началом Первой мировой войны Зарубин был призван на фронт и воевал до 1917 года. Находясь в действующей армии, он вел антивоенную агитацию, за что был сдан в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение и был направлен на излечение в военный госпиталь в Воронеж. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов.

После победы Октябрьской революции 23-летний Василий Зарубин решительно встал на сторону победившего пролетариата и связал свою дальнейшую жизнь со службой в армии: в 1918–1920 годах воевал на различных фронтах Гражданской войны, а также боролся с бандитизмом в тылу Красной армии, вылавливая бандитов и диверсантов.

На молодого, способного красноармейца обратили внимание чекисты Особого отдела Южного фронта, и в 1920 году по их рекомендации он был направлен на работу в органы ВЧК. Здесь Василий продолжает борьбу с бандитами, проявляя оперативную смекалку, находчивость, умение самостоятельно действовать в сложной обстановке. В 1923 году руководство ГПУ при НКВД РСФСР приняло решение назначить его начальником экономического отдела ГПУ во Владивостоке. Зарубину было поручено организовать борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

В те года международные торговцы оружием и наркотиками направляли свои «товары» в Европу и Китай через Владивосток, Здесь они перегружали свой смертоносный груз и направляли его дальше по железной дороге как транзитный. Это позволяло им избегать строгого таможенного контроля, поскольку транзитные грузы не досматривались.

Подобные махинации международных торговцев оружием были вскрыты чекистами под руководством Зарубина. В 1924 году ими была конфискована большая партия оружия и боеприпасов, предназначавшаяся для враждовавших между собой китайских генералов.

В том же году по решению руководства контрразведки Зарубин из Владивостока был командирован в Китай для выполнения ответственного поручения, связанного с работой по белогвардейской эмиграции. В Китае он находился под прикрытием технического сотрудника советского генконсульства в Харбине. Задание было успешно выполнено, а на молодого чекиста, умеющего завязывать оперативные связи с иностранцами, обратило внимание руководство закордонной разведки

органов госбезопасности. Тем более к тому времени он уже прилично владел французским, немецким и английским языками.

Уже в 1926 году Василий Зарубин был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию, где скопилось большое количество белогвардейских эмигрантских организаций. Разведчик быстро освоился с обстановкой, и в Центр регулярно стала уходить секретная информация о планах белогвардейцев и их покровителей против нашей страны.

В 1927 году британские власти, используя в качестве предлога сфабрикованную белогвардейцем В. Орловым фальшивку — так называемое «письмо Зиновьева Коминтерну» (скандальная фальсификация — письмо от сентября 1924 года, якобы направленное тогдашним председателем Исполкома Коминтерна Зиновьевым в адрес ЦК Компартии Великобритании с установками о «провозглашении курса на вооруженную борьбу с британской буржуазией». — *Примеч. авт.*), разорвали дипломатические отношения с СССР. Руководство Иностранного отдела приняло решение сделать акцент на ведении разведки в европейском регионе с нелегальных позиций. В связи с этим Зарубин был отозван в Москву и сразу же направлен в Данию в качестве резидента нелегальной резидентуры.

Путь лежал через Стокгольм, где Василий должен был встретиться с работниками Центра и получить от них новые документы и инструкции. Встреча была назначена в ресторане, разведчики сидели и разговаривали о предстоящем обустройстве Василия. Вдруг Зарубин увидел, что к нему направляется улыбающийся человек, лицо которого показалось ему знакомым. Василий мгновенно вспомнил, что это бывший представитель германо-китайской фирмы Шумский, который в период его работы во Владивостоке пытался всучить ему взятку за провоз оружия через таможеню.

Решение созрело мгновенно. Разведчик быстро встал и направился навстречу Шумскому, чтобы не дать ему разглядеть сотрудников Центра.

— Василий Михайлович, как я рад вас видеть! Как живете, как ваши жена и дочка? Вы что же, теперь по торговой линии работаете? Где вы остановились? В посольстве?

Зарубин ответил, что рад встрече, что теперь работает в Наркомате внешней торговли в Москве, а в Стокгольм прибыл для подписания контракта со знаменитой шведской фирмой по производству шарикоподшипников, и предложил Шумскому побеседовать после того, как закончит деловую встречу с коллегами.

Предупрежденные Василием сотрудники Центра через некоторое время ушли, предварительно договорившись, что один из них будет ждать его в машине у ресторана. Шумский сел за столик Зарубина и заказал вина. Разговор ограничился обменом любезностями. Оперработнику удалось отделаться от назойливого собеседника, предложив ему встретиться на следующий день, чтобы вместе пообедать. Случайная встреча вроде бы закончилась для него благополучно, однако молодому нелегалу пришлось сократить свое пребывание в Швеции и срочно выехать в Данию, чтобы не «засветиться».

Возвратившись через год в Москву, Зарубин становится особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ СССР. Именно в это время состоялось его знакомство с Лизой Горской, сотрудницей советской нелегальной разведки, на которой он женился в 1928 году.

* * *

Елизавета Юльевна Зарубина (в девичестве — Розенцвейг) родилась 1 января 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины, которая в то время была частью Австро-Венгрии, затем отошла к Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Ее отец, Юлий Розенцвейг, был арендатором и управляющим лесным хозяйством в крупном имении. Владелец имения, польский помещик Гаевский, в основном проводил время в игорных домах и клубах Бухареста, Будапешта и Вены. Всеми делами имения ведал отец Лизы. Образованный и начитанный, он любил русскую литературу и сумел привить любовь к России своим детям.

Юность Лизы совпала с годами Первой мировой войны. Когда в Петрограде победила революция, ей было семнадцать лет и она уже училась в Черновицком университете на историко-филологическом факультете. Проучившись более трех лет в этом университете, Лиза стала уговаривать отца отправить ее в Париж. Поскольку к тому времени Первая мировая война уже закончилась, а в Восточной Европе обстановка становилась нестабильной из-за назревавших революционных событий, отец согласился на ее перевод в Сорбоннский университет. Но в Сорбонне Лиза проучилась всего один год: к тому времени она, как и многие ее сверстники, уже бесповоротно выбрала путь революционной борьбы и стремилась быть в гуще, как она считала, исторических событий. Лиза перебирается ближе к родному дому, в Вену, и становится студенткой

Венского университета, уже третьего в своей жизни. В июне 1924 года она завершила учебу и стала дипломированным переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Кроме того, девушка свободно владела идиш, румынским и русским языками, на которых разговаривали в семье.

Еще в 1919 году, коща Буковина вошла в состав Румынии, Лиза активно включилась в революционную борьбу. Этому в определенной мере способствовала ее двоюродная сестра, известная румынская революционерка Анна Паукер, которая привлекла к подпольной борьбе не только Елизавету, но и ее брата. В 1919 году Анна Паукер организовала подпольные молодежные отряды, боровшиеся за социалистическую Румынию. Лиза по заданию Анны писала и распространяла революционные листовки, проводила беседы в рабочих кружках, исполняла обязанности связной. Ее брат вступил в отряд боевиков коммунистического подполья, участвовал в вооруженных стычках с полицией, неоднократно арестовывался и дважды бежал прямо из зала суда. В 1922 году он был убит в перестрелке с сигуранцей. После Второй мировой войны Анна Паукер стала членом политбюро Румынской рабочей партии и министром иностранных дел. Но в результате жесткой внутривластной борьбы в конце сороковых годов погибла по ложному навету.

Насыщенная политическая жизнь превратила юную Лизу Розенцвейг в стойкую революционерку. В июне 1923 года она вступает в коммунистическую партию Австрии и получает партийный псевдоним «Анна Дейч». После окончания университета в 1924 году будущая разведчица, в семье которой страстно любили Россию и все русское, поступает на работу в советское дипломатическое представительство в Вене в качестве переводчика. Революционная биография Лизы, ее искренние симпатии к Советскому Союзу, а также отличное знание многих иностранных языков привлекли внимание к ней представителей Иностранного отдела ОГПУ, работавших под прикрытием советского полпредства.

В этот период Лиза вышла замуж за румынского коммуниста Василя Спиру и некоторое время носила его настоящую фамилию — Гутшнекер. Правда, отношения их не сложились, и брак оказался недолгим.

На первых порах представители ИНО ОГПУ дают Лизе несколько несложных поручений. Ее тщательно проверяют, а затем, убедившись в честности, надежности, хладнокровии и недюжинных разведывательных способностях, в марте 1925 года принимают на работу в разведку. Вскоре Елизавета получает советское гражданство и из австрийской компартии переходит в ВКП (б).

Начинающая разведчица получает свой первый оперативный псевдоним — «Эрна». Первое время она работает в Австрии, являясь сотрудницей резидентуры ИНО в Вене. Для выполнения специальных заданий выезжает в Турцию и во Францию, причем в последней работает с нелегальных позиций. В период работы в Вене «Эрне» удалось привлечь к сотрудничеству ряд важных источников информации.

В феврале 1928 года разведчица впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в кадровый состав Иностранного отдела. Рекомендовал ее для работы во внешней разведке один из руководителей ИНО ОГПУ Иван Васильевич Запорожец. В том же году Лиза Горская вышла замуж за уже известного в то время разведчика Василия Зарубина. До брака с Лизой Василий Михайлович уже был женат и у него росла дочь Зоя.

Впоследствии Зоя Васильевна Зарубина в одной из своих книг писала: «Вообще отец был очень добрый человек и до глубины души русский. Я не могу не сказать о нашей замечательной Лизочке. Язык у меня не поворачивается назвать ее мачехой. Это была не просто любящая жена, а добрый, чудесный человек. И вот это был образец нормальной, хорошей семьи. С одной стороны — русская часть, много родственников. С другой стороны — еврейская часть, тоже много родственников. И все жили очень дружно».

После брака Василия и Лизы руководство разведки принимает решение направить чету Зарубиных на нелегальную работу с перспективой их использования по Франции. Такое решение было вызвано тем, что Англия, как мы уже отмечали, в 1927 году под надуманным предлогом разорвала дипломатические отношения с СССР, готовилась последовать этому примеру и Франция. Подобная ситуация резко снижала возможности работы «легальных» резидентур советской разведки, действовавших под прикрытием официальных дипломатических представительств страны. А обстановка в Европе накалялась. Белогвардейская эмиграция стала открыто говорить об организации нового «крестового похода» против Советского Союза.

Так началась тайная жизнь супругов Зарубиных за рубежом. Для легализации Василий и Лиза должны были выехать в Данию и создать там условия для дальнейшей работы.

Чтобы осесть в стране, необходимо было создать надежное прикрытия, найти занятие, которое оправдывало бы их пребывание в ней. Копенгаген не случайно был выбран Центром для проживания разведчиков: обстановка в нем была спокойной, полиция мало интересовалась деятельностью

иностранцев, если они, конечно, не нарушали местных законов. В Дании разведчики-нелегалы выдавали себя за чешских коммерсантов — супругов Кочек.

В первые дни пребывания в Копенгагене разведчики познакомились с семьей некоего Нильсена — владельца небольшой оптовой фирмы. Знакомство быстро переросло в дружбу, и вскоре Зарубин стал компаньоном коммерсанта. В дальнейшем с помощью фирмы Нильсена разведчики-нелегалы получили разрешение на длительное проживание в Дании.

Легализация Зарубиных прошла благополучно. Можно было приступать к непосредственной разведывательной работе. Однако спустя некоторое время из Центра пришло указание Зарубину срочно прибыть в Швецию для обсуждения дальнейших планов его разведывательной деятельности. В телеграмме разведчику предлагалось прибыть в Стокгольм одному, подразумевалось, что возвращаться в Данию ему не придется.

В Швеции Зарубин встретился с одним из руководящих сотрудников Иностранного отдела. Тот сообщил разведчику, что руководство ИНО приняло решение направить супругов на нелегальную работу во Францию. Там Зарубины должны были осесть на длительное проживание, создать нелегальную резидентуру, наладить линии связи с Центром, подобрать курьеров, подыскать конспиративные квартиры, принять на связь ряд агентов-нелегалов и заняться приобретением новых источников информации.

Представитель Центра предложил прекратить отношения с Нильсенами. В ответ на возражения Василия представитель Центра заявил, что сейчас работа во Франции важнее, чем в Дании, тем более что его жена несколько лет жила в Париже, прекрасно владеет французским языком и знает эту страну.

На встрече с представителем Центра было решено, что пока супруга будет завершать дела в Копенгагене, Василий пройдет «стажировку» на юге Франции, «акклиматизируется» и присмотрится к новой обстановке.

Зарубин прибыл в небольшой курортный городок Антиб на юге Франции. Поселившись в пансионе, он получил французские водительские права и вскоре за небольшую сумму приобрел подержанную автомашину престижной марки.

На Лазурном берегу Василий познакомился с молодой француженкой по имени Мая, студенткой Сорбонны. Выяснилось, что ее родители некогда проживали в России, но за участие в революции 1905 года были высланы во Францию. Узнав, что Зарубин намеревается переехать в Париж, Мая

дала ему свой адрес.

Вскоре к Василию в Антиб из Дании приехала Лиза, и они вместе направились в Париж, где остановились в небольшой гостинице. Спустя некоторое время Василий навестил Маю и познакомился с ее родителями, которые не скрывали своих революционных взглядов и симпатий к Советской России. В дальнейшем родители Маи были привлечены к секретному сотрудничеству с советской нелегальной разведкой. Сотрудничать с советской разведкой стали также Мая и ее родной брат. Один раз Мая даже возила срочную почту в Москву, неоднократно ездила за почтой в гитлеровскую Германию. Ее брат заводил знакомства с офицерами-ми-спортсменами, от которых получал интересную информацию. Во время гражданской войны в Испании он воевал в интербригаде. В годы Второй мировой войны командовал крупным партизанским отрядом во французском движении Сопротивления и закончил военную службу в чине полковника. Разведывательная работа этой агентурной группы продолжалась более двадцати лет.

После переезда в Париж перед супругами Зарубиными встал вопрос о месте постоянного проживания. Их выбор пал на живописный городок Сен-Клу в предместье французской столицы. Здесь они сняли небольшой меблированный домик, стоявший на горе, а машину держали в коммерческом гараже. Однажды, когда Василий по договоренности с владельцем гаража ремонтировал свою машину, француз, наблюдавший за его работой, предложил ему войти с ним в пай, чтобы расширить дело. Василий обещал подумать, отметив, что у него нет разрешения на постоянное проживание в стране. Француз заметил, что это не проблема, поскольку у него хорошие связи в местной полиции и он запросто уладит этот вопрос.

Спустя некоторое время супруги Зарубины получили в местной мэрии постоянный вид на жительство во Франции и стали компаньонами владельца автомобильного гаража. В дальнейшем он познакомил Василия и Лизу со своими многочисленными знакомыми, принадлежавшими в основном к мелкой буржуазии. Обращение нейтральными связями способствовало легализации разведчиков в стране. Настало время приступать непосредственно к разведывательной работе. Но для этого разведчикам необходимо было переехать в столицу. А это означало, что Василию нужно было подобрать нового надежного компаньона, с помощью которого можно было бы вести все коммерческие дела уже в Париже. И такой компаньон нашелся. Вместе с ним Зарубину удалось создать небольшую рекламную фирму.

В Париже Василий Михайлович и Елизавета Юльевна прожили четыре года. Там же у супругов родился сын Петр. В течение этого времени Зарубины не порывали связи с владельцем гаража в Сен-Клу, который вместе с семьей часто навещал их и очень лестно отзывался о них в кругу своих знакомых.

Вначале фирма Зарубина делала рекламу на кулинарные темы. Затем перешла на изготовление кинорекламы — плакатов, изображающих кинозвезд в полный рост, которые выставлялись около кинотеатров, где демонстрировались кинофильмы с их участием. Связь с известными киностудиями и прокатными компаниями создала предприятию хорошее имя. На счет фирмы стали поступать средства из различных городов Франции. Позднее фирма начала делать рекламу на экспорт, что поощрялось французскими властями, поскольку это способствовало притоку иностранной валюты в страну. Солидность фирмы позволила Василию стать членом одного из ведущих спортивных клубов, что создавало хорошие условия для ведения разведывательной работы.

Занимаемое Зарубиным солидное положение во Франции не вызывало каких-либо подозрений к нему со стороны местных спецслужб. Разведчик пользовался авторитетом во французских деловых кругах и сумел наладить получение информации, касающейся внутренних и международных проблем.

Однако основная задача, поставленная Центром перед нелегальной резидентурой Зарубина, заключалась в сборе информации по Германии. Выполняя ее, Зарубин завербовал французского журналист-антифашиста, стенографистку германского посольства, технического секретаря одного из депутатов французского парламента. От этих источников на постоянной основе поступала информация, представлявшая большой интерес для Центра.

Разведчики-нелегалы Зарубины активно работали и по белогвардейской эмиграции. В частности, в Париже они поддерживали связь с ценным агентом ОГПУ, бывшим царским генералом Павлом Павловичем Дьяконовым, который в прошлом занимал пост военного атташе России в Англии, а в 1920 году переехал на жительство во Францию и имел широкие связи в русской военной эмиграции. Он выполнял задания по разложению крупнейшей белогвардейской организации — Русского общевоинского союза (РОВС), который насчитывал в своих рядах более двадцати тысяч активных сторонников, и готовил вооруженные акции против СССР и его представителей за рубежом. Генерал также снабжал Центр информацией о деятельности французской военной разведки.

Дьяконов принимал участие в операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова. Располагая обширными связями в высших военных кругах Франции, Дьяконов по заданию «Вардо» (новый оперативный псевдоним Елизаветы Зарубиной) довел до руководства французской военной разведки подготовленные Центром достоверные сведения о «пятой колонне» профашистски настроенных французских генералов и офицеров. Эта операция прошла успешно и сыграла свою роль в охлаждении отношений между Францией и Германией.

Во Франции Зарубины находились до 1933 года. По приезде в Москву после четырехлетнего пребывания на нелегальной работе, не получив даже кратковременного отпуска, они сразу же были вновь направлены за рубеж, на этот раз — в Германию.

В 1933 году в связи с приходом Гитлера к власти обстановка в Германии осложнилась. По существу, прекратилась деятельность нелегальной резидентуры в этой стране в связи с отъездом на родину большинства оперативных работников: почти все они были евреями, и их дальнейшее пребывание в Германии становилось небезопасным. Зарубин получил задание в кратчайший срок восстановить деятельность нелегальной резидентуры. Он был назначен ее руководителем, а его супруга — оперативным работником. Разведчикам предстояло обосноваться в нацистской Германии, принять на связь агентуру и приступить к добыванию интересующей Москву информации о внутренней и внешней политике Гитлера, особенно информации, касающейся его планов в отношении СССР.

До Берлина Зарубин и его жена добирались по разным маршрутам. О получении вида на жительство на длительный срок не могло быть и речи. Поэтому сначала Зарубины находились в нацистском рейхе в качестве туристов. Тем не менее они сразу же приступили к приему на связь агентуры.

Работа в Германии была связана для Елизаветы со смертельной опасностью, так как она также была еврейкой по национальности. Однако Центр был вынужден пойти на этот риск, учитывая имевшийся у разведчиков богатый опыт нелегальной работы во Франции. Москва принимала во внимание и ряд благоприятных обстоятельств. В частности, немаловажную роль имело «прикрытие» нелегалов Зарубиных, которые должны были представлять американскую фирму. А накануне новой мировой войны немцы нуждались в хороших отношениях с США и внешне хорошо относились к американским гражданам. Кроме того, Василий Зарубин располагал классической «арийской» внешностью, а Лиза скорее

походила на красивую итальянку, чем на еврейку.

Руководимая Зарубиным нелегальная резидентура была сформирована в кратчайшие сроки. В нее вошли оперработники, приехавшие в Берлин вслед за резидентом, а также шесть источников информации из числа местных граждан и иностранцев, принятых разведчиками на связь. Через некоторое время из Берлина в Центр пошла важная секретная информация.

С декабря 1933 года нелегалы Зарубины более трех лет действовали в гитлеровском рейхе. Работа в нацистской Германии требовала небывалого мужества в первую очередь от «Вардо», учитывая ее национальность. Она хорошо понимала, что малейшая неосторожность в работе или в быту приведет ее в гестапо. И она, постоянно рискуя жизнью, успешно справлялась с заданиями.

По указанию Центра «Вардо» восстановила конспиративную связь с ценным источником разведки, работавшим в гестапо, Вилли Леманом («Брайтенбах»). Он возглавлял отдел гестапо по борьбе с «коммунистическим шпионажем» и, пользуясь своим служебным положением, неоднократно спасал резидентуру НКВД от провалов и предупреждал о провокациях, которые готовились против советского дипломатического представительства и его сотрудников в Берлине. От «Брайтенбаха» регулярно поступала информация о внутривнутриполитическом положении в Германии, ее военных приготовлениях против соседних стран. В 1935 году он сообщил сведения о создании Вернером фон Брауном принципиально нового вида оружия — знаменитых ракет «Фау». Успешная работа с немцем продолжалась до отъезда Зарубиных из Берлина в 1937 году. «Брайтенбах» был передан на связь сотруднику «легальной» резидентуры и стал одним из самых результативных ее источников.

Другим ценным помощником нелегальной резидентуры Зарубина был сотрудник германского МИД «Вальтер». Являясь членом СС, он тем не менее критически относился к нацизму, не одобрял политику Гитлера и симпатизировал нашей стране. От источника регулярно поступала документальная информация, включая телеграммы и письма германских послов в других странах, копии записок по различным политическим вопросам, которые готовились для руководящих деятелей Третьего рейха. В дальнейшем он наряду с «Брайтенбахом» стал одним из тех источников, кто проинформировал берлинскую резидентуру о готовящемся нападении Германии на СССР.

В Берлине «Вардо» восстановила связь с «Ханум», бывшей стенографисткой германского посольства в Париже, которую она завербовала, работая во Франции. Теперь «Ханум» работала в центральном

аппарате гитлеровского МИДа и передавала советской разведке очень важные документы. Из них следовало, что Гитлер готовит большую европейскую войну. Однако через некоторое время «Ханум» заболела и вскоре умерла. «Вардо» нашла ей замену в лице скромного служащего МИД Германии, который работал в дальнейшем под псевдонимом «Винтерфельд» и имел доступ к секретной, в том числе шифрованной, переписке. Весной 1936 года разведчица обучила немца технике фотографирования документов микроаппаратом, и вскоре он стал передавать советской разведке копии секретных шифртелеграмм и других важных документов германского внешнеполитического ведомства.

В агентурной сети нелегальной резидентуры в Берлине были лица, тесно связанные с влиятельными кругами нацистской партии. Благодаря этим связям Центр получал сведения о доверенных лицах национал-социалистической партии в германских представительствах в СССР, а также о деятельности нацистского партийного аппарата, включая и разведывательную, так как НСДАП располагала собственной партийной разведкой. Центр также регулярно получал данные о тайных внешнеполитических замыслах нацистского руководства. Информация нелегальной резидентуры, возглавляемой Зарубиным, неизменно получала высокую оценку его кураторов на Лубянке. Из потока информации, направлявшейся резидентурой, следовал вывод о неизбежности военного столкновения с Германией в ближайшие годы.

В середине 1937 года нелегалы Зарубины были направлены на несколько месяцев в США для выполнения нового важного задания. В связи с реальной угрозой гитлеровского нападения на СССР Центр принял решение реорганизовать деятельность внешней разведки. При этом упор делался на подготовку к работе в чрезвычайных условиях. Разведчикам предстояло подобрать агентуру из числа американцев для возможной работы в Германии в военный период. С поставленной задачей разведчики успешно справились. Ими были завербованы три агента, которых в дальнейшем нелегальная разведка активно использовала в качестве курьеров-связников.

За успешную работу в нелегальной разведке Зарубин в 1937 году был награжден орденом Красного Знамени. «Вардо» было присвоено звание капитана государственной безопасности (соответствовало званию подполковника в Красной армии).

В конце 1937 года в связи с бегством в США резидента НКВД в Испании А. Орлова, лично знавшего нелегалов Зарубиных по их работе во Франции, они были отозваны в Москву и стали работать в центральном

аппарате разведки.

4 Антонов В. С. 97

В середине 1940 года «Вардо» срочно выехала в командировку в Германию. Она прибыла в берлинскую «легальную» резидентуру с советским паспортом на имя Елизаветы Горской. «Вардо» предстояло восстановить ранее утерянную связь с ценным источником советской разведки «Августой» — женой высокопоставленного гитлеровского дипломата, посла по особым поручениям германского внешнеполитического ведомства. Завербованная в начале 1930-х годов в Берлине советским разведчиком-нелегалом «Августа» по его заданию фотографировала служебные документы своего мужа. Однако в связи с внезапным отъездом разведчика на родину в 1939 году связь с «Августой» прекратилась. «Вардо» удалось убедить немку продолжить сотрудничество с советской разведкой. В Центр от нее вновь стала поступать важная информация. Буквально накануне нападения Германии на Советский Союз «Вардо» договорилась с «Августой» об условиях связи с ней в особый период.

В апреле 1941 года «Вардо» по заданию Центра восстановила связь с женой другого крупного нацистского дипломата, завербованной органами госбезопасности в Москве. Выдавая себя за немку, «Вардо» провела две встречи с этой женщиной и добилась от нее согласия на продолжение сотрудничества, теперь уже в Берлине. Вскоре от этого источника была получена важная информация о близящемся нападении Германии на СССР, которая немедленно была доложена наркому госбезопасности Меркулову. Эту же информацию подтвердил «Брайтенбах».

С первых часов войны все советские представители в Германии были интернированы и 29 июня отправлены на родину через Турцию. Среди сотрудников посольства была и «Вардо», которая, как мы отмечали, на этот раз находилась в Берлине с советским паспортом. Прибыв в Москву, она продолжила трудиться в центральном аппарате внешней разведки, занимаясь восстановлением нелегальной разведывательной сети в гитлеровской Германии.

Весной 1941 года руководство внешней разведки направило Василия Зарубина в Китай с заданием восстановить связь с ценным источником Вальтером Стеннесом («Друг»), являвшимся военным советником Чан Кайши. Хотя в прошлом Стеннес был одним из руководителей «штурмовых отрядов», он критически относился к гитлеровскому режиму. Чтобы спасти Стеннеса, с учетом его прошлых заслуг перед рейхом, от неминуемой расплаты, сам Геринг направил его в Китай.

Контакт с агентом был утерян из-за репрессий, жертвой которых стал его куратор, ранее поддерживавший с ним связь. Зарубин выехал в Китай под прикрытием сотрудника советского банка.

Разведчик посетил «Друга» на его вилле в Шанхае и провел с ним беседу. Немец не возражал против продолжения работы. В то же время он категорически отказался от материального вознаграждения, подчеркнув при этом, что сотрудничает с советской разведкой в качестве активного борца против нацизма. Он сообщил, что, по сведениям крупного чиновника, только что прибывшего из Германии, выступление Гитлера против СССР в военном и экономическом отношениях практически подготовлено. Начало войны следует ожидать в самое ближайшее время. На другой встрече с оперработником, состоявшейся 9 июня 1941 года, он назвал более точную дату начала войны — до 25 июня. «Друг» сообщил также разведчику, что согласно разработанному плану боевых действий война должна быть скоротечной и длиться не более трех месяцев. Он просил немедленно передать эту информацию в Москву.

В тот же день в Центр ушла срочная телеграмма. Она была незамедлительно доложена Сталину. Однако он проигнорировал сообщение разведки о близящейся войне. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правдивость информации «Друга».

На встрече 9 июня немец также сказал оперработнику, что из идейных соображений он готов информировать СССР по важнейшим политическим вопросам, и попросил дать ему для этих целей связника. Работа советской разведки с ним в Китае была продолжена. «Друг» информировал Москву о германо-японских отношениях, политике этих стран в отношении СССР и Китая. Весьма важное значение имели его прогнозы относительно перспектив вступления Японии в войну против СССР на стороне Германии. В 1942 году «Друг» проинформировал своего куратора об аресте в Японии разведывательной группы Рихарда Зорге.

Вальтеру Стеннесу удалось уцелеть в военном лихолетье и возвратиться в Германию, где работа с ним продолжалась до 1952 года.

Выполнив задание в Китае, Василий Михайлович продолжил работу в центральном аппарате разведки. Ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности (генерал-майора). В сентябре 1941 года Зарубину предложили выехать на работу в США и возглавить там «легальную» резидентуру. В октябре такое решение было окончательно принято руководством внешней разведки. А Верховный главнокомандующий решил лично побеседовать с резидентом.

Ночью 12 октября 1941 года Василия Зарубина вызвали в Кремль, где его принял Сталин. Он отметил, что президент и народ США поддерживают борьбу советского народа против гитлеровского нашествия. Кремль хотел бы видеть США своими союзниками в борьбе с Гитлером. Одновременно Сталин поставил задачу советской разведке в этой стране не только отслеживать события, но и не допустить, чтобы правящие круги США сговорились с Гитлером и закончили войну сепаратным миром.

Как показало дальнейшее развитие событий, Верховный главнокомандующий проявил дальновидность. Действительно, нацистское руководство, особенно накануне краха Третьего рейха, пыталось провести сепаратные переговоры с американцами, в частности, с начальником Управления стратегических служб США (американская разведка) Donovanом. Находясь в США, Зарубин регулярно информировал Кремль о ходе этих переговоров.

Во время беседы Сталин поставил также перед разведчиком задачу по сбору сведений относительно реальных сроков открытия второго фронта в Европе. Эта задача не снималась с повестки дня вплоть до 1944 года, когда была осуществлена американо-британская операция «Оверлорд» по вторжению союзников в Нормандию. Резидентура Зарубина успешно справилась и с этой задачей.

Через несколько дней после упомянутой выше беседы супруги Зарубины выехали в Соединенные Штаты.

В Нью-Йорк Василий Михайлович и Елизавета Юльевна добирались через Дальний Восток. Их резидентуре предстояло начинать работу в США практически с нуля. До конца апреля 1941 года резидентуру в Нью-Йорке возглавлял Гайк Овакимян. Он прекрасно знал США и хорошо владел английским языком. По прикрытию он являлся инженером-консультантом смешанной советско-американской торговой компании «Амторг». Овакимян сумел завербовать нескольких агентов по линии научно-технической разведки, которые долгие годы успешно сотрудничали с советской разведкой. Однако в апреле 1941 года он был арестован агентами ФБР на месте встречи с одним из своих источников, который оказался подставой. Лишь с началом войны по личному распоряжению президента Рузвельта Овакимян был выпущен из тюрьмы под крупный денежный залог и возвратился в Советский Союз.

Зарубины прибыли в США в январе 1942 года и сразу же активно включились в налаживание разведывательной работы.

На связи у «Вардо» находились двадцать два агента, с которыми необходимо было регулярно встречаться с соблюдением всех мер

конспирации, получать от них разведывательную информацию, поддерживать веру в непобедимость Красной армии. И это в тот момент, когда наши войска отступали на всех фронтах. Ее источники были разбросаны по всей громадной территории США, и «Вардо» приходилось часто ездить в Вашингтон, Сан-Франциско и другие города Америки.

«Вардо» руководила работой ценнейшего источника резидентуры, выходца из России Якова Голоса. Он сумел лично завербовать около двух десятков человек. Среди них — «Б», ответственный сотрудник одного из важных министерств страны; «О», поставлявший информацию по вопросам вооружения; «Р», работавший в одном из главных правительственных учреждений, информация от которого была особенно полезна советской разведке в годы войны. К сожалению, 26 ноября 1943 года Яков Голос умер от разрыва сердца.

«Вардо» удалось познакомиться с «отцом американской атомной бомбы» Робертом Оппенгеймером, а также с выдающимся физиком Силардом, работавшим в той же области. То, что разведчица делала в США, еще не было «атомной разведкой», но уже являлось входом на близкие подступы к ней. Основную работу в США по «Манхэттенскому проекту», как были закодированы работы по созданию американской атомной бомбы, проделали другие разведчики. Однако работа «Вардо» на этом поприще привлекла внимание Центра к атомной проблеме. В дальнейшем участие «Вардо» в разведке по атомной проблематике было отмечено орденом Красной Звезды (22 октября 1944 года).

До апреля 1943 года Василий Михайлович был резидентом советской внешней разведки в Нью-Йорке, а затем до осени 1944 года — главным резидентом в США под прикрытием должности 2-го секретаря посольства СССР в Вашингтоне. Основное его внимание в работе было обращено на качественное улучшение агентурного аппарата. Перед войной на связи резидентуры НКВД в США имелось несколько десятков источников информации. Однако в связи с арестом резидента Овакимяна большая часть агентов была законсервирована. По предложению Зарубина Центр направил в США группу разведчиков-нелегалов для восстановления связи с законсервированной агентурой и наиболее ценными источниками информации, а также для ведения новых вербовочных разработок. В 1942 году нелегальную резидентуру в США возглавил ставший в дальнейшем легендарным разведчиком И. А. Ахмеров, который успешно решил эту задачу.

Под руководством В.М. Зарубина «легальная» резидентура в 1942 году завербовала несколько новых помощников и восстановила связь с рядом

законсервированных агентов. Надежные источники информации были приобретены в основных исполнительных органах власти, в том числе в государственном департаменте, ряде военных ведомств, разведке и контрразведке США, научно-исследовательских организациях, фирмах и предприятиях. Резидентура вела также работу и в латиноамериканских странах, где у нее имелись источники разведывательной информации.

Почти одновременно с Зарубиным в Нью-Йорк прибыл заместитель резидента по научно-технической разведке Леонид Квасников. Под его руководством резидентура сумела добыть важные разведывательные материалы, в первую очередь по использованию атомной энергии в военных целях, по авиации и реактивной технике, радарам, компьютерам и другой электронной аппаратуре. Значительно позже, в середине 1990-х годов, Леонид

Квасников, сотрудники нью-йоркской резидентуры Александр Феклисов и Анатолий Яцков, а также несколько других разведчиков за активный вклад в дело создания советского атомного оружия были удостоены звания Героев Российской Федерации.

Сотрудники советской внешней разведки в США не только своевременно информировали Центр о политике и планах американского руководства в отношении нашей страны, но и оказывали влияние на решение ряда вопросов в пользу Советского Союза через многих весьма авторитетных лиц в американском правительстве, а также среди ближайшего окружения президента Ф. Рузвельта. Им удалось сорвать сепаратные переговоры, которые вел в Швейцарии с гитлеровцами известный американский разведчик А. Даллес.

Повышенная активность советских разведчиков не могла не привлечь к ним внимания американской контрразведки. Последней удалось установить подслушивающую аппаратуру в служебных помещениях советских учреждений. Деятельность В.М. Зарубина как резидента советской внешней разведки стала известна противнику. В конце 1944 года он был объявлен персоной «нон грата» и вынужден был покинуть страну пребывания.

В сентябре 1944 года за достигнутые результаты в работе В.М. Зарубину было присвоено звание комиссара госбезопасности.

После войны генерал-майор Зарубин стал заместителем начальника внешней разведки органов государственной безопасности. В этой должности он проработал до 1948 года, когда вышел в отставку по состоянию здоровья.

За плодотворную работу во внешней разведке В.М. Зарубин был

награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Елизавета Зарубина работала в центральном аппарате разведки на должности руководителя одного из отделений. Летом 1946 года она возглавила американское направление информационной службы разведки. Награждена несколькими орденами, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Скончался Василий Михайлович в 1972 году. Его имя занесено на Мемориальную доску в Кабинете истории внешней разведки.

Выйдя в отставку, Елизавета Юльевна еще долгие годы обучала молодых разведчиков, передавая им свой богатый опыт нелегальной работы. Для многих сотрудников внешней разведки Елизавета Зарубина являлась учителем и наставником.

14 мая 1987 года Елизавета Юльевна скончалась. С воинскими почестями она была похоронена в Москве на Калитниковском кладбище. В Зале истории внешней разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе ей посвящена отдельная экспозиция. Здесь можно узнать некоторые детали о ее работе в нелегальных условиях, ознакомиться с документами. Однако о многих делах офицера нелегальной разведки по имени «Вардо» рассказывать пока еще рано — столь масштабной была ее деятельность.

Глава IV

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ИРИНА»

Зоя Воскресенская... У людей послевоенного поколения это имя вызывает трепетные школьные ассоциации: «программные» книги о Володе Ульянове и его семье, повести и рассказы о советских детях — пионерах и октябрятах.

Почти до последних дней своей жизни Зоя Ивановна была известна у нас в стране только как детский и юношеский писатель — лауреат Государственной и ряда других литературных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят — ближнего и дальнего зарубежья. Ее книги были изданы немыслимым тиражом: 21 миллион 642 тысячи экземпляров. И лишь самые близкие люди и товарищи по работе знали, что Зоя Ивановна, прежде чем стать знаменитым писателем, двадцать пять лет прослужила в советской внешней разведке.

Сегодня, когда за давностью событий приоткрываются архивы секретных служб довоенного и военного времени и становятся общественным достоянием доселе неизвестные имена сотрудников внешней разведки, внесших значительный вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества, следует подчеркнуть, что Зоя Воскресенская (по мужу — Рыбкина) входила в элиту советских разведчиков. И не случайно на стендах Зала истории внешней разведки, рассказывающих о виртуозах-разведчиках, проникавших в самые сокровенные тайны противника, добывая для Родины, порой с немалым риском для жизни, важнейшую информацию, почетное место отведено и Зое Воскресенской-Рыбкиной.

Уже смертельно больная, Зоя Ивановна узнала, что ее неожиданно «рассекретили». И она спешно принялась за книгу, свою последнюю книгу. Быстро написала ее, но, к сожалению, не дожидая ее выхода в свет несколько месяцев.

«Теперь я могу сказать правду» — так Зоя Воскресенская назвала свое последнее произведение, в котором рассказала не только о себе и своей

работе в советском сверхсекретном ведомстве, но и о многих своих товарищах — Василии Михайловиче Зарубине, Павле Михайловиче Фитине, Павле Матвеевиче Журавлёве, Георгии Ивановиче Мордвинове, Павле Анатольевиче Судоплатове и других, имена которых давно уже стали легендой не только в нашей, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Удивительной была жизненная и оперативная судьба этой мужественной и обаятельной женщины изысканной красоты.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции. Детство провела в городе Алексине. В семье было трое детей: помимо Зои еще два младших брата — Коля и Женя. Вспоминая свое детство, Зоя Ивановна рассказывала:

«Тысяча девятьсот семнадцатый год. Уже отшумел февраль. В России Временное правительство, а впереди Октябрь... Помню, до того, как свергли царя, мой средний брат Коля все спрашивал, приставая к отцу: «Папа, а царь может есть колбасу с утра до вечера? Сколько захочет? И белую булку?.. Хорошо быть царем!» В Великую Отечественную Коля погиб под Курском, защищая страну, которая навсегда свергла царя...

Я помню, как-то отец принес домой кипу трехцветных флагов Российской империи. Дал нам и сказал: «Оторвите белые и синие полосы, а из красных сшейте один настоящий красный флаг».

Вскоре началась Гражданская война. К Туле рвался Деникин, и мы все, от мала до велика, работали на подступах к городу, помогали натягивать колючую проволоку. Потом был голод. По распоряжению Ленина в школах нам выдавали чечевичную похлебку: Ильич спасал наше поколение. Нам еще помогали леса — в них были грибы, ягоды. Ока была полна рыбы. Мы ставили плетеные верши в воду, и они быстро набивались рыбой, но соль — соль невозможно было достать».

В октябре 1920 года Зоин отец, Иван Павлович, скончался от туберкулеза. После его смерти вдова, Александра Дмитриевна Воскресенская, с детьми переехала в Смоленск. Вскоре она тяжело заболела. Зоя была вынуждена зарабатывать на хлеб, чтобы помочь матери содержать детей. Уже будучи известной писательницей, Зоя Ивановна так рассказывала о том тяжелом времени:

«Я осталась за хозяйку в доме. Восемилетний Женя и одиннадцатилетний Коля были предоставлены сами себе, озорничали, приходили домой побитые, грязные, голодные. И здесь выручил случай. Я

встретила на улице товарища отца, военного. Рассказала ему о своих бедах. Он велел прийти к нему в штаб батальона. Так я вошла в самостоятельную жизнь».

В 1921 году, в четырнадцать лет, Зоя начинает работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем она служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии, была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, работала на заводе имени М.И. Калинина в Смоленске, находилась на комсомольской работе. В 1927 году Зоя вышла замуж за комсомольского активиста Владимира Казутина, которого через некоторое время после свадьбы направили в Москву на партучебу. От этого брака у Зои родился сын, которого назвали Владимиром.

В конце 1928 года Воскресенская переехала из Смоленска в Москву к мужу. Однако затем семейная жизнь не задалась, и супруги расстались. Воспитывать сына и ухаживать за ним помогала мама, которая стала жить с дочерью.

В августе 1929 года Зоя становится сотрудницей Иностранного отдела ОГПУ — внешней разведки.

Первая поездка на разведывательную работу — в Харбин, в начале 1930 года. Занимая скромную должность секретаря советского нефтяного синдиката «Союзнефть» в Харбине, Зоя Ивановна в течение двух лет успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Позже в облике знатной баронессы, роскошно одетая, Воскресенская появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба разведчицы перебросила Зою Ивановну в Центральную Европу — в Германию и Австрию, а через некоторое время на север — в Финляндию и Швецию. В последних двух странах она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни: с 1935 по 1939 год работала в Финляндии и с 1941 по 1944 год — в Швеции.

На работу в Финляндию Воскресенская выехала в 1935 году в качестве заместителя резидента. К этому времени она уже имела значительный опыт разведывательной работы и превратилась в настоящего профессионала. По прикрытию Зоя Ивановна выполняла обязанности руководителя советского представительства ВАО «Интурист» в Хельсинки. «Ирина» (таким был оперативный псевдоним разведчицы) быстро познакомилась со страной и вошла в дела резидентуры.

В начале 1936 года резидент внешней разведки в Финляндии был отозван в Москву и на его место прибыл консул Ярцев, он же — Борис

Аркадьевич Рыбкин. Следует отметить, что к тому времени Борис Рыбкин был уже весьма именитым разведчиком.

Наша справка:

Борис Аркадьевич Рыбкин родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в бедной многодетной еврейской семье мелкого ремесленника. После окончания четырех классов сельской школы он переехал в Екатеринослав. Нужда заставила 10-летнего мальчика идти в типографию учеником наборщика. Восемь лет простоял он у наборной кассы.

Жил типографский ученик впроголодь, часть заработка отсылал родителям. В свободное от работы время много читал, усердно занимался самообразованием. Окончил коммерческое училище. После революции Борис сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил на учебу в Петроградскую горную академию.

В 1920–1921 годах служил красноармейцем в Рабоче-Крестьянской Красной армии. В июле 1921 года был мобилизован на работу в Екатеринославскую ЧК.

После окончания Высшей школы ОГПУ Борис Рыбкин работал в контрразведывательных подразделениях. В январе 1931 года «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» был награжден Коллегией ОГПУ боевым именованным оружием. В том же году был переведен на работу во внешнюю разведку и направлен в длительную заграничную командировку в Персию, где проработал до 1934 года.

В Персии Рыбкину удалось приобрести несколько надежных источников информации. Затем последовали спецкомандировки во Францию, Болгарию, Австрию, работа на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. В 1936 году Рыбкин был направлен резидентом НКВД в Финляндию.

За время работы во внешней разведке Б.А. Рыбкин был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и «Знак Почета».

Прибывший в Хельсинки одинокий мужчина консул Ярцев всегда был подтянутым и внимательным, а по отношению к своей очаровательной помощнице — очень официальным и требовательным. Поначалу у нового резидента и его заместителя взаимоотношения не сложились.

О том, как развивались дальнейшие события, рассказывала позже сама Зоя Ивановна:

«Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и попросила Центр отозвать меня. В ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу. Но... возвращаться не потребовалось. Через полгода мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Но Москва дала «добро»».

Так Зоя Воскресенская стала «мадам Ярцевой».

В Финляндии «Ирина» осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки и с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах Германии в отношении этой страны.

Она привлекла к сотрудничеству с советской разведкой многих источников. Одним из них была жена высокопоставленного сотрудника японского посольства в Финляндии.

Для решения разведывательных задач «Ирина» неоднократно выезжала из Хельсинки в Стокгольм, а также в Норвегию, где координировала работу нелегальной разведывательной группы.

А «Кин» (оперативный псевдоним резидента Рыбкина), который вскоре стал 2-м секретарем полпредства СССР в Финляндии, а затем — временным поверенным в делах СССР в Финляндии, по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел весьма деликатные переговоры с высшим руководством Финляндии, которые касались возможности заключения пакта о ненападении и сотрудничестве между двумя странами, недопущения немецких войск в случае войны на финскую территорию, а также взаимного обмена территориями. К сожалению, в силу тогдашнего политического курса финского правительства эти переговоры не дали положительных результатов.

Позже известный финский политический деятель, бывший президент Финляндии Урхо Кекконен говорил по этому поводу следующее:

«Переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах России в Финляндии господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса по этому вопросу со стороны Финляндии».

Военный конфликт с Финляндией вынудил «супругов Ярцевых» покинуть Хельсинки.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году).

Заместитель начальника советской внешней разведки того периода

генерала Судоплатова по этому поводу вспоминал:

«С ноября 1940 года все мы находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Зоя Рыбкина и ее непосредственный начальник Павел Журавлев завели литерное дело под кодовым названием «Затея», в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно следить за развитием немецкой политики, в частности, за ее возрастающей агрессивностью. Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру».

Именно к Воскресенской-Рыбкиной стекались разведанные от знаменитой «Красной капеллы» — группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии. Ее руководителями являлись обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен («Старшина») — племянник гросс-адмирала Тирпица, сотрудник министерства авиации и штаба ВВС Германии и Арвид Харнак («Корсиканец») — руководящий сотрудник министерства экономики Германии.

Еще в январе 1941 года «Старшина» информировал Москву: «В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград».

В марте он конкретизировал эту информацию:

«Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляется план бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций».

В апреле 1941 года «Корсиканец» докладывал в Центр со ссылкой на окружение Розенберга:

«Вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен». В свою очередь «Старшина» в том же месяце сообщил, ссылаясь на сведения, полученные от офицера связи при Геринге: «Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно. Начало его следует ожидать в ближайшее время».

Тревожная информация поступала от источников практически ежедневно. Наконец в начале июня «Старшина» сообщил:

«Все подготовительные военные мероприятия: составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на балканских аэродромах германской авиации должны быть закончены к середине июня месяца».

Зоя Ивановна была не только хороша собой, но и необычайно умна. Именно она подготовила известную аналитическую записку для И.В. Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера

5 Антонов В. С. из на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Вспоминая этот период, Зоя Ивановна писала:

«Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию, касающуюся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов «Старшины» и «Корсиканца» с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник внешней разведки П.М. Фитин повез лично И.В. Сталину.

Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и швырнул его. «Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь»».

А до начала Великой Отечественной войны оставалось несколько дней.

В подготовке гитлеровской Германии к войне против СССР Зоя Воскресенская-Рыбкина смогла убедиться и лично.

Желая опровергнуть слухи о якобы готовящемся нападении на СССР и продемонстрировать свою приверженность заключенному в 1939 году германо-советскому договору, руководство

Германии в начале июня 1941 года прислало в Москву группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург устроил в здании посольства прием в их честь и пригласил на

него солистов балета Большого театра. Присутствовала на приеме и некая госпожа Ярцева, представлявшая Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). В ее задачу, как разведчика, в частности, входило оценить обстановку в посольстве и настроение его сотрудников.

На приеме Ярцева выглядела настолько привлекательно, что когда начались танцы, именно ее граф Шуленбург пригласил на тур вальса. Танцуя с послом, Зоя Ивановна прошла с ним в вальсе по всему залу и обратила внимание на то, что на стенах примыкавших к залу комнат были видны светлые квадраты пятен от снятых картин. А в одной из комнат напротив приоткрытой двери возвышалась груда чемоданов. Вызывали озабоченность и другие детали, подмеченные Зоей Ивановной в беседах с немецкими дипломатами.

Разведчица сделала вывод о том, что германское посольство готовится к отъезду, а акция с Берлинским балетом была устроена для отвода глаз. Об этом и было доложено в тот же вечер руководству разведки. Наблюдения Зои Ивановны стали также важным, хотя и косвенным, подтверждением информации о скором начале войны.

С первых дней Великой Отечественной войны Воскресенская-Рыбкина являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом П.А. Судоплатовым. Особая группа занималась подбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. Воскресенская-Рыбкина, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда.

Наша справка:

Первоначально в отряд входили всего четыре человека, которых подбирала и инструктировала Зоя Ивановна.

Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каля-да — кадровый военный, воевавший с немцами еще в Первую мировую войну. Бывший партизан на Украине, он в 1920-е годы являлся заместителем командующего армией на Дальнем Востоке.

Начальником штаба еще не существовавшего отряда назначили Леонида Васильевича Громова — бывшего начальника геологической экспедиции на острове Врангеля.

В группу были также включены: в качестве специалиста-механика — Самуил Абрамович Вильман, который до войны был резидентом нелегальной резидентуры в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской, и лейтенант запаса Константин Павлович

Молчанов, как специалист-оружейник.

В задачу группы Н.З. Каляды входило создание партизанского отряда из местных жителей Вельского, Пречистенского и Бату-ринского районов Смоленской области.

8 июля 1941 года группа, официально именовавшаяся отрядом № 1, на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва — Смоленск — Витебск.

Вскоре в отряде было уже более ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Н.З. Каляда отпустил бороду, за что партизаны прозвали его Батей. Из истории Великой Отечественной войны хорошо известно легендарное партизанское соединение Бати, которое уже в 1941–1942 годах практически восстановило советскую власть в районе треугольника Смоленск — Витебск — Орша.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина была также причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным, прикрытием. Вот как об этом она вспоминает в своих мемуарах:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру — Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы «послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь».

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что ему 54 года. Сразу же после начала войны он был назначен Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласится, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился.

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их «прикрыть»?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Руководителем группы назначили подполковника службы внешней разведки Василия Михайловича Иванова (оперативный псевдоним — «Васько»). Вторым членом группы стал Иван Иванович Михеев (оперативный псевдоним — «Михась»), 22-летний выпускник авиационного училища, являвшийся с начала войны сержантом истребительного батальона войск НКВД.

Владыку Василия с его будущими помощниками знакомила каждого в отдельности. Они епископу понравились. Между собой «Васько» и «Михась» тоже установили добрый контакт. Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. К слову скажу, облачение для епископа и его помощников мы получили из фондов музея. Одно из них, шитое жемчугом, епископ отклонил, заметив, что это одеяние для священнослужителей более высокого ранга и применяется в более торжественных случаях. Обменяли его на другое.

Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтовой Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила ту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор.

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий послал «Михася» к бургомистру, попросил взять его и помощников на довольствие, магазины в городе опустели. Бургомистр обещал, но тут же епископа вызвали к начальнику гестапо. Через переводчицу, православную немку Линду, владыка объяснил местному фюреру, что при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере, в Коми. Он подчеркнул, что его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан».

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевали симпатии у людей, и в особенности у девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задания Центра. Разведчики налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через

заброшенную к ним радистку-шифровальщицу Любовь Бажанову (оперативный псевдоним — «Марта»). «Марта» сняла комнату у местной жительницы, и «Михась» регулярно с ней встречался.

Город находился в руках оккупантов два месяца. После освобождения города к нашему командованию посыпались заявления о «подозрительном» поведении епископа и его служек. СМЕРШ готов был арестовать группу, но Москва приказала взять ее под охрану. Тем временем при выходе из собора откуда-то появившийся милиционер схватил епископа за руку и, скомандовав: «Пошли в НКВД», увел его. «Васько» и «Михась» последовали за владыкой. Дежурному по НКВД милиционер заявил, что привел «попов, продавшихся немцам». Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в дело не вмешался заместитель начальника местного управления НКВД Крашенинников (только он знал о группе «Васько»), и инцидент был исчерпан.

Результаты работы разведгруппы были убедительными. Кроме переданных в Центр шифрованных радиодонесений «Васько» и «Михась» выявили две резидентуры и более тридцати агентов, оставленных гестапо в тылу советских войск, составили подробное описание мест тайных складов оружия: гитлеровцы, видимо, еще надеялись вернуться в город.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода ему был присвоен сан архиепископа. Позже по указанию патриарха Алексия владыка

Василий был назначен архиепископом Смоленским. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. «Васько», «Михась» и радистка «Марта» были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Каждый из сотрудников Особой группы тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться за линию фронта. Готовилась к этому и Зоя Ивановна, разучивая роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции, находившейся в тылу у немцев. Однако судьба распорядилась по-другому.

Муж Зои Ивановны — Борис Рыбкин — проходил в это время подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был туда выехать советником посольства и резидентом. Руководством разведки было принято решение направить вместе с ним и Зою Ивановну. Так в конце 1941 года «супруги Ярцевы» оказались в Стокгольме.

Генерал Судоплатов позже вспоминал:

«В дипломатических кругах Стокгольма эту русскую красавицу знали

как Зою Ярцеву, блиставшую не только красотой, но и прекрасными знаниями немецкого и финского языков. Супруги пользовались большой популярностью в шведской столице».

Официально «Ирина» значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла знаменитая Александра Коллонтай. По линии разведки она являлась заместителем резидента. Сбор разведывательной информации, активная вербовочная работа, поддержание контактов с участниками антифашистского Сопротивления в ряде европейских стран — таков неполный круг оперативных вопросов, которыми пришлось заниматься Ирине в Швеции. Не будет преувеличением, если мы скажем, что во многом благодаря усилиям разведчиков «Кина» и «Ирины» Швеция до конца войны так и осталась нейтральной, а Финляндия до срока вышла из гитлеровской коалиции.

В марте 1944 года супруги Рыбкины возвратились в Москву. Борис Аркадьевич курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. Зоя Ивановна занималась аналитической работой.

После окончания войны Зоя Воскресенская-Рыбкина работала некоторое время заместителем, а затем начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года муж Зои Ивановны, начальник одного из ведущих оперативных отделов внешней разведки полковник Борис Аркадьевич Рыбкин погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей. Официальная версия — автомобильная катастрофа. Правда, в нее Зоя Ивановна не верила, хотела провести самостоятельное расследование. Но ей не позволили.

Весной 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до пенсии оставалось немногим более года, умер Сталин. Зоя Ивановна так рассказывала об этих днях:

«После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности «отца народов». Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937–1938 годов. На Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

В конце августа 1953 года арестовали начальника Четвертого управления НКВД генерал-лейтенанта Судоплатова, с которым Воскресенская-Рыбкина долгое время работала в разведке и который был ее непосредственным начальником в Особой группе в первые месяцы войны. На отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в

партком управления внешней разведки, Зоя Ивановна выступила в защиту своего товарища и сказала о нем добрые слова.

На следующий день после выступления на собрании Воскресенской-Рыбкиной объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». В то же время ее должность начальника отдела не была сокращена. До пенсии, как мы уже отмечали, Зое Ивановне оставалось проработать около года. Будучи волевым человеком, она стала ходить «по инстанциям», добиваясь справедливого разрешения своего дела. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа.

Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотделения, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие. Выше майора по званию в Воркуте никого не было. Рассказывают, что когда она приехала к новому месту работы, все мужчины-офицеры кинулись скупать одеколон. В свои 48 лет Воскресенская была по-прежнему очень красивой женщиной.

В 1955 году Зоя Ивановна вышла в отставку и занялась литературной деятельностью. Ее ратный и писательский труд был отмечен высокими наградами Родины: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле 1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

8 января 1992 года З.И.Воскресенская-Рыбкина скончалась. Похоронили ее в Москве на Новодевичьем кладбище. В день ее похорон одна из центральных газет писала, что «Зоя Ивановна всю свою жизнь служила делу, служила своей Родине».

Глава V

ПОВЕНЧАННЫЕ РАЗВЕДКОЙ

Шел октябрь 1940 года. Из зарубежных резидентур внешней разведки органов государственной безопасности поступала тревожная информация о концентрации германских войск на советской границе и военных приготовлениях вермахта. К этому времени Гитлеру удалось покорить всю Европу и подчинить ее промышленность своим военным планам. В сентябре 1939 года после непродолжительного сопротивления пала Польша. В июне 1940 года капитулировала Франция. Германия оккупировала почти всю Европу, и только Англия, отделенная от континента Ла-Маншем, оказывала сопротивление нацистам. Поступающая драматическая информация свидетельствовала о том, что очередной удар Гитлер может нанести по Советскому Союзу, используя для этого территорию оккупированной Польши, а также стран — сателлитов Германии в Восточной Европе. Москву особенно тревожила обстановка в Польше, в которой, по сообщениям разведки, концентрировалась основная группировка немецких войск.

Именно в это время в Польшу были направлены с разведывательным заданием советские разведчики Петр Гудимович и Елена Модржинская.

Действуя под самым носом у гестапо, они добывали жизненно важную для Москвы информацию, которая помогла в дальнейшем избежать многих жертв.

Перед советской внешней разведкой стояла задача получить достоверную информацию относительно истинных намерений Гитлера в данном регионе. Однако после германской оккупации Польши агентурные позиции советской разведки в этой стране были практически утрачены, связь с источниками информации законсервирована. Агентурную сеть там необходимо было воссоздавать заново.

Не лучше обстояли дела и в других странах, оккупированных Германией: после кровавых чисток советских органов государственной

безопасности, получивших название «ежовщина», заграничные аппараты внешней разведки были разгромлены и практически не функционировали. Намечавшиеся ранее меры по организации разведывательной работы в «особый период» так и не были реализованы.

Назначенный в мае 1939 года на пост начальника 5-го (разведывательного) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР молодой (ему в то время шел лишь 33-й год) и энергичный Павел Михайлович Фитин предпринял титанические усилия по восстановлению европейской агентурной сети. И эта работа принесла свои первые плоды буквально накануне нападения Германии на Советский Союз. За короткий предвоенный период руководству внешней разведки удалось воссоздать 40 резидентур в Европе, Азии, и Америке. В Центре и в загранточках внешней разведки к этому времени работало уже более 400 оперативных сотрудников, а агентурный аппарат разведки к началу Великой Отечественной войны насчитывал около 600 человек.

В сентябре 1940 года на стол начальника внешней разведки легла информация из Лондона, полученная от надежного источника резидентуры Кима Филби. В ней говорилось:

«По полученным надежным данным, Германия развернула вдоль советской границы 127 дивизий. Только в бывшей Польше дислоцируется 58 дивизий вермахта. Всего в германских вооруженных силах насчитывается 223 дивизии, которые полностью укомплектованы».

Начальник разведки задумался:

— «Зенхен» (оперативный псевдоним Кима Филби того времени) явно почерпнул эту информацию в британских спецслужбах. До сих пор все получаемые от него сведения, как правило, подтверждались. Однако Берлин находится в состоянии войны с Англией, германская авиация ежедневно бомбит Лондон и другие города Великобритании. Возможно ли в этих условиях германское нападение на Советский Союз, или же спецслужбы Англии специально дезинформируют Москву через Кима Филби? Необходимо срочно перепроверить эти сведения.

Польша была оккупирована Германией, и советских разведчиков на ее территории не было. Фитин вспомнил сообщение резидентуры НКВД в Варшаве от 7 августа 1939 года. В нем говорилось: «Германия может начать вооруженные действия против Польши в любой день после 25 августа». Однако разведка не смогла сообщить в Кремль о точной дате нападения Германии на Польшу. Военный пожар в Европе разгорался, достоверная информация о реальных планах Гитлера нужна была как воздух, и в первую очередь — из Польши. Именно в ней, судя по поступавшим сообщениям из

других стран, концентрировались главные силы для вторжения на нашу территорию.

В результате оккупации гитлеровской Германией Польша потеряла независимость и была превращена в генерал-губернаторство с центром в Кракове. Советское посольство в Варшаве было закрыто, а резидентура разведки прекратила свое существование. Однако, в соответствии с советско-германскими договоренностями, оккупационными властями была введена должность управляющего советским имуществом в Варшаве в ранге консула. Занять эту должность готовился сотрудник внешней разведки

Петр Гудимович. Но ему необходим был помощник, а германская администрация отказывалась ввести дополнительную должность в аппарате управляющего. Оценив обстановку, в Центре пришли к выводу, что таким помощником для оперработника могла бы стать женщина, его «жена», пусть даже фиктивная (разведчик не был женат).

Начальник отделения кадров доложил Фитину личное дело оперработника. В краткой справке на него говорилось:

«Гудимович Петр Ильич родился 20 октября 1902 года в городе Новгород-Северский Черниговской губернии, украинец. Происходит из семьи кустика-портного. В 1920 году окончил 6 классов средней школы.

С марта 1921 года служил переписчиком в Новгород-Северском уездном военкомате и в кавалерийских частях РККА. В сентябре 1924 года был демобилизован. Поселился в городе Туапсе, где работал делопроизводителем в райвоенкомате. В 1928 году вступил в ВКП (б). Окончил рабфак в Туапсе и Институт инженеров коммунистического строительства в Новочеркасске.

В 1933 году был принят на работу в органы госбезопасности и направлен на учебу в Центральную школу ОГПУ в Москве. По ее окончании находился на чекистской работе в Саратовском крае (заместитель начальника политотдела МТС, помощник оперуполномоченного). В 1938 году окончил Школу особого назначения НКВД и был зачислен во внешнюю разведку на должность заместителя начальника отделения».

Начальник разведки дал указание активизировать оформление Гудимовича на работу в Варшаву и одновременно подобрать ему помощницу. Желательно — владевшую польским языком.

Через несколько дней Фитин утвердил необходимые документы на разведчика, получившего оперативный псевдоним «Иван» и паспорт на имя Петра Васильева. А 25 октября 1940 года в Берлин на имя резидента

«Захара» ушла шифртелеграмма следующего содержания:

«На днях к вам для дальнейшего следования к месту назначения в Варшаву на должность управляющего советским имуществом в бывшей Польше выезжает наш оперработник Петр Васильев, он же — «Иван». Обсудите с ним все вопросы, касающиеся его работы по линии прикрытия, а также условия поддержания связи. Окажите содействие в получении в МИД Германии официальных документов для постоянных поездок работника в Варшаву и Берлин, то есть в обоих направлениях.

Из Ваших средств выделите «Ивану» автомашину, пишущую машинку и тому подобное. Договоритесь, каким путем будете поддерживать связь между собой: с помощью личных поездок, через курьеров, вызова к себе в Берлин, письменно. Подумайте, каким образом переслать продукты в Варшаву для «Ивана». Выдайте ему из имеющихся у вас средств 880 польских злотых и 1200 немецких марок на оперативные расходы».

30 октября 1940 года «Захар» коротко доложил в Москву: ««Иван» прибыл в Берлин для дальнейшего следования в Варшаву».

Спустя несколько дней «Иван» уже внимательно осматривал здание советского посольства в Варшаве. Его сопровождал бывший киномеханик посольства Трепман, который после закрытия советской дипломатической миссии охранял здание. Именно от Трепмана оперработник начал получать некоторые сведения, касавшиеся обстановки в городе. В дальнейшем, правда, выяснилось, что он являлся осведомителем гестапо, и этот факт учитывался в работе с иностранцем.

Как полагается по дипломатическому протоколу, оперработник нанес официальный визит нацистскому чиновнику, австрийцу Данеку, представлявшему в Варшаве МИД Германии. В компетенцию Данека входили все вопросы, касавшиеся иностранных граждан и дипломатов на территории бывшей Польши. В прошлом он был профессором Венского университета, специалистом в области славянских языков.

Контакт с ним представлял определенный интерес для разведчика.

«Иван» познакомился также с руководителем варшавского гестапо Николаи, который проявил нескрываемый интерес к деятельности управляющего советским имуществом в Польше, с начальником полиции Варшавы Фатишем, завел другие официальные связи, которые могли представить интерес, в том числе для зашифровки оперативных контактов.

Между тем в Центре полным ходом шло оформление в Варшаву помощницы «Ивана» под видом его «законной супруги».

На эту роль кадровики подобрали активную сотрудницу, умную и талантливую разведчицу, уже успевшую проявить себя на оперативной

работе, Елену Дмитриевну Модржинскую. Ее кандидатуру лично одобрил нарком внутренних дел Берия. В служебной справке на «Марью» (таким стал оперативный псевдоним Елены Дмитриевны), подписанной начальником внешней разведки Фитиным, говорилось:

«Модржинская Елена Дмитриевна родилась 24 февраля 1910 года в Москве. Польша. Происходит из семьи служащего. Ее отец был сыном ссыльного из дворян, сосланного в 1863 году на каторгу и пожизненное поселение и тогда же лишенного дворянского звания.

В 1925 году окончила среднюю школу и курсы английского языка. В 1930 году — международное отделение факультета советского права 1-го МГУ. Во время учебы в университете проходила практику в редакции газеты «Комсомольская правда», работала гидом-переводчиком во Всероссийском обществе культурных связей с заграницей (ВОКС).

По распределению Модржинская была направлена в наркомат внешней торговли. Занимала должности экономиста, референта, старшего консультанта, руководителя группы. В 1936 году, работая в наркомате, окончила спецкурс факультета особого назначения Академии внешней торговли. Помимо польского и русского, свободно владеет французским, английским, испанским и немецким языками.

В 1937 году по путевке ЦК ВЛКСМ была направлена на работу в органы НКВД.

В 1937–1940 годах — оперуполномоченная 1-го отделения, заместитель начальника 2-го отделения 2-го отдела Главного транспортного управления НКВД СССР.

Член ВКП (б) с марта 1940 года.

Воинское звание — лейтенант госбезопасности».

Правда, на первых порах Елена Дмитриевна категорически отказывалась от служебной командировки, ссылаясь на семейные обстоятельства. Не прельщал ее и «семейный союз» с малознакомым человеком. По характеру молодая разведчица была человеком упорным, иногда даже резковатым. Как вспоминал значительно позже в своих мемуарах генерал-лейтенант в отставке Виталий Павлов, лично знавший Елену Дмитриевну по работе во внешней разведке накануне войны, она могла открыто высказать свое мнение, не считаясь с заслугами и чинами других сотрудников отделения. Вероятно, решительность и принципиальность молодой разведчицы и сыграли свою роль в подборе ее кандидатом для направления в оккупированную Польшу.

Вскоре руководству разведки удалось преодолеть сомнения «Марьи», убедить ее в важности для страны поручаемой ей работы, и уже 15 декабря

1940 года «Иван» встречал ее с букетом цветов на платформе варшавского вокзала. Забегая вперед, отметим, что этот «брак по обстоятельствам» на самом деле оказался счастливым. Совместная работа и подстерегавшие разведчиков ежедневные опасности сблизили их, и вскоре «Иван» с «Марьей» попросили Центр официально оформить их отношения в качестве супружеской пары.

Напутствуя разведчицу, Павел Фитин подчеркивал, что ее поведение в Польше должно быть естественным и не вызывать сомнений у окружающих в прочности семейных уз четы Васильевых. Он особо отметил, что несмотря на жестокое обращение немцев с местным населением, она должна не показывать своих истинных чувств, проявлять к ним внешнее расположение. Одновременно по отношению к полякам и украинцам вести себя лояльно. «Марье» было рекомендовано чаще бывать с «Иваном» в общественных местах, завязывать знакомства в интересующих разведку кругах, все замечать и запоминать. После двух-трех месяцев ей разрешалось выехать в отпуск под предлогом свидания с родителями.

На самом же деле разведчице предстояло обсудить в Центре возможность восстановления связи с законсервированными источниками информации варшавской резидентуры НКВД. Особое внимание в отработанном для нее задании Центра уделялось получению достоверной информации о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз.

Первые дни после приезда в Варшаву дались «Марье» с трудом. Чувствовалась некоторая неуверенность из-за неопределенности личного положения. Давали себя знать чуждая среда и обстановка. Польская столица сильно пострадала от бомбардировок гитлеровской авиации, мирная жизнь была нарушена, свирепствовало гестапо. Внешне все, казалось, было нормально: работали казино, кинотеатры, многочисленные увеселительные заведения для господ германских офицеров, торговали магазины. Однако Польша под гитлеровской оккупацией была не такой, как до войны: в ней царила атмосфера страха и уныния. Тем не менее необходимо было выполнять задания Центра, и прежде всего — подумать о восстановлении агентурного аппарата.

Разведчики проанализировали справки на агентов, присланные Центром. Некоторых из них посетили под благовидным предлогом. В результате выяснилось, что многие из них, особенно из числа польских военнопленных, завербованных территориальными органами НКВД, подписали обязательства о сотрудничестве с разведкой в надежде любым

путем возвратиться на родину. Реальными разведывательными возможностями эти люди не располагали. Предстояла большая работа, чтобы создать дееспособную агентурную сеть.

У некоторых людей в таких обстоятельствах опускаются руки. Но Центр не ошибся в разведчиках: «Иван» и «Марья» стали энергично действовать, прониклись духом напряженной обстановки, принялись активно заводить связи. Разумеется, главную роль в этом разведывательном тандеме играл «Иван», но и «Марья» хватало работы. Первоначально они установили контакт с профессором философии Варшавского университета Ладиславом Спассовским, человеком, симпатизировавшим Советскому Союзу. Он был лично знаком с прогрессивной польской писательницей Вандой Василевской и намеревался выехать в Советский Союз.

Среди помощников «Ивана» и «Марьи» были адвокат Суриц, рабочий лесничества Леваневский, регулярно разъезжавший по территории Польши и выполнявший задания разведчиков по визуальному наблюдению за переброской гитлеровских войск к советским границам. Были и другие, не менее интересные источники информации.

Вскоре в Центр из Варшавы начала поступать важная военно-политическая информация. Разведчики сообщали, что в самой Варшаве немцев относительно немного. Все они в основном находятся на советской границе. Численность гитлеровских войск на границе с СССР достигла двух миллионов человек. В Варшаву немецкие офицеры приезжают в основном для отдыха и развлечений в кафе, ресторанах и ночных кабаре.

«Поляки откровенно ненавидят немцев и открыто говорят, что скоро грянет война, и русские в ней разгромят гитлеровцев. В то же время поляков переселяют из генерал-губернаторства на новые места. Это входит в германский план колонизации Польши, хотя немцы выдают насильственное выселение поляков за меры по созданию оборонительных зон, чтобы якобы противостоять «советской превентивной войне», — сообщали разведчики в Центр.

«Иван» настойчиво добивался командировки в Москву, чтобы лично доложить наркому госбезопасности Всеволоду Меркулову тревожную информацию. Такое разрешение было получено в марте 1941 года. При встрече с наркомом разведчик рассказал о растущей концентрации германских вооруженных сил на польской территории, прилегающей к границе с СССР, о мероприятиях гитлеровского командования, которые можно охарактеризовать как подготовку к нападению на Советский Союз, о реконструкции шоссейных дорог, ведущих к границе с нашим государством.

Меркулов, однако, никак не выразил своего отношения к информации разведчика. В конце беседы он заметил: «Вы сильно преувеличиваете германскую угрозу. Все это необходимо еще раз перепроверить». Однако сообщенные «Иваном» сведения нарком все-таки доложил Сталину, Молотову, Берии и министру обороны маршалу Тимошенко.

20 апреля «Иван» прибыл из Варшавы в Берлин, чтобы отчитаться перед Центром о проделанной работе и передать в Москву собранную информацию. 5 мая того же года в ЦК ВКП (б) и правительство руководством госбезопасности было направлено спецсообщение, основанное на информации «Ивана» и «Марьи». В документе, в частности, говорилось:

«Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле решенном.

... С 10 по 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на восток непрерывно как в течение ночи, так и днем. Из-за непрерывного потока войск остановилось все движение на улицах города. По железным дорогам в восточном направлении идут составы, груженные главным образом тяжелой артиллерией, грузовыми машинами и частями самолетов. С середины апреля на улицах Варшавы появились в большом количестве военные грузовики и санитарные автомашины».

Информация подобного рода поступала в Кремль и из других резидентур, однако Сталин не прислушивался к мнению разведчиков.

Он как-то даже бросил реплику во время очередного доклада Меркулова:

— Что это за информация о войне, если ее знает каждый немецкий солдат? Гитлеровцы — мастера провокаций. Нельзя допустить, чтобы они спровоцировали нас...

Вечером 21 июня 1941 года надежный источник сообщил «Ивану» о том, что война начнется «утром завтрашнего дня». Однако разведчики не смогли передать эту информацию в Москву, так как связь с Центром они поддерживали только через Берлин.

В полдень 22 июня «Иван» и «Марья» были арестованы гестапо и подверглись длительному допросу. Шесть немецких контрразведчиков пытались выяснить, чем они занимались в последнее время, с кем были связаны, от кого получали и кому передавали информацию. Советские представители категорически отрицали какую-либо неправомерную деятельность.

28 июня супруги были переправлены в Берлин, в советское посольство. Встретившись с послом Деканозовым, являвшимся одновременно заместителем наркома иностранных дел, разведчики доложили ему последнюю информацию из Варшавы. По их сведениям, Германия в первые дни войны с СССР несла большие потери, все госпитали на территории бывшей Польши были буквально забиты ранеными. В то же время налеты советской бомбардировочной авиации на военные объекты немцев на польской территории оказались малоэффективными.

Рассказали они и о том, что точную дату нападения Германии узнали накануне, 21 июня. Источники берлинской резидентуры также в последний момент сообщили точную дату начала войны. Однако что реально можно было сделать в этих условиях? Бравурные сообщения германского радио об успешном продвижении вермахта по территории Советского Союза вносили тревогу в сердце.

В начале июля 1941 года советские дипломаты и граждане, оказавшиеся на территории рейха и оккупированных им стран, были обменены на германских дипломатов, находившихся в Советском Союзе. Разведчики вместе со всеми были погружены в поезд, который доставил советских представителей в пограничный болгарский город Свиленград, где они пересекли болгарско-турецкую границу. Германские дипломаты через Армению также были доставлены в Турцию и оттуда отбыли в Берлин. От болгарско-турецкой границы группа советских граждан была отправлена поездом в Стамбул. Затем они погрузились на теплоход «Сванетия», который проследовал вдоль побережья нейтральной Турции в советский порт Батуми.

В связи с налетами германской авиации дальнейший путь разведчиков в Москву лежал через Ростов, Сталинград и Куйбышев. В советскую столицу они прибыли в середине июля.

За успешную разведывательную работу в Варшаве Петр Гудимович был награжден орденом Красного Знамени, а Елена Модржинская — орденом Красной Звезды.

Во время Великой Отечественной войны полковник Гудимович являлся заместителем начальника отдела в 4-м управлении НКГБ. После войны вновь работал в разведке. Майор Модржинская получила назначение в информационно-аналитический отдел внешней разведки, став заместителем начальника отдела. В конце 1953 года в связи с очередной кампанией по сокращению штатов супруги были уволены из органов государственной безопасности в запас.

Елена Дмитриевна Модржинская более 20 лет проработала в Институте философии Академии наук СССР, стала доктором наук, профессором. Скончалась 4 ноября 1982 года. Петр Ильич Гудимович умер одиннадцать лет спустя — в 1993 году.

Глава VI

ГЕРОИ РОССИИ РОДОМ ИЗ США

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество звание Героя России было посмертно присвоено замечательной советской разведчице-нелегалу Леонтине Коэн.

Несколько ранее, 20 июля 1995 года, такого же высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик-нелегал, Моррис Коэн — муж и боевой товарищ Леоптины.

В галерее разведывательной славы нашей страны, ставшей для них второй родиной, Моррису и Леонтине Коэн принадлежит видное место. В военные и послевоенные годы они участвовали в добывании для Советского Союза информации о разработках атомной бомбы в США, а затем о программах создания вооружений в Англии. Убежденные интернационалисты, Коэны внесли значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы «холодная война» не переросла в «горячую».

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще в начале XX века семья Коэнов эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда.

В автобиографии, хранящейся в его оперативном деле, Моррис Коэн писал:

«Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Тарища, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни, по праздникам устраивали балы, на которых танцевали польку и гопак. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране —

России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и потому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад впадал в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Советский Союз был привлекателен для меня еще и потому, что в нем всем предоставлялась работа, а у нас, в Америке, наоборот, процветала безработица».

Учась в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Затем работал преподавателем истории в средней школе в Иллинойсе.

В 1936 году Моррис вернулся из Иллинойса домой в Нью-Йорк, вступил в компартию США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении. Безработица в городе была огромной, и трудоустроиться где-либо было практически невозможно. Товарищи по партии нашли Моррису временную работу: распространять прогрессивные газеты и журналы за пятнадцать долларов в неделю. Потом он устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе, был служащим в одном из отелей Нью-Йорка. Одновременно вел агитационную работу в профсоюзах и продолжал заниматься распространением партийной литературы. «Пожалуй, не было в то время в Нью-Йорке ни одного массового митинга, пикета или демонстрации, в ходе которых я не распространял бы газету компартии и другую литературу», — вспоминал Моррис Коэн в конце 1980-х годов.

На массовом митинге в поддержку республиканской Испании, проходившем в мае 1937 года в Нью-Йорке, товарищ Морриса познакомил его с молодой и красивой девушкой Лоной Петке. А двумя месяцами позже Моррис уже был в Испании. Гражданская война в этой стране не оставила его равнодушным, и он отправился туда добровольцем.

Из автобиографии Морриса Коэна, хранящейся в его оперативном деле:

«Это было время митингов и демонстраций в поддержку республиканской Испании. В Америке, как и во всем мире, шла

поляризация сил: с одной стороны — силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции, угнетения и тирании. Каждому надлежало тоща сделать выбор: на чьей он стороне. У меня иного выбора, чем добровольно встать на защиту Республики, быть не могло: это соответствовало моим политическим убеждениям. На митинге в Мэдисонсквер-гарден я, не задумываясь, в числе первых подал заявление о вступлении в интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна».

Вначале Моррис был пулеметчиком, а затем — политическим комиссаром батальона Маккензи Панино. В октябре 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро Моррис был ранен в обе ноги и попал в госпиталь. После выздоровления продолжил участвовать в боевых действиях.

Отважный американец, ненавидевший фашизм, попал в Испании в поле зрения советской внешней разведки. В первых числах июля 1938 года его пригласил на беседу в барселонскую разведшколу резидент внешней разведки НКВД в Испании Александр Орлов. В ходе беседы Орлов сделал Коэну предложение о сотрудничестве. Моррис дал согласие оказывать помощь советской внешней разведке в борьбе против нацистской угрозы.

В направленном в Центр рапорте о вербовке Коэна резидент Орлов, в частности, отмечал:

«После моих объяснений о перспективах сотрудничества с советской разведкой Коэн погрузился в глубокое раздумье. Чтобы вывести его из этого состояния, я заговорил с ним о возможности развязывания Гитлером новой мировой войны, что с приходом фашистов к власти Германия превратилась в агрессивное государство, что для советской разведки нет сейчас важнее задачи, как своевременное выявление планов нападения Гитлера на Советский Союз...

Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, «Луис» (таким стал оперативный псевдоним Коэна. — *Примеч. авт.*) прекрасно понимал, на что он идет. Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения, верность социалистическим идеалам, делу мировой революции, которым он решил посвятить всю свою жизнь».

В ноябре 1938 года по решению Центра Коэн выехал из Испании в США для работы в качестве связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки.

Из сообщения в Центр руководителя нью-йоркской резидентуры:

«Связь с „Луисом“ установлена. Работает с ним „Твен“ (в дальнейшем — видный советский разведчик Семен Маркович Семенов. — *Примеч. авт.*). Перед „Луисом“ поставлена задача: подобрать группу источников,

которые могли бы помочь нам в получении информации по немецкой колонии. В целях выполнения поставленных перед „Луисом“ задач прошу вашей санищи на предоставление ему возможности проведения самостоятельных вербовок».

По возвращении в Нью-Йорк Моррис сразу же позвонил Лоне...

* * *

Лсонтинна Тереза Пстке родилась в Массачусетсе (США) 11 января 1913 года в семье польских эмигрантов. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, а в 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Коэном Лона, как мы уже отмечали, познакомилась там, где, но логике, и должна была познакомиться, — на антифашистском митинге.

И вот новая встреча. Смелый молодой человек, боец интербригады, покорила сердце Лоны. 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, они подали заявление на регистрацию брака. А 4 июля 1941 года, в День независимости США, состоялась свадьба. Это был выходной — единственный день, когда они не были заняты работой. Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из характеристики на Леонтину Коэн, направленной нью-йоркской резидентурой в Центр в ноябре 1941 года:

«В процессе ознакомительной беседы с женой «Луиса» у оперработника сложилось о ней благоприятное впечатление: истинная интернационалистка, активная участница митингов и демонстраций в поддержку Испанской республики, охотно выполняла различные поручения компартии США.

Ей в полной мере присущи качества, необходимые для закордонного источника, — она красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника.

Иногда излишне эмоциональна и прямолинейна, но мы считаем, что это поправимое дело. Главное — она способна перевоплощаться и играть

отведенную ей роль.

В процессе наблюдения за ее поведением в свободное от работы время компрометирующих материалов не получено.

По нашему мнению, она пригодна к сотрудничеству с разведкой».

Из воспоминаний Морриса Коэна:

«Я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе выполнять задания Центра. Я прекрасно понимал, что хорошая супружеская пара — это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы».

Из воспоминаний ветерана разведки Юрия Соколова, также работавшего в те далекие годы с Моррисом и Леонтиной в Нью-Йорке в ходе своей первой заграничной командировки и затем долгое время дружившего с ними:

«Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду обоих».

Супружеская пара разведчиков поддерживала связь между нью-йоркской резидентурой и ее источниками. Импульсивная эмоциональность Лоны, ее любовь к риску достойно уравновешивались холодной рассудительностью, осторожностью Морриса.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до Эльбы и закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

Нет сомнения в том, что она была женщиной энергичной и решительной и имела сильно развитое чувство справедливости.

Как-то раз, в конце 1942 года, поздно вечером Лона ехала в нью-йоркском метро. Было это после сверхурочной работы на заводе, производившем запчасти для военных самолетов. Пассажиров в вагоне было мало. Недалеко от нее сидели две женщины, которые довольно громко обсуждали вопросы, связанные с войной в Европе. Женщины были примерно такого же возраста, что и Лона, одеты довольно богато, на них были только входившие тогда в моду меховые жакеты. Одна из них заявила, что чем дольше будет продолжаться война, тем больше будут зарабатывать

их мужа и тем богаче они станут. Вспыхнув от возмущения, Лона вскочила со своего места, подошла к пассажиркам и со словами: «Так вот за что борется мой муж?!» — вlepила желавшей поживиться за счет войны даме звонкую пощечину. Затем, не оглянувшись, вышла из вагона на следующей станции.

Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к активному сбору информации по так называемому «Манхэттенскому проекту» — разработке в лабораториях ядерного центра в Лос-Аламосе первой в мире американской атомной бомбы. Сотрудникам резидентуры удалось добыть и направить в Москву важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. И когда 16 июля 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых. Особая роль в этом принадлежала Леонтине Коэн.

...Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим режимом секретности. Проживали там только научные работники, да больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту задачу было поручено Лоне.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный неподалеку от Лос-Аламоса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость прохождения курса лечения легких в этой курортной зоне. Поселилась на окраине городка, сняла комнату и начала готовиться к разведывательной операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лопе пришлось поволноваться: источник пришел только на четвертое воскресенье. Ждать целый месяц, находясь вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история — источник перепутал дату встречи. Наконец встреча состоялась. Обмен паролями, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны еще одно испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа.

Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из нее салфетку. И когда ее вещи начали осматривать», сунула эту коробку прямо в руки одному из проверяющих, а сама начала рыться в сумочке в поисках билета. Билет «нашелся», когда поезд уже готов был тронуться. Лону в спешке посадили в вагон, и проверяющий машинально, на ходу, возвратил ей «забытую» коробку, так и не проверив ее. Через некоторое время ценнейшие документы были уже в Центре.

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Начался новый этап в работе разведчиков. Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской резидентуры, причастных к разработке американского ядерного оружия.

Из воспоминаний Юрия Соколова:

«В работе Моррис отличался высочайшей надежностью. Кроме блестящих аналитических способностей он обладал спокойным характером и завидной выдержкой. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Любую напряженность он мог снять своей доброй улыбкой, убедительностью доводов.

Для меня Моррис был и как старший брат, и как добрый советчик. Я постоянно чувствовал с его стороны и понимание, и поддержку в новой, непривычной для меня на первых порах обстановке. В то же время Моррис внимательно прислушивался к моим советам и рекомендациям, понимая, что они диктуются деловыми соображениями и заботой о его безопасности.

Обстановка в США тем временем становилась для нашей работы все более неблагоприятной. Особенно после подъема волны маккартизма, закрытия нашего генконсульства в Нью-Йорке в 1948 году и ухудшения отношений между США и СССР. Все это заставило нью-йоркскую резидентуру значительно повысить уровень средств обеспечения безопасности связи и ужесточить требования к их соблюдению. Центр принял решение о подготовке к передаче Морриса и Лоны на связь нелегалу».

В начале 1949 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абея, и проработали с ним почти два года. Однако в конце 1950 года Моррис и Леонтина были выведены из США в Советский Союз. И сделано это было целенаправленно. Ведь Моррис Коэн был хорошо известен как боец

испанских интербригад, и это могло привлечь к нему ненужное внимание в США, где поднималась волна маккартизма. Как показали дальнейшие события, Коэны покинули Америку вовремя. Тем самым Центр смог избежать провалов в сети атомных источников и сохранить семейную пару разведчиков-нелегалов для дальнейшей работы.

Более трех лет находились Коэны в Москве. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком.

В 1954 году руководством внешней разведки было принято решение направить супругов Коэн в Англию в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры, которую возглавил другой знаменитый советский разведчик-нелегал — Конон Трофимович Молодой, работавший в этой стране под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним «Бен»).

В Англию Коэны прибыли с паспортами на имя новозеландских бизнесменов Питера и Хелен Крогеров. Супруги приобрели небольшой дом в двух километрах от базы ВВС Нортхолт под Лондоном, где оборудовали радиоточку для связи с Москвой, и вскоре начали регулярно передавать в Центр сведения особой важности. С 1955 по 1960 год резидентура «Бена» успешно добывала и передавала в Москву в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касавшуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал-майор Василий Дождалев, который в начале своей разведывательной карьеры лично поддерживал периодический контакт с «Беном» и работал с одним из его источников в Англии, позже отмечал:

«Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем королева Елизавета. Помимо того, что мы полностью владели ситуацией, брали на вооружение и какие-то новые разработки. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия наших эхолотов была сделана на основе английских. Интерес в Центре к этим материалам был огромен».

Однако в связи с предательством резидентура «Бена» была раскрыта. 7 января 1961 года разведчики были арестованы.

Позже на суде было обнародовано заключение Королевской комиссии по делу Лонсдейла, в котором подчеркивалось, что в результате деятельности разведчиков «сколь-нибудь важных секретов в британском

Адмиралтействе более не осталось».

Что же случилось в 1961 году?

В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки Голеневского ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде.

Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам о том, что у советской разведки в Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили «Бена», а затем и супругов Крогер.

Из воспоминаний генерала В.А. Дождалева:

«Англичане «пасли» резидентуру семь месяцев. Действовали они очень уверенно. Зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960 года в отпуск, на континент. Не сомневались, что он вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. Риск себя оправдал».

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестом «Бена» и Крогеров, произведя его через два дня — 7 января.

На судебном процессе в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли, рассматривавшем так называемое «портлендское дело», который начался 13 марта 1961 года, Лонсдейл взял все на себя, утверждая, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности. Несмотря на то, что суду не удалось доказать причастность Крогеров к работе на советскую разведку, 22 марта на основании сообщенных американцами сведений Питер и Хелен были приговорены к 20 годам тюремного заключения. А днем позже, 23 марта, Гордон Лонсдейл был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Во время ареста, следствия и судебного процесса Питер и Хелен Крогеры вели себя стойко и мужественно и не выдали противнику никаких секретов.

Для Крогеров последовали девять долгих лет мотаний по английским тюрьмам, частая их смена обуславливалась опасениями побега. Питер и Хелен должны были отбывать свой срок заключения, находясь в разных тюрьмах Англии: Питер, естественно, в мужской, Хелен — в женской. Им было разрешено встречаться раз в месяц, и с этой целью их привозили в тюрьму, находившуюся где-нибудь на полпути от мест их заключения. Они виделись в тюремной комнате в присутствии надзирателя, им разрешалось пить чай с печеньем и беседовать. Эти встречи, которые продолжались ровно один час, были для них каждый раз важным событием, так как разлука, несомненно, была самым тяжелым испытанием в их тюремной жизни.

Как и всем заключенным, им было разрешено писать одно письмо в неделю. Эти письма должны были быть написаны на тюремном бланке небольшого формата из четырех страниц и вложены в открытый конверт, чтобы тюремный цензор мог их читать. Крогеры переписывались между собой и с Лонсдейлом. Содержание этих писем Служба внешней разведки России обнародовала в начале 2001 года, а московский Центр общественных прикладных проблем Александра Жилина включил их в изданный двухтомник под общим названием «Письма из тюрем Ее Величества».

Безусловно, Хелен страдала от отсутствия свободы, и жизнь в тюрьме оказалась для нее более трудной, чем для Питера и Лонсдейла. Но ей помогали большая сила воли и врожденная стойкость к возникающим трудностям.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 11 сентября 1961 года, тюрьма Ее Величества Уинсон Грин Роуд, Бирмингем, 18:

«Всю свою жизнь я боролась против несправедливости, дорогой мой, и любила тех, кто поступал так же. Как-нибудь я расскажу тебе об одной суфражистке (участница женского движения за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав, которое называется суфражизм. — *Примеч. авт.*) из Англии, которая в молодости прошла через ад, добиваясь того, чтобы женщины имели больше свободы. Я никогда ее не забуду — ее дух живет в моем сердце. Она учила меня и нескольких других девушек социализму, когда мы были еще подростками. Во время нашего процесса в Олд Бейли ее дух жил во мне... Если бы она была жива сегодня, она гордилась бы своей ученицей. Я часто задумываюсь о том, будут ли мои ученицы помнить меня так, как я помню ее.

Питер и я очень любим тебя, но как жаль, что мы не узнали о тебе больше до судебного процесса. Были ли твои друзья так же верны тебе, как

наши остались верны нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями. Ты всегда можешь быть уверен в нашей дружбе, пока мы живы».

Следует подчеркнуть, что Питеру и Хелен было присуще такое важное качество, как беспредельная верность делу, которому они посвятили свою жизнь. МИ-5 (английская службы безопасности — контрразведка) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и обеспеченную жизнь в одной из стран Британского Содружества в обмен на согласие сотрудничать и сообщить информацию о своей работе и работе других лиц на советскую разведку. И каждый раз Питер и Хелен решительно отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались встречаться с представителями МИ-5.

В октябре 1966 года другому советскому разведчику, Джорджу Блейку, арестованному в Англии в результате предательства в апреле 1961 года и приговоренному английским судом к 42 годам тюремного заключения, удалось бежать из тюрьмы, в которой он отбывал наказание, и добраться к концу года до Москвы. Как только стало известно о побеге Дж. Блейка, Питер и Хелен были переведены в другие тюрьмы. Питера поместили в тюрьму «максимально строгого режима» на острове Уайт, где содержались самые опасные преступники: убийцы и участники известного в то время ограбления почтового вагона в Англии (так называемого «ограбления века»). Хелен была направлена в тюрьму строгого режима. Тюремные власти старались сломать ее морально и физически. У Хелен началось истощение нервной системы. Но она решительно отказывалась от каких-либо успокаивающих лекарств, которые ей усиленно навязывали тюремные врачи, опасаясь, что эти препараты могут содержать наркотики. К тому же количество встреч супругов было сокращено до одного раза в три месяца.

Из письма Питера Крогера к Хелен Крогер от 16 октября 1967 года, тюрьма Ее Величества, Паркхерст, Ньюпорт, остров Уайт:

«Я вынужден сказать тебе, что ты должна взять себя в руки. Нервный срыв ничего не решит и только принесет боль и горе тебе самой и мне. Я не пытаюсь уменьшить или представить в неверном свете условия, в которых ты вынуждена жить. Я осознаю все влияющие факторы: физические, психологические, эмоциональные и делаю что могу, чтобы облегчить положение, привнести в него чуточку легкости и радости. Ежедневно, ежечасно я чувствую твою ношу. И я бы чувствовал тяжелые угрызения совести, если бы не обратился к тебе сейчас с призывом собрать все твои внутренние резервы, чтобы избежать какого-либо срыва.

В предыдущем письме ты писала мне: «Все, что мы можем сделать,

это стиснуть зубы и продолжать. Я знаю, что это трудно, но выбора у нас нет. Мы должны беречь наше здоровье и не поддаваться отчаянию. Когда мой мозг лихорадочно горит и мой ум сбит с толку и путается, я заставляю себя думать о других несчастных, которые тоже переживают подобные муки, и эти мысли дают мне силу встретить лицом к лицу собственное испытание». Эти слова сильного духа и характера вызвали у меня глубокое восхищение».

Наконец в августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на арестованного в Москве агента английских спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков (советский разведчик Конон Молодой — Гордон Лонсдейл был обменен в 1964 году на арестованного ранее в Москве сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна).

Ее Величество королева Великобритании Елизавета II подписала 23 сентября 1969 года указ, в котором, в частности, говорилось:

«[...]

В отношении Питера Джона Крогера, который 22 дня марта месяца 1961 года Центральным Уголовным судом был признан виновным в тайной передаче сведений в нарушение Статьи 1 Закона о государственной тайне от 1911 года и был приговорен к двадцати годам тюремного заключения, всемилостивейше объявляем, что, принимая во внимание некоторые обстоятельства, представленные на высочайшее рассмотрение, мы соболаговляем простереть Наше милосердие и прощение на поименованного Питера Джона Крогера и даруем ему помилование и освобождение его от оставшегося по вышеизложенному приговору срока наказания на день 24 октября 1969 года: по Нашему желанию и благоволению повелеваем освободить его из-под стражи, для чего настоящий указ будет достаточным основанием».

Указ такого же содержания был подписан Королевой Елизаветой II и в отношении Хелен Крогер.

На другой день после подписания указов, 24 октября 1969 года, супруги были освобождены из английских тюрем, а уже 25 октября прибыли в Москву. В начале 1970 года они были приняты в советское гражданство.

Условия конспирации до сих пор не позволяют рассказать о многих операциях, в которых участвовали Моррис и Леонтина Коэн, находясь на разведывательной работе в США и Англии. Однако о качестве их работы свидетельствует такой факт: за конкретные результаты каждый из них был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а

также нагрудным знаком «За службу в разведке». А позже последовали и указы о присвоении им звания Героев России, с которых мы начали рассказ об этих замечательных и исключительно скромных людях.

До последних дней жизни Коэны продолжали трудиться в нелегальной разведке. Они выполняли специальные задания, выезжали в различные европейские страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимали участие в подготовке молодых сотрудников.

23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало. Моррис Коэн скончался 23 июня 1995 года. Похоронены супруги на Новокунцевском кладбище, в московской земле, ставшей для них родной навечно.

В день похорон Морриса одна из российских центральных газет писала: «Он любил Россию страстно и оптимистично». Эти же слова с полным основанием можно было бы отнести и к его боевой подруге и соратнице Леонтине.

Глава VII

ГОАР — ЭТО ЗНАЧИТ «СОКРОВИЩЕ»

Со своим мужем Геворком Гоар сочеталась браком три раза: дважды — за рубежом, так нужно было для подкрепления легенды-биографии разведчиков-нелегалов, и даже венчалась в церкви; и один раз — дома, уже по советским законам.

В последние дни XX века Служба внешней разведки России рассекретила перед общественностью уникальную семью разведчиков-нелегалов: Гоар Леоновну и Геворка Андреевича Вартанян. Даже их имена долгие годы хранились в строжайшей тайне. Да и сейчас, в наши дни, большая часть их жизни и деятельности находится под грифом «совершенно секретно».

Разведка приоткрыла лишь первую страничку длившейся десятилетия работы нелегалов. В нашем рассказе мы коснемся только нескольких эпизодов иранской деятельности разведчиков: во многом именно благодаря им и их товарищам удалось предотвратить покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции в далеком 1943 году.

В то время Гоар входила в возглавляемую Геворком оперативную группу тегеранской резидентуры советской разведки, получившую условное наименование «легкая кавалерия». Членами группы являлись молодые люди, почти подростки, которые самоотверженно, добровольно, бескорыстно и с энтузиазмом помогали тегеранской резидентуре в борьбе с фашистскими спецслужбами и с широкой сетью их агентуры.

Обстановка в Иране, в которой пришлось начинать работать в разведке «кавалеристам», была достаточно сложной.

Накануне Второй мировой войны в планах Гитлера Ирану отводилась важная роль. Иран — это прежде всего нефть и стратегические коммуникации. Через эту страну лежал путь в Афганистан и далее — в Индию, куда нацисты намеревались двинуть войска вермахта после поражения СССР.

Чем ближе была война, тем сильнее Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к сближению с Германией во всех областях, и в особенности

в военной.

К началу Второй мировой войны в Иране находилось около 20 тысяч немецких граждан: военные инструкторы, разведчики и агентура под видом торговцев, бизнесменов, инженеров. Через резидентуры своей разведки и их агентурную сеть, включая многочисленных агентов влияния, гитлеровцы воздействовали на политические круги Ирана, на командование вооруженных сил, жандармерию и полицию. И хотя после начала Второй мировой войны правительство Ирана 4 сентября 1939 года заявило о своем нейтралитете, однако на деле оно открыто продолжало следовать прогерманскому курсу.

Шли месяцы, и Иран все дальше отходил от декларированного нейтралитета. В июне 1941 года Берлин потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. Несмотря на колебания Реза-шаха Пехлеви, созданный им Высший военный совет Ирана отверг это требование. Тогда гитлеровские спецслужбы начали подготовку государственного переворота с целью свержения иранского диктатора, не решившегося вступить в войну. Для этого в Тегеран в начале августа 1941 года тайно приезжал шеф германской военной разведки (абвера) адмирал Канарис. Одновременно на иранской территории резко активизировалась разведывательно-диверсионная деятельность фашистской агентуры.

Следует подчеркнуть, что с началом Второй мировой войны Иран стал играть ключевую роль не только на Ближнем и Среднем Востоке. Захват фашистской Германией Норвегии и Шпицбергена крайне осложнил возможность использования морских дорог, ведущих в северные порты СССР. И Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекающей всю его территорию железнодорожной магистралью мог стать и стал стратегическим путем для осуществления поставок в нашу страну по ленд-лизу вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов и иных грузов, необходимых для ведения войны. Командование вермахта, конечно, учитывало это и пыталось всячески этому помешать.

Советское правительство не могло оставаться безучастным к развитию событий в Иране. Оно трижды предупреждало иранское правительство о создавшейся угрозе вовлечения Ирана в войну. Поскольку заявления СССР игнорировались, а обстановка продолжала ухудшаться, Москва на основании статьи шестой Советско-иранского договора от 26 февраля 1921 года и по согласованию с Лондоном и Вашингтоном приняла решение о вводе в Иран частей Красной армии, о чем уведомила иранское правительство нотой от 25 августа 1941 года.

Уже к сентябрю 1941 года советская ударная группировка в составе

двух армий заняла северные провинции Ирана. Этот шаг был предпринят для того, чтобы пресечь подрывную деятельность нацистской агентуры и предотвратить нападение гитлеровских войск с этого плацдарма на южные границы СССР. Одновременно, в соответствии с международным соглашением, в юго-западные провинции вошли подразделения английских войск. Советские и английские части соединились в районе Казвина, южнее Тегерана, а 17 сентября вошли в иранскую столицу.

Хотя советско-английская военная акция и переломила ситуацию в Иране, позиции гитлеровских спецслужб в стране и их иранских пособников сохранялись. Жесткое противоборство с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга (СД) на территории Ирана продолжалось до конца войны. Более того, Иран использовался гитлеровскими спецслужбами и для ведения шпионско-подрывной работы на территории СССР. Тегеранская резидентура сообщала в Центр в 1941 году: «Немцы из Ирана руководят разведкой, работающей в СССР, они «перелетают» из Ирана в СССР и обратно, как саранча».

В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки, которую возглавлял молодой, но достаточно опытный разведчик Иван Иванович Агаянц. Его резидентуре были подчинены периферийные резидентуры и разведпункты в различных иранских городах.

Перед главной и периферийными резидентурами советской внешней разведки в Иране руководством НКВД была поставлена приоритетная задача по «созданию агентурной сети в целях выявления сотрудников и агентов иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращения возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране».

Активную помощь в решении стоящих перед советской разведкой задач в Иране оказывала группа Геворка Вартамяна.

Наша справка:

Геворк родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье Андрея Васильевича Вартамяна, иранского подданного, армянина по национальности, директора маслостроительного завода, находившегося в станице Степной. В семье было два сына и две дочери. Когда в 1930 году семья выехала в Иран, Геворку было всего шесть лет.

Отец Геворка был связан с советской внешней разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Прожив шесть лет в Тавризе, семья

переехала в Тегеран.

Положение отца — коммерсанта со связями и солидным положением в обществе, владельца кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями, являлось для него надежным прикрытием. Используя это прикрытия, Андрей Васильевич вел активную разведывательную и агентурную работу: вербовки, поддержание связи с нелегалами, приобретение для них «железных» документов. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам. В грозные годы Великой Отечественной войны, когда над его Родиной нависла смертельная угроза, Андрей Васильевич Вартанян собрал значительную сумму денег, которые были переданы в Центр для постройки боевого танка. Призыв «Все для фронта, все для победы!» был для него не просто словами, а смыслом жизни.

В 1953 году Андрей Вартанян вернулся из Тегерана в Ереван, проработав на разведку в Иране 23 года. Он был настоящим патриотом и в таком же духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца Геворк стал разведчиком.

Спустя многие годы Геворк Андреевич подчеркивал:

«В разведку меня привлекла не перспектива стать популярным и известным, а возможность приложить свои силы и способности на одном из жизненно важных для страны направлений. Я очень люблю свою работу, и пусть меня простят представители других профессий, но я считаю, что Разведка (именно с большой буквы) — это не только романтика, но и, прежде всего, один из самых эффективных путей защиты Отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую работу нельзя не влюбиться».

Геворк Вартанян связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с тегеранской резидентурой.

* * *

Первым заданием, которое поручили Вартаняну, получившему оперативный псевдоним «Амир», было подобрать надежных ребят, своих сверстников, и организовать группу для оказания помощи старшим коллегам из резидентуры.

Следует отметить, что большая часть населения Ирана дружелюбно относилась к СССР, особенно прогрессивно настроенная молодежь.

Поэтому «Амир» быстро справился с заданием. Ему удалось привлечь к сотрудничеству семерых друзей и единомышленников, готовых бороться с фашизмом. Они были примерно одного возраста: армяне, лезгины, ассирийцы, все выходцы из СССР. Всех членов группы «Амира» объединяла беззаветная любовь к Родине.

Никакой оперативной подготовки у ребят не было. Сотрудникам тегеранской резидентуры и самому резиденту приходилось учить их на ходу: грамотно вести наружное наблюдение, выполнять другие специальные задания. Именно Ивану Ивановичу Агаянцу «кавалеристы» были обязаны тем, что тяжелая и опасная работа в разведке в те суровые годы была окрашена для них в тона героического романтизма и приносила им глубокое удовлетворение, так как шла на пользу Отечеству.

Овладение основами разведки начиналось для молодых людей с элементарных на первый взгляд, но по сути своей эффективных приемов. На них отрабатывался профессионализм, приобретался первый боевой оперативный опыт. В военное время он приобретался достаточно быстро. Ошибиться означало поставить под удар интересы организации, да и свою собственную жизнь.

Перед группой «Амира» была поставлена задача по выявлению фашистских пособников в Тегеране и других городах. Члены группы вели визуальную разведку, наладили и успешно осуществляли наружное наблюдение, активно получали информацию втемную.

Сегодня уже можно рассказать о некоторых эпизодах самоотверженной деятельности членов группы.

...В тегеранской резидентуре НКВД не могли понять, чем занимается немецкий разведчик «Фармацевт». По агентурным сведениям, он якобы проводит регулярные встречи с высокопоставленными иранскими военными представителями, получает важную информацию, однако доказательств этому не было. Часами бродит по Тегерану, время проводит либо на базаре, либо в чайной.

Группа «Амира» начала работать по «Фармацевту» — никаких зацепок. А сведения о его активных встречах продолжали поступать. Ребята решили выяснить, чем занимается немец, когда бывает дома, особенно по утрам, еще до ухода в город. И вдруг однажды с чердака соседнего здания увидели: сидят за чаем два совершенно одинаковых человека, как две капли воды похожие друг на друга. Оказалось, что для прикрытия немцы использовали близнецов. Один брат-близнец водил наружку по городу, а второй брат — «Фармацевт» — спокойно встречался с агентурой. Ну а дальше все было делом техники, и «легкая кавалерия»

быстро установила всю агентуру «Фармацевта».

«Амиру» и его товарищам приходилось выявлять не только германскую агентуру. На одной из встреч Агаянц поставил перед «Амиром» задачу срочно проверить одного иранского генерала. У резидента вызвали озабоченность следующие обстоятельства: завербованный генерал за большие деньги передавал оперработнику, который с ним поддерживал связь, документы с грифом «совершенно секретно». Но только уж очень много передавал. И не совсем все подтверждалось. «Легкая кавалерия» выставила за генералом плотное наружное наблюдение: никаких подозрительных контактов, в том числе — с немцами. Стали наблюдать за его поведением дома. Оказалось, что генерал по вечерам на чистых бланках с грифами секретности с помощью пишущей машинки сам изготавливает документы. Канал дезинформации был перекрыт.

О результативности «кавалеристов» свидетельствуют следующие данные: только за два года работы с ее помощью было выявлено около 400 человек, так или иначе связанных с германскими разведслужбами.

* * *

Одним из активных членов группы «Амира» с первых дней ее создания стал его близкий друг Оганес. Именно в доме Оганеса он впервые увидел свою будущую жену, а тогда 15-летнюю девочку, его сестру, чернобровую красавицу, чье имя Гоар переводится с армянского как «сокровище», «драгоценный камень».

Родилась Гоар 25 января 1926 года в армянском городе Ленинакане (ныне Гюмри). Ее отец Левон Пахлеванян принадлежал к известному большому и старинному роду («нахлеван» по-армянски — «борец», «победитель»). В 1931 году родители Гоар переехали в Иран, где у власти находился Реза-шах Пехлеви. Фамилия Левона Акоповича на фарси писалась так же, как и имя монарха, поэтому власти потребовали сменить ее. Вспомнив своего соседа и товарища по Ленинакану, Левон взял фамилию Кандарян. И только в 1951 году, вернувшись в Армению, семья восстановила свою родовую фамилию. Отец занимался в Тегеране мелким предпринимательством, мать, Маргарита Борисовна, вела домашнее хозяйство. С малых лет детей в семье воспитывали в духе уважения к своей родине — Армении и к Советскому Союзу.

Рассказывает Гоар Легоновна:

«Я родилась в Ленинакане, сегодня это город Гюмри. Мои родители выехали оттуда в Иран, коща мне было всего пять лет. Я, когда в Тегеран приехала, по-русски не знала ни слова. А Геворк, с которым я познакомилась, не говорил по-армянски. С ним мы общались на фарси, но вскоре выучили другие языки: он — армянский, я — русский. Жили мы в самом центре Тегерана, там, где в то время селились армяне. Перед войной в Иране была двухсоттысячная армянская колония. А мы были общительными ребятами, и знакомых у нас в армянской колонии, да и не только в ней, хватало».

Вскоре «Амир» привлек Гоар к работе в своей группе. И не ошибся. С первых же ее шагов в разведработе всем стало ясно, что Гоар не по годам отважная и стойкая. А природное чутье, прозорливость, ясный ум и дар конспиратора очень скоро стали привлекать к ней молодых бойцов для консультаций по вопросам безопасности и мерам предосторожности.

Строгий нрав Гоар и царившая в группе дисциплина не позволяли молодым разведчикам «замечать» ее красоту и тем более говорить об этом вслух. Для всех Гоар была верным боевым товарищем.

«Я к ней был неравнодушен с самого начала нашего знакомства, — признавался позже «Амир». — Меня поражали ее обостренное представление о чести, долге, ее требовательность и забота о товарищах по оружию».

«Постоянная готовность отдать жизнь за правое дело похвальна, — нередко предостерегала Гоар членов группы, — но она может превратиться в азартную игру, в которой легко забыть о цене жизни, и это самое опасное. Нельзя рисковать из-за пустяков или недостаточно продуманных шагов, безрассудного нарушения элементарных норм конспирации и безопасности. Потеря жизни — это потеря возможности защищать Родину, служить ей. Приносить себя в жертву можно только в исключительных случаях, и всегда осознанно, лишь в результате полной безысходности и как последний шаг во имя Отчизны».

Взгляды Гоар были близки и понятны молодым разведчикам, но они в глубине души все же считали, что погибнуть смертью храбрых за Родину — огромная честь. И нередко при удобном случае стремились похвастаться удалью, побравировать опасностью. За это им частенько доставалось от Гоар.

...Однажды «Амир» оказался на грани провала. Он был арестован сотрудниками Таминат — местной тайной полиции и не знал, чем это для него закончится. Двое ребят из его группы сильно «подсветились» на остром мероприятии (ликвидировали иранца-террориста). Их пришлось

спрятать, а впоследствии даже вывести в Советский Союз. А «Амира», как приятеля этих ребят, бросили в тюрьму. Его били, допытывались, где могут прятаться его друзья. Так продолжалось около трех месяцев.

Но «Амиру» повезло: Гоар была рядом. Она носила ему в тюрьму передачи, поддерживала связь с резидентурой и постоянно информировала об обстановке. Как только Гоар сообщила, что товарищи выведены в безопасное место, «Амир» стал придерживаться выработанной ранее легенды, на допросах все отрицал и требовал освобождения. Требовал отпустить невинно арестованного сына и известный в Тегеране коммерсант-кондитер Андрей Вартанян. Роптали богатые и бедные представители армянской колонии. Через три месяца «Амира» выпустили на свободу.

Сопереживание Гоар за судьбу боевого товарища, опасности и риск, перенесенные ради его спасения, переросли в особые чувства, которые она тщательно скрывала до самого окончания войны.

В 1942 году «Амиру» пришлось выполнять специальное разведывательное задание.

В годы Второй мировой войны Великобритания была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции, и резидентуры двух стран в Тегеране сотрудничали друг с другом по ряду оперативных вопросов. Однако это не мешало англичанам вести подрывную работу и против СССР.

Советской резидентуре стало известно, что англичане создали в Тегеране разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка. Готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Срок обучения — шесть месяцев. Конспирация — строжайшая. Обучение проводилось парами: армян готовили для заброски в Армению, таджиков — в Таджикистан.

По заданию Центра «Амиру» удалось внедриться в разведшколу. Сразу же началась работа по установке ее курсантов, к которой подключилась вся «легкая кавалерия». Через некоторое время у резидентуры была подробная информация о самой школе и о ее курсантах. Зброшенные на территорию СССР «выпускники» школы обезвреживались или перевербовывались и работали «под колпаком» советской контрразведки.

Англичане заподозрили что-то неладное: школа работала на холостом ходу. В это время советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране и заявил протест в связи с «несоюзническим поведением». Англичанин все отрицал. Однако в скором времени школа перестала существовать.

За полгода «Амир» прошел в английской разведшколе полный курс обучения. Полученная в ней от офицеров секретной службы

Его Величества добротная оперативная подготовка — вербовочная работа, тайниковые операции, шифровальное дело, поддержание двусторонней связи, выявление наружного наблюдения — очень пригодилась советскому разведчику впоследствии...

* * *

Активность советской разведки в Иране, по существу, парализовала деятельность подпольных профашистских организаций в стране, способствовала нанесению сокрушительного удара по немецким спецслужбам: они не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал и решить многие из поставленных перед ними задач, в том числе и по подготовке покушения на руководителей стран «Большой тройки» в ходе работы Тегеранской конференции, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Свой весомый вклад в деятельность советской внешней разведки в Иране в тот период внесли и молодые разведчики «легкой кавалерии».

Из истории хорошо известно, что в 1943 году, в период работы Тегеранской конференции, гитлеровские спецслужбы планировали уничтожить лидеров «Большой тройки». Операцию по физическому устранению глав трех государств немцы назвали «Длинным прыжком». Почему же «Длинный прыжок» не удался?

Проведение операции было поручено любимцу Гитлера — опытнейшему парашютисту-диверсанту Отто Скорцени. Именно он руководил ранее операцией «Дуб» по освобождению из-под ареста Муссолини, захваченного итальянскими партизанами. Возглавляемые Скорцени 106 немецких диверсантов приземлились на 12 десантных планерах в районе высокогорного отеля «Спорт», расположенного в местечке Гран Сасо в Апеннинах, и отбили Муссолини у охранявших его 250 партизан, которые не успели сделать ни одного выстрела. Муссолини был вывезен на прилетевшем за ним двухместном самолете.

Но вернемся к событиям в Тегеране. Передовая группа подразделения Скорцени, состоявшая из шести немецких диверсантов, включая двух радистов, была сброшена на парашютах в районе города Кум, что в 70 километрах от иранской столицы. Группа должна была пробраться в Тегеран, наладить радиосвязь с Берлином и подготовить условия для

высадки основного десанта во главе со Скорцени. Диверсию планировалось устроить 30 ноября, в день рождения английского премьера. Более двух недель добирались диверсанты с большим количеством оружия и снаряжения до Тегерана и разместились на конспиративной вилле, подготовленной для них немецкой агентурой. «Легкой кавалерии» удалось первой добыть информацию о десанте и обнаружить местонахождение группы. Все шесть немецких «коммандос» были арестованы. Когда немецким спецслужбам стало известно о провале передовой группы, в Берлине решили отказаться от направления в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок».

В 1964 году проживавший в Мадриде бывший начальник секретной службы СС Отто Скорцени в беседе с корреспондентом парижской газеты «Экспресс» заявил, в частности, следующее: «Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране. Но из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...».

В газете «Правда» за 19 декабря 1943 года было помещено сообщение следующего содержания:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском представительстве, примыкающем к советскому посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана.

Советское и американское посольства отделены друг от друга

расстоянием примерно в полтора километра...»

В конце 2003 года, выступая перед журналистами в пресс-бюро СВР России на презентации книги Юрия Кузнеця «Теге-ран-43», главный консультант Службы внешней разведки генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко следующим образом высказался о событиях 60-летней давности:

«Хочу ответить тем, кто продолжает бесконечную дискуссию, действительно ли готовилась операция по уничтожению лидеров «Большой тройки» 60 лет назад в столице Ирана. Первое секретное донесение о том, что такое покушение может быть совершено, пришло от советского разведчика Николая Кузнецова после доверительной беседы с ним штаурмбаннфюрера СС фон Ортеля. Этот высокопоставленный немецкий контрразведчик фактически проговорился, что планируется уничтожение трех руководителей стран антигитлеровской коалиции. Именно Ортель был назначен начальником диверсионной школы в Копенгагене и готовил исполнителей для этой акции. Позднее Советский Союз и Великобритания получили другие подтверждения, что подготовка к покушению на Сталина, Черчилля и Рузвельта действительно велась.

Знание советскими и британскими разведчиками реальной обстановки в стране пребывания позволило заблаговременно сорвать планы гитлеровцев, в том числе подготовку к покушению на лидеров трех великих держав. Накануне Тегеранской конференции советской разведке удалось добыть достоверную информацию о десанте передовой группы из шести немецких «коммандос», сброшенных на парашютах в районе города Кум, откуда они направились на связь с руководителями предстоящей операции. Дневник унтершарфюрера СС Рокстрока, который был захвачен во время ареста этого радиста и сохранился в архивах СВР, подтверждает, что диверсанты добирались до Тегерана более двух недель: у них было много снаряжения и оружия. Все диверсанты были арестованы.

Советская разведка сорвала заговор гитлеровцев, как говорится, еще на дальних подступах к встрече глав великих держав. В предотвращении покушения на Сталина, Черчилля и Рузвельта и в сборе информации о немецких диверсантах важную роль сыграла группа молодых разведчиков, в составе которой действовал Г. Вартамян — ныне Герой Советского Союза».

Как же смогли молодые ребята найти в огромном Тегеране группу фашистских радистов-диверсантов?

«По улицам бегали день и ночь, по 14–16 часов, — рассказывала Гоар Леоновна. — Я домой уходила только коща совсем темно становилось.

Холодно ли, жарко или страшно — все равно искали. И нашли».

Сама Гоар отличалась находчивостью и наблюдательностью, смело шла на риск, добиваясь четкого выполнения заданий, которые ей поручались. Благодаря ей были выявлены многие фашистские агенты, а также предатели. Ей было всего 16 лет, когда она сумела предотвратить переход на сторону врага двух советских летчиков, перелетевших на своих самолетах в Иран из Баку. Фашистская агентура постаралась их надежно укрыть, и немцы готовились тайно переправить летчиков в Германию. Однако их убежище было обнаружено и дезертиры арестованы.

... Однажды Гоар обратила внимание на необычное поведение двух незнакомых мужчин, которые периодически стали появляться во дворе ее дома в Тегеране: приносили с собой какие-то свертки, зачем-то лазили на крышу дома, сторонились жильцов, стараясь не сталкиваться с ними во дворе.

Незнакомцы показались девушке подозрительными, и она сообщила о своих наблюдениях старшим товарищам. В резидентуре к информации Гоар отнеслись с должным вниманием. Было принято решение установить место жительства этих мужчин и произвести на их квартире негласный обыск. Изготовили ключи и в отсутствие хозяев проникли в жилое помещение. В нем были обнаружены радиоприемник, радиопередатчик, наушники и другие принадлежности для радиосвязи...

* * *

30 июня 1946 года в Тегеране Гоар и Геворк събрали свадьбу и еще шесть лет работали в Иране.

«Мой выбор зависел только от меня, — рассказывала Гоар Леоновна. — Мне никто не навязывал, не утверждал “кандидатуру мужа”. Замуж я выходила по большой любви.

За годы работы за границей я действительно трижды выходила замуж. Первый раз — в Тегеране, а потом в законный брак пришлось вступать еще дважды. Как-то я рассказала об этом на встрече с молодыми разведчиками, и зал вдруг застыл: ничего себе работенка, три раза менять мужей. Пришлось добавить, что все три раза сочеталась браком с одним и тем же человеком — с Геворком. Только под разными именами и в разных странах. Зал встретил эти слова овацией. А единственное, о чем мы жалели, это то, что из-за сложной работы за рубежом, которая в общей сложности продолжалась сорок лет, мы так и не завели детей».

Группа «легкой кавалерии» продолжала успешно действовать до апреля 1949 года. А в 1951 году молодые супруги попросили Центр предоставить им возможность получить высшее образование. Выбор пал на факультет иностранных языков Ереванского университета.

Затем последовала многолетняя жизнь под прикрытием вымышленных имен и фамилий, работа в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира — этапы разведывательной деятельности, о которой еще не пришло время рассказывать, да и вряд ли оно наступит в ближайшие 30–50 лет. Операции, блестяще проведенные Геворком Вартаняном, могли бы войти в учебные пособия спецслужб многих стран как образец того, каких успехов может достичь разведчик. Его очередная заграникомандировка длилась более 30 лет. И всегда рядом была Гоар — женщина его судьбы, боевая подруга, прошедшая вместе с ним долгий путь в разведке, жена разведчика, разведчик-нелегал, кавалер ордена Красного Знамени и многих других наград.

Работая в нелегальной разведке, супругам Вартанян пришлось выполнять многие сложные и опасные задания Центра.

«Вспоминая те тяжелые годы, — подчеркивала Гоар Левоновна, — испытываешь чувство настоящего счастья от сознания того, что ты была нужна и полезна Родине, а время, трансформируя воспоминания, стирает тяготы минувших лет.

Считаю себя очень счастливой, что проработала всю жизнь рядом с мужем, в разведке. Я счастлива, что мой труд пригодился Родине. Все мы перед Родиной в долгу. Все мы — никто без нее. Надо побывать вдали от нее, чтобы понять, что она для тебя значит».

О присвоении Геворку Андреевичу звания Героя Советского Союза и о награждении Гоар Левоновны орденом Красного Знамени им сообщили в 1984 году. Геворк Вартанян стал первым советским разведчиком-нелегалом, получившим это высокое звание за работу в мирное время. Но супруги находились тогда еще вдалеке от Москвы.

Рассказывает Гоар Левоновна:

«Мы действительно долго работали за границей: сорок лет— не шутка! Помню, муж получил шифровку по радио. Расшифровал и побледнел. Протянул мне текст. А там — сообщение о том, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. И еще — про мой орден. Наверное, это был самый счастливый день в нашей жизни».

Из последней командировки разведчики вернулись осенью 1986 года. Через несколько месяцев Гоар Левоновна вышла на пенсию. А полковник Геворк Вартанян вышел в отставку в 1992 году. Но до конца своих дней он

продолжал активно трудиться в СВР: встречался с молодыми сотрудниками внешней разведки, которым передавал свой богатый оперативный опыт.

10 января 2012 года выдающегося разведчика-нелегала, человека удивительной судьбы Геворка Андреевича Вартаняна не стало. Похоронен он в Москве на Троекуровском кладбище.

* * *

В отличие от своего мужа и резидента полковника Вартаняна Гоар так и не была аттестована. Правда, в 1986 году, когда она оформлялась на пенсию, тогдашний председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков назначил ей пенсию полковника — 250 рублей. По тем временам это были немалые деньги. Сейчас Гоар Левоновна получает обыкновенную пенсию, как и все гражданские лица, отработавшие свое на производстве.

Глава VIII

ПОЛКОВНИК АФРИКА

В течение долгих лет жизни этой замечательной разведчице-нелегалу — Африке де Лас Эрас — не раз приходилось менять имена. Но для большинства своих коллег по разведке она навсегда осталась в памяти под оперативным псевдонимом «Патрия», что в переводе с испанского означает Родина. Этот псевдоним был выбран ею не случайно. Для нее, испанки по происхождению, Советский Союз стал второй родиной.

Более 45 лет эта мужественная, самоотверженная женщина отдала работе в советских органах государственной безопасности. Большую часть из них она находилась за кордоном, на самом ответственном и опасном направлении деятельности внешней разведки — на нелегальном положении.

По жизни «Патрию» постоянно сопровождали тайны. И до сих пор не наступило то время (да и вряд ли оно наступит в ближайшие годы), когда о ее подвигах в разведке можно будет рассказать более подробно, чем в данном очерке. Но даже при всем при этом жизнь этой удивительной женщины с таким необычным для российского читателя именем заслуживает, как нам представляется, глубокого уважения.

В различных справочниках по разведке, изданных в последнее время, анкетные данные Африки (год и место рождения) существенно разнятся. В свое время ее сослуживцы — ветераны разведки поговаривали о том, что еще до приезда в Союз в связи с оперативной необходимостью Африка изменила год своего рождения. И лишь сейчас, благодаря копиям официальных документов, которые передал автору этой книги испанский историк и журналист Херман Санчес, можно открыть одну из многочисленных, но далеко не самую важную из ее тайн.

В свидетельстве о рождении будущей советской разведчицы указывается, что Африка де Лас Эрас Гавилан родилась 26 апреля 1909 года в 9 часов 40 минут в городе Сеуте (Испанское Марокко). Отец: Зоило де Лас Эрас Хименес, военный архивариус, 32 года. Мать: Виртудес Гавилан

де Про, домохозяйка, 25 лет.

В свое время отец Африки, опальный испанский офицер и родной брат известного испанского генерала Мануэля де Лас Эрас, был отправлен в ссылку в Марокко за свои оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму Примо де Ривера и служил в Сеуте военным архивариусом.

Необычное имя — Африка — отец дал дочери в благодарность к Африканскому континенту, приютившему его и его семью. К тому же в Сеуте находился католический собор Святой Африки.

Мать Африки была домохозяйкой. Семья, в которой кроме Африки была еще старшая дочь Виртудес, жила в достатке и счастливо. Сестры очень дружили.

Африка получила среднее образование. До 1923 года она училась в Мадриде в колледже «Святое Сердце Иисуса», затем продолжила образование в монастырской школе в городе Мелилья. Отрочество оборвалось внезапно — скоропостижно скончался отец. В свидетельстве о его смерти говорится: «Зоило де Лас Эрас Хименес, военный, 57 лет, умер в городе Сеуте 29 января 1933 года в 16 часов у себя дома, оставив, помимо жены, двух дочерей: Виртудес и Африку».

Африке пришлось вступать в самостоятельную жизнь. Уже в середине 1933 года она окончательно переезжает в Испанию, работает в Мадриде на текстильной фабрике, вступает в ряды коммунистической партии и вскоре принимает участие в подготовке вооруженного восстания горняков в провинции Астурия.

Как известно, 4 октября 1934 года всеобщая политическая стачка охватила Мадрид, Каталонию, Бискайю, Валенсию, Леон и Астурию. Буквально на другой день забастовочная борьба испанского пролетариата и других антифашистских и демократических сил стала перерастать в вооруженные бои. Однако вскоре вооруженные выступления были подавлены во всех областях Испании, за исключением Астурии, где активно действовал единый фронт различных политических объединений, создавший 20-тысячную армию. В период восстания Африка выполняла самые опасные поручения: распределяла оружие и осуществляла связь между различными отрядами восставших. Против повстанцев были брошены иностранный легион и марокканские части, на стороне которых было значительное превосходство в людских резервах и вооружении. К 20 октября борьба закончилась поражением повстанцев.

После подавления восстания Африка более года находилась на нелегальном положении, в глубоком подполье. Будущий лидер испанских

коммунистов Сантьяго Карильо, который также принимал участие в событиях в Астурии, вспоминал Африку как «красивую смуглянку, прекрасно сложенную и статную».

С началом гражданской войны в Испании в 1936 году Африка ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев, была делегатом испанской компартии в правительстве Народного фронта.

В 1937 году Африка де Лас Эрас начала сотрудничать с советской внешней разведкой, войдя в состав её мадридской резидентуры. Ее резидентом являлся Александр Орлов, руководивший сотрудниками советской внешней разведки в Испании. Африка выполняла специальные задания резидентуры в различных странах. Именно тогда в оперативной переписке ее стали называть «Патрия». До сих пор операции, в которых она принимала участие, носят гриф секретности. Можно лишь констатировать, что информация, которую Африка передавала в Москву, являлась исключительно важной.

В конце 1938 года Александр Орлов из-за боязни быть ликвидированным в ходе обрушившихся на органы внешней разведки репрессий стал невозвращенцем. Опасаясь разоблачения Африки, которую Орлов хорошо знал, Центр принял решение отозвать ее в Москву. Через некоторое время Африка была нелегально выведена в Советский Союз. Она получила советское гражданство и стала работать в текстильной промышленности.

С первых же дней Великой Отечественной войны Африка начала добиваться, чтобы ее отравили на фронт. Сначала она попала в специальное медицинское подразделение Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. Затем училась на ускоренных курсах радистов, которые окончила в мае 1942 года, и была направлена в формирующийся разведывательно-диверсионный отряд «Победители» под командованием будущего Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева, которому предстояло действовать на оккупированной немцами советской территории.

Что же произошло дальше? Приведем некоторые отрывки из воспоминаний самой Африки де Лас Эрас, которые находятся в Зале истории внешней разведки:

«Через несколько дней после окончания курсов меня вызвал командир и сказал:

— Хочешь сражаться на фронте? Зайди в соседнюю комнату, там тебя ждут.

Когда я открыла дверь, там меня уже ждали товарищ Медведев и еще

два неизвестных мне человека. Меня спросили:

— Умеешь стрелять?

— Да, у меня есть значок „Ворошиловский стрелок“.

— Умеешь плавать?

— Да, я плавала лучше всех в своей деревне.

— Прыгала с парашютом?

— Нет, но я готова сделать это в любое время.

— Хорошо. Завтра тебя представят комиссару отряда товарищу Стехову, и ты перейдешь к нам.

С большим трудом я смогла сдержать желание прыгать от радости и кричать во весь голос: „Ура! Я еду на фронт! Я самый счастливый человек в мире!“

На следующий день ранним утром я пришла в отряд. Меня представили товарищу Стехову. А вскоре, уже с вещами и санитарной сумкой через плечо, я входила в казарму. Там я встретила товарищей, вместе с которыми сражалась потом в тылу врага более двух лет.

Началась подготовка. Марш-броски с полной выкладкой, многокилометровые кроссы, стрельба, спецподготовка. Отдыхать было некогда, да об отдыхе никто и не думал.

Через некоторое время я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатами передатчик, кварцы, шифры... Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож. С этого момента все это снаряжение я постоянно носила с собой.

В ночь на 16 июня 1942 года наша группа была выброшена на парашютах близ станции Толстый Лес в Западной Украине.

Наша борьба в тылу врага — это время, полное печальных и радостных событий, время неустанного труда. В отряде было девять радистов. Мы принимали телеграммы от тридцати боевых групп. Шифровка, передача, прием, расшифровка... У нас почти не оставалось времени для сна. В нашем отряде была железная дисциплина, а между собой мы были спаяны дружбой, как настоящие братья и сестры...

Для связи с Москвой из лагеря выходили сразу три радиста. Шли в разных направлениях километров 15–20 в сопровождении бойцов. Работу начинали все одновременно на разных волнах. Одна из нас вела настоящую передачу, а две другие — для дезориентирования противника, так как нас постоянно преследовали немецкие пеленгаторы. Затем мы возвращались в лагерь и, если не было переходов, снова принимались за работу. Задачей нашей группы было поддержание постоянной связи с Центром, поэтому

рация была нашим основным оружием. В отряде Медведева ни разу не прерывалась связь с Москвой. В течение полутора месяцев мы поддерживали также связь с отрядом Ковпака во время его перехода в Карпаты».

Следует отметить, что в отряде «Победителю» сражался будущий Герой Советского Союза прославленный разведчик-нелегал Николай Кузнецов. Африка была хорошо с ним знакома и нередко передавала в Центр его исключительно важную информацию.

А командир отряда «Победители» Дмитрий Медведев так рассказывал о работе своих радистов в тылу врага:

«Радистов и радиоаппаратуру мы охраняли как зеницу ока. Во время переходов каждому радисту для личной охраны придавались по два автоматчика, которые помогали также нести аппаратуру.

Ежедневно, в точно установленный час, мы связывались с Москвой. Если отряд находился на марше и останавливать его было нельзя, мы оставляли радиста и с ним человек двадцать охраны в том месте, где заставал радиочас».

Не раз приходилось Африке участвовать в боевых операциях отряда «Победителю», проявлять смелость и отвагу при выполнении заданий командования. За ней прочно закрепилась репутация одной из лучших специалистов.

В справке, которую ей выдали по возвращении в Москву и которую подписал комиссар специального партизанского отряда С.Т. Стехов, в частности, говорилось:

«Дана настоящая справка партизанке де Лас Эрас Африке в том, что она с июня 1942 года по апрель 1944 года находилась в специальном партизанском отряде.

Вначале она была радистом и за отличную работу была назначена помкомвзвода. Находясь на этой должности, де Лас Эрас показала себя как умелый командир и хороший радист. Ее радиоаппаратура всегда находилась в образцовом состоянии, этого же она требовала и от подчиненных».

За выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении в годы войны Африка была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, а также медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Летом 1944 года Африка вновь оказалась в Москве. Ей делается предложение о переходе на работу в нелегальное подразделение внешней разведки, и она дает на это свое согласие. С этого времени Африке пришлось оборвать все прежние связи с испанскими товарищами по

борьбе. Больше она их не увидит никогда, ничего не будет знать о судьбе сестры, других родственников и знакомых. В свою очередь и для них она также навсегда уйдет в небытие. Таковы были жесткие правила игры, в которую она вступила.

Помимо родного испанского Африка в совершенстве владела французским и русским языками. Началась специальная подготовка, приобретение необходимых навыков для ведения разведки с нелегальных позиций. И вновь, теперь уже в мирное время, Африка — «Патрия» на активной боевой работе. Война, закончившаяся, кажется, еще вчера, для нее продолжилась. Изменились лишь методы борьбы: теперь ей предстояло действовать не просто в тылу противника, но и в постоянном соприкосновении с ним, с ежедневным риском быть им разоблаченной.

*Разведчица отряда «Победители»
Лидия Лисовская*

*Разведчица отряда «Победители»
Мария Микота*

Легенда советской разведки Н.И. Кузнецов

Разведчик-неlegal Ф.К. Парпаров

*Ценный источник берлинской
неlegalной резидентуры «Марта»*

Зоя Космодемьянская перед казнью

*Надежда Плевицкая
в сценическом костюме*

*Генерал Н.В. Скоблин,
муж Н.В. Плевицкой*

Китти Харрис («Джипси»).
Середина 1930-х гг.

*Член «Кембриджской пятерки»
Дональд Маклейн.
Середина 1930-х гг.*

*Разведчики-незаконники Елизавета и Василий
Зарубины. Середина 1930-х гг.*

*Заместитель резидента
в Финляндии
Зоя Воскресенская-Рыбкина.
Хельсинки, 1936 г.*

*Борис Аркадьевич Рыбкин.
Хельсинки, 1937 г.*

Полковник З.И. Рыбкина. Москва, 1952 г.

Писательница Зоя Воскресенская. Москва, 1968 г.

*Елена Дмитриевна
Моджинская («Марья»)*

*Петр Ильич
Гудимович («Иван»)*

Разведчики-нелегалы Леонтина и Моррис Козны

Наградная грамота Леонтины Козн

*Разведчики-нелегалы Гоар
и Геворг Вартаняны.
Тегеран, конец 1940-х гг.*

Супруги Вартаняны. Москва, 2008 г.

Африка де Лас Эрас. Москва, 1944 г.

Джованни Антонио Бертони

*Анна Камаева.
Москва, март 1941 г.*

*Разведчики-нелегалы Михаил
и Анна Филоненко*

*Разведчица-нелегал
Галина Федорова*

«Жанна» на месте тайника

*Галина Ивановна и Михаил Владимирович
Федоровы. Начало 1990-х гг.*

*Сотрудница
римской резидентуры
Елена Чебурашкина*

Марина Кирина. 1943 г.

Зинаида Батраева («Татьяна»).
Париж, 1952 г.

Борис Батраев («Тим»).
Париж, 1952 г.

Супруги Энвер («Халеф») и Хатыча («Бир») Садык

Лариса Майорова («Веста»)

*Лариса и Вадим Майоровы с детьми
после бегства от ЦРУ. Январь 1972 г.*

*Разведчица-нелегал
Ирина Алимова*

*Сотрудница нью-йоркской
резидентуры Елена Косова
(«Анна»)*

Знаменитый советский разведчик Джордж Блейк как-то подчеркнул, что сотрудник разведки — это человек, который ставит интересы своей страны выше личных. Эти слова в полной мере можно отнести к «Патрии». Интересы новой родины стали основой ее деятельности в советской

разведке.

Двадцать два года продолжалась спецкомандировка «Патрии», во время которой она выполняла важные и ответственные задания. И ни разу за этот период она не усомнилась в необходимости и важности своей работы.

В январе первого послевоенного года «Патрия» на автомашине была переброшена из Берлина в Париж, где вскоре сумела надежно обосноваться, выдавая себя за беженку, которая якобы в конце 1945 года перешла испано-французскую границу.

В 1947 году Центр принял решение направить «Патрию» для разведывательной работы в Западное полушарие — в одну из стран Латинской Америки. А уже в декабре 1948 года она завершила свои дела во Франции и выехала в страну назначения, в которой ей суждено было осесть на долгие 20 лет. Все это время разведчица успешно выполняла ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. Ей удалось первой в данном регионе установить и поддерживать постоянную двустороннюю радиосвязь с Центром.

За достигнутые результаты в работе, проявленные при этом инициативу и настойчивость «Патрия» была награждена вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

В мае 1956 года «Патрия», находившаяся уже более восьми лет на боевой работе в Латинской Америке, получила из Центра радиограмму, в которой сообщалось, что к ней в качестве резидента направляют «итальянского товарища». Разведчица выехала в столицу соседнего государства. В течение нескольких дней «Патрия» прогуливалась по центральному проспекту города, разглядывая витрины магазинов и держа в левой руке книгу в желтой обложке. На правом плече у нее висела маленькая белая сумочка, из которой выглядывал платок. Это были опознавательные признаки, по которым ее должен был узнать прибывающий руководитель. В начале июня произошла встреча разведчиков-не-легалов. Вскоре, согласно выработанной в Москве оперативной легенде-биографии, они должны были стать мужем и женой.

Наша справка:

Джованни Антонио Бертони (оперативный псевдоним — «Марко») родился 27 апреля 1906 года в небольшом городке Фаэнца, что в провинции Эмилия на севере Италии, в рабочей семье. После окончания начальной школы и технического училища поступил на работу в мастерскую фирмы

«Фиат». В 1922 году вступил в итальянский комсомол, на следующий год — в Коммунистическую партию Италии. Являлся секретарем молодежной организации провинции Равенна, боевиком антифашистского движения. Трижды арестовывался. В 1925 году был вынужден перейти на нелегальное положение, а затем покинуть Италию и выехать в СССР.

В конце 1927 года итальянский фашистский суд заочно приговорил Бертони к 25 годам тюремного заключения за вооруженное сопротивление при попытке его ареста.

С июня 1925 года по июнь 1927 года Бертони работал слесарем в Одессе. Затем поступил в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, который окончил в августе 1931 года. Член ВКП (б) с 1931 года. Работал переводчиком «Ди-рижабльстроя», инструктором ЦК МОПР СССР.

С мая 1936 года Бертони являлся сотрудником аппарата Исполкома Коминтерна, а затем был принят на работу в советскую внешнюю разведку. В начале Великой Отечественной войны выполнял задания в тылу у немцев.

В 1943 году руководством внешней разведки было принято решение о направлении Бертони на нелегальную работу за границу. В характеристике за тот период, подписанной начальником Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР генералом Фитиным, говорилось:

«Является политически грамотным, волевым и решительным человеком. Имеет богатый жизненный опыт. Знаком с нелегальной закордонной работой. Инициативен и находчив».

В июне 1944 года «Марко» был сброшен на парашюте в Югославию, а затем перебрался в Северную Италию. Перед ним было поставлено задание создать там нелегальную разведывательную сеть. Все складывалось удачно: «Марко» устроился на работу в Риме в исключительно важное с разведывательной точки зрения государственное учреждение и приступил к выполнению стоявших перед ним задач. Однако в начале 1949 года он попал под подозрение местной контрразведки и был вынужден вновь покинуть родину и возвратиться в СССР. В Москве в 1951 году он получил советское гражданство. Позже «Марко» прошел дополнительную подготовку для нелегальной разведывательной работы в одной из латиноамериканских стран, где вскоре стал заместителем резидента.

В 1956 году «Марко» возглавил нелегальную резидентуру, в которой трудилась «Патрия». В страну он был направлен специально для того, чтобы руководить работой женщины, с которой, по замыслу руководства разведки, он должен был сочетаться узами брака. И это несмотря на то, что

раньше «Патрия» и «Марко» друг друга не знали.

Подобная ситуация, безусловно, не относится к регулярно повторяющимся в деятельности разведчиков-нелегалов, но и не является чем-то неординарным для ее сотрудников. Сама «Патрия» ничего из ряда вон выходящего в этом решении Центра не видела, поскольку интересы дела всегда стояли у нее на первом месте. Не задумываясь, она согласилась с поступившим от руководства предложением и заключила брак с незнакомым ранее человеком.

За годы совместной работы разведчиков-нелегалов эффективность разведывательной деятельности резидентуры существенно повысилась. Уже в середине 1958 года, оценивая работу резидентуры, Центр писал:

«Мы считаем, что Вы с «Патрией» за эти два года проделали серьезную работу: осели и закрепились в стране; наладили двустороннюю радиосвязь; организовали надежное прикрытие; выполнили ряд важных заданий Центра (поездки в другие страны, получение информации по конкретным вопросам); приобрели полезные для нашей работы связи».

Хотя «Патрия» и «Марко» создали семейную пару по воле Москвы, чтобы способствовать выполнению поставленных перед ними важных разведывательных задач, их брачный союз оказался счастливым. Они прожили вместе в полном согласии дружной семьей восемь лет. Вспоминая о своем муже, «Патрия» неизменно отзывалась о нем как о хорошем друге и настоящем человеке.

1 сентября 1964 года «Марко» скоропостижно скончался. Так при исполнении служебных обязанностей закончил свой жизненный и боевой путь советский разведчик полковник Джованни Бертони.

«Патрия» глубоко переживала смерть «Марко», бывшего ей другом, руководителем, боевым товарищем. В письме в Центр она писала:

«В связи с неожиданной смертью «Марко» и моей чрезмерной нагрузкой в последний месяц его жизни я очень устала и испытываю упадок сил. Врач находит у меня сильный невроз сердца, а все остальное без каких-либо изменений, и не рекомендует мне интенсивно работать. Оформление наследства (антикварный магазин «Марко» и его автомашина) не должны вызывать каких-либо осложнений, поскольку я единственная наследница по закону. Прошу сообщить мне данные на человека, которому можно было бы передать дом как наследнику или администратору. Убедительно прошу организовать мне встречу с представителем Центра для обсуждения и решения всех возникающих теперь вопросов».

И все же потеря не сломила разведчицу. Похоронив мужа на чужбине,

«Патрия» продолжала активно работать еще три года. Уже в ноябре 1964 года она сообщила в Центр:

«В стране сейчас крайне напряженное положение и неизбежен военный переворот. У меня имеются возможности развивать прежние интересные связи. Считаю, что могу и далее продолжать разведывательную работу. Настроение у меня боевое».

Осенью 1967 года Африка де Лас Эрас покинула страну, где проработала почти 20 лет, и вновь вступила на московскую землю. Однако с возвращением в Москву работа в нелегальной разведке для нее не закончилась. Еще трижды ей пришлось выезжать в заграничные командировки для выполнения важных заданий, которые Центр не мог поручить никому другому.

С 1971 года Африка активно участвовала в воспитании молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свой поистине бесценный опыт. Вышла в отставку только в 1985 году. Было ей... 76 лет. Однако связи с разведкой не теряла до последнего дня. Ей разрешили встречаться с ветеранами разведывательно-диверсионного отряда «Победители». Эти встречи были очень важны для нее, одинокой женщины, отдавшей всю себя без остатка делу служения безопасности своей второй родины.

В марте 1976 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги Африка де Лас Эрас была награждена орденом Ленина, а в мае 1985 года в связи с 40-летием Победы ей был вручен второй орден Отечественной войны.

Незадолго до смерти Африка писала:

«Моя Родина — Советский Союз. Это укоренилось в моем сознании, в моем сердце. Вся моя жизнь связана с Советским Союзом. Я верю в революционные принципы, в избранный мною путь. Ни годы, ни трудности борьбы не поколебали моей веры. Напротив, трудности всегда были стимулом, источником энергии в дальнейшей борьбе. Они дают мне право жить с высоко поднятой головой и спокойной душой, и никто и ничто не сможет отнять у меня этой веры, даже смерть».

Африка де Лас Эрас постоянно видела перед собой уважительные лица мужчин-сослуживцев. И секрет такого уважения был прост: вся ее жизнь с памятного для нее 1937-го была посвящена службе в советских органах государственной безопасности и разведке. Свыше 45 лет в строю! Бесспорно, сделать в разведке — а особенно в нелегальной — даже малую часть того, что сделала Африка, можно лишь служа великой идее.

В публикациях о разведке редко цитируют Сергея Есенина: вроде бы «непрофильный» поэт. А ведь его перу принадлежат строки, столь

органично отвечающие моменту:

Я тем завидую, кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.

Скончалась Африка де Лас Эрас 8 марта 1988 года. В этот день руководители разведки должны были вручить ей нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». Похоронена на Хованском кладбище в Москве.

Глава IX

ФРОНТ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Основатель и в течение многих лет бессменный руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» сокрушался по поводу того, что американское секретное ведомство не имеет таких разведчиков, как Рудольф Абель (Вильям Генрихович Фишер): «Все, что Абель делал, он совершал по убеждению, а не за деньги. Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четыре человека, таких как Абель, в Москве». А американский писатель, автор книги «Тайная война» Санш де Грамон добавлял: «Абель — редкий тип личности... Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, что такой удивительный человек вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов».

Советская разведка, к счастью, располагала целой плеядой разведчиков класса Абеля — скромных, незаметных людей, которые в тяжелейших условиях глубокого подполья трудились в Западном полушарии.

Среди сотрудников внешней разведки выражение «нелегалами не рождаются, ими становятся», воспринимается как истина, не требующая доказательства. Просто в какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара.

Жизнь разведчика-нелегала — это особая судьба. Одно дело, когда ты «легально» работаешь при посольстве, культурном или торговом представительстве, когда у тебя в кармане лежит паспорт Родины и ты защищен дипломатической неприкосновенностью. И совсем другое — коща ты должен скрываться под чужой личиной, перевоплощаться в человека иного языка и культуры, и можешь рассчитывать лишь на свои силы. Советские разведчики-нелегалы времен «холодной войны» навсегда

войдут в историю как истинные герои. И достойное место среди них занимают супруги Филоненко, чья судьба пересеклась с судьбой легендарного Абея.

Мало кто знает и о том, что знаменитый и любимый всеми нами многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» родился во многом с их помощью: Анна Филоненко стала прообразом радистки Кэт, а игравший Штирлица Тихонов многое позаимствовал у Михаила Филоненко.

Анну Камаеву, которая потом примет фамилию мужа — Филоненко, можно считать типичной представительницей первого поколения сталинской молодежи. Девушка, родившаяся в суровом 1918 году в подмосковной деревушке Татицево в многодетной крестьянской семье, как миллионы ее сверстниц, окончила школу-семилетку. Детство, сопровождавшееся, помимо учебы, желанной порой летнего отдыха в родительском доме, пионерскими кострами, участием в сенокосах, работой на огороде, вечерними посиделками с подругами, завершилось с окончанием школы. Затем последовала учеба в фабрично-заводском училище, где Аня постигала тайны ткацкого мастерства.

В 1935 году 16-летняя девушка поступает на работу ткачихой на московскую ткацкую фабрику «Красная роза», выпускавшую шелковые ткани. По стране гремят имена знаменитых ткачих Марии и Евдокии Виноградовых, призвавших своих подруг активно включаться в стахановское движение. Вскоре и Аня Камаева становится передовиком производства, стахановкой, обслуживает сразу дюжину станков.

Перед ней открывалась дорога в жизнь, о которой рассказывалось в популярном кинофильме того времени под названием «Светлый путь»: коллектив ткацкой фабрики «Красная роза» выдвинул Анну Камаеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, ее прочили на руководящую работу. Однако судьба распорядилась по-иному. Избирком отвел ее кандидатуру, поскольку Аннушке не исполнилось еще 18 лет. И она продолжила трудиться ткачихой на своей же фабрике.

Крутой перелом в жизни Анны произошел в конце 1938 года, когда по комсомольской путевке 20-летняя девушка была направлена на работу в Иностраный отдел (внешнюю разведку) НКВД СССР.

То было трудное время: за период массовых репрессий 1930-х годов сильно пострадала и советская внешняя разведка. К 1938 году примерно половина ее личного состава была репрессирована: десятки сотрудников центрального и периферийного аппаратов ИНО были арестованы и расстреляны. В результате внешняя разведка органов госбезопасности была

крайне ослаблена, в некоторых ее резидентурах оставалось всего один-два оперработника, другие резидентуры вообще закрылись. Репрессиями была перечеркнута большая организационная работа по созданию за границей нелегального аппарата.

В 1938 году Политбюро ЦК ВКП (б) рассмотрело вопрос об улучшении работы Иностранного отдела НКВД. Чтобы в кратчайшие сроки восстановить мощь внешней разведки, было принято решение об укреплении и расширении ее штатов. Учитывая острую нехватку сотрудников в разведке, было решено создать Школу особого назначения (ШОН) НКВД для централизованной подготовки разведывательных кадров.

Так в октябре 1938 года Анна Камаева стала слушателем ШОН. График подготовки был плотным и напряженным: она постигала радиодело, тренировалась в стрельбе из всех видов легкого оружия вплоть до пулемета, усиленно изучала иностранные языки — финский, испанский, польский.

После окончания ШОН в 1939 году молодая выпускница была зачислена в центральный аппарат внешней разведки органов госбезопасности. Она вела оперативные дела разведчиков-нелегалов, действовавших в Европе. Однако проработала на этом участке не так уж долго — пока не грянула гроза 1941 года...

С первых дней Великой Отечественной войны Анну Камаеву включили в состав Группы особых заданий — сверхсекретной структуры, подчинявшейся непосредственно наркому внутренних дел Берии и фактически являвшейся параллельной разведывательному управлению госбезопасности разведкой.

Особой группой НКВД в разное время руководили Яков Серебрянский, Сергей Шпигельглас и Наум Эйтингон. Для выполнения заданий руководства страны и органов госбезопасности ею было создано за рубежом 12 нелегальных резидентур. В 1940 году эта «разведка в разведке» под руководством Эйтингона осуществила, в частности, операцию «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Следует отметить, что у всех руководителей Особой группы судьба оказалась трагической.

Так, в 1938 году был арестован и приговорен к расстрелу Серебрянский. Только с началом Великой Отечественной войны он по ходатайству начальника 4-го Управления НКВД Павла Судоплатова был освобожден из камеры смертников и восстановлен в прежней должности. В августе 1953 года, после расстрела Берии, Серебрянский был вновь арестован и скончался от сердечного приступа на допросе в прокуратуре.

В ноябре того же 1938 года был арестован первый руководитель группы Шпигельглас. Он был расстрелян в январе 1941 года.

Эйтингон, руководивший операцией «Утка», а в период Великой Отечественной войны являвшийся заместителем генерала Судоплатова, был арестован в 1951 году как участник «сионистского заговора в МГБ». Затем его выпустили на свободу, а в 1953 году вновь арестовали, на этот раз — по делу Берии. Из тюрьмы он вышел только в 1964 году и стал работать старшим редактором одного из московских издательств...

Однако вернемся к началу Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года обстановка на фронте стала приобретать критический характер. В ноябре танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В столице было введено осадное положение. Захватчики уже готовились вступить в город. Для поднятия духа в германских войсках были отпечатаны и повсюду раздавались приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам Гитлер.

Но советский народ сдаваться не собирался. Это французы объявили Париж открытым городом сразу же при приближении немецких танково-механизированных колонн. Руководство же нашей страны распорядилось готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия города гитлеровскими войсками. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре. Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители Третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сровнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам Группы особых заданий предстояло вести тайную войну уже на своей земле. Анна Камаева оказалась в самом центре этих оперативных приготовлений. Практической боевой подготовкой чекистов руководил Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав для этого несколько вагонов взрывчатки. Мины были заложены в Кремле и под Большим театром. Одного нажатия кнопки

минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в груды щебня.

Анне Камаевой по личному указанию Лаврентия Берии отводилась ключевая роль — осуществить покушение на... самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не имелось. Давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато был уверен: Камаева приказ выполнит.

К счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под натиском вермахта. Войскам Западного фронта под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сот километров от столицы.

В битве за Москву Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. Ее забросили в тыл немецких войск в своем родном Подмосковье для проведения диверсионных операций — уже по линии 4-го управления НКВД, которое возглавлял знаменитый

Павел Судоплатов. Для активизации партизанской борьбы за линией фронта руководство НКВД создало тоща в рамках 4-го управления Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), на базе которой формировались разведывательно-диверсионные группы. Анна являлась радистом одной из таких групп, действовавшей в тылу врага.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, «Камаева принимала непосредственное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

В январе 1942 года Анна Камаева была приглашена в штаб командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова для получения награды. В приемной она встретила со своим будущим мужем Михаилом Филоненко. Здесь он находился, чтобы получить из рук полководца орден за руководство разведывательно-диверсионным отрядом, совершившим беспрецедентный по своей дерзости рейд по тылам врага в Подмосковье. Думаем, что читателям будет интересно узнать некоторые подробности этого рейда.

Беспримерный рейд

Начальный период Великой Отечественной войны был особенно трудным для советского народа. Гитлеровская Германия, покорившая всю

Европу, использовала ее военный потенциал для того, чтобы уничтожить советское государство. Красная армия отступала, нанося урон врагу в кровопролитных сражениях.

27 июня 1941 года Политбюро ВКП (б) и С НК СССР принимают решение о создании специальной группы войск — отрядов особого назначения — при Народном комиссариате государственной безопасности, предназначенных для выполнения особых заданий Верховного командования на фронте и в тылу врага.

А родилась идея создания таких отрядов так.

Знаменитый чекист Дмитрий Медведев в первый день Великой Отечественной войны написал докладную записку на имя наркома НКГБ, а затем личное письмо Сталину, в которых изложил концепцию партизанской войны в тылу врага и роли спецотрядов НКГБ в налаживании сбора разведывательной информации о противнике и нанесении по нему диверсионных ударов.

Идея чекиста Сталину понравилась, и он дал указание Берии проработать ее. Для руководства разведывательно-диверсионными группами НКГБ в тылу врага 5 июля 1941 года была образована Особая группа при нарюме НКГБ во главе с заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым. В руководство Особой группы вошли в основном кадровые сотрудники внешней разведки.

3 октября того же года Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, а в январе 1942 года — в 4-е управление НКВД, которыми также руководил генерал Судоплатов. Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные Особой группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) в составе двух полков. Командиром 1-го полка, а с августа 1942 года — командиром бригады был кадровый сотрудник внешней разведки полковник Гриднев.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. Помимо чекистов в бригаду влились свыше 800 спортсменов, среда которых было немало заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Среди них — знаменитые легкоатлеты братья Знаменские, чемпион СССР по боксу Николай Королев, группа футболистов минского «Динамо» и многие другие известные спортсмены. Общая численность бригады составляла в тот период 10 500 человек. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ней по численности и по обученности.

На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах вновь созданные оперативные группы особого назначения изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиоделом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Верховное командование поставило перед бригадой следующие задачи:

- оказание помощи Красной армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий;
- содействие развитию партизанского движения;
- дезорганизация тыла противника;
- осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях;
- проведение контрразведывательных операций.

Уже в конце 1941 года в тыл врага ушли опергруппы Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко и М. Филоненко. Последнему предстояло со своими бойцами совершить рейд по Подмосковию в самый сложный период обороны Москвы. Круг интересов разведывательно-диверсионного отряда «Москва», которым командовал Филоненко, был очерчен на штабных картах населенными пунктами: Апрелевка, Рогачево, Ахматово, Дорохово, Петрищево, Бородино, Верея, Крюково. В ходе рейда, который продолжался сорок четыре дня, командир отряда вел оперативный дневник, фиксируя в нем ежедневную боевую работу своих подчиненных. К счастью, этот дневник сохранился в архивах внешней разведки. Думается, что читателям газеты будет интересно узнать некоторые подробности этого беспримерного рейда.

Из военного дневника старшего лейтенанта госбезопасности Михаила Ивановича Филоненко, командира разведывательно-диверсионного отряда «Москва», рейд которого по Подмосковию продолжался 44 дня:

«День первый — 3 декабря 1941 года. Среда. Температура минус 25–30 градусов. Метель, ветер северный.

Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Больше половины из них фашистов еще в глаза не видели. Напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказаться. Никто не вышел из строя.

— Если кто стесняется товарищей, — сказал я, — то после индивидуальных бесед будет полное построение. Неуверенные в себе в

строй могут не становиться.

Через час построились все пятьдесят. Я еще пробовал отговаривать восемнадцатилетнюю медсестру Тамару Малыгину, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, здесь все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское ведь дело в снежной лесной чащобе устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

— Я выносливая. За меня вам краснеть не придется.

Подали три автомашины, и мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, оттуда в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки танковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад, наши следы замело пургой.

День второй — 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель.

Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

— Идет немецкий обоз в десять подвод. Фрицы закутаны с ног до головы. По-моему, сопротивления особого не окажут.

Я принял решение: дать внезапный скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказал взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать из них полегли на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на трофейных подводах углубился в лес.

Убито 14 фашистов, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, 16 карманных часов, 10 000 рублей, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много продовольствия. наших потерь нет. Раненых и обмороженных тоже нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложились по пять — десять человек, прижимались друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Минут через тридцать в таком снежном «шалаше» становилось тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовые менялись через час, на каждом посту — двое. Подходы

к месту ночлега заминировали.

День третий — 5 декабря. Минус 22, ночью — 28–30 градусов мороза. Пасмурно, метель, ветер умеренный.

С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с днем советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд вышел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, перерезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: «Возмездие фашистов всюду настигнет, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!» Собрали документы, оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов — 68. Из них 10 офицеров. Захватили 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

День четвертый — 6 декабря. Минус 23 днем, ночью — минус 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад.

Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись десятки красnozвездных самолетов и стали бомбить врага.

Началось, видимо, наше контрнаступление. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубахах, некоторые падают в снег и замерзают и уже никто не узнает, как поется в песне, «где могилка моя...».

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге под охраной бронепоездов шли эшелоны — подвозили свежие силы, чтобы закрепить образующуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа мост под вражеским эшелоном с солдатами и техникой взорвался. Вместе с мостом погибло около сотни фашистов, в реку

слетели 10 танков и 21 орудие, три цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы к нему пиротехники Феда Кувшинова. Храбрые ребята!

Почти всю ночь уходили на лыжах вглубь леса. И только, утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый — 7 декабря. Минус 18, ночью — минус 22 градуса. Тихо, слабый снегопад.

На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать город Верею, по возможности парализовать движение войск через реку Протва — взорвать мост и дать знать местному населению, что советская власть — штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

День шестой — 8 декабря. Минус 15–18 градусов, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный.

Три разведчика обморозили себе кончики носов. Это первое обморожение. На привале под присмотром Тамары Малыгиной оттирала «троица» щеки и носы снегом. Тамара смазала их мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обморожения.

У Вереи полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в город, другие из него. Вызываю старшину Сафонова, даю задание группе захвата: достать «языка», желательно офицера. Прошло не более двух часов, как Федя привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом — оберст, то есть полковник.

Пленные сказали, что в Верее находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику: вместе разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдержать наступление русских.

— Ваша проклятая зима нарушила все планы! Но придет весна, и мы свободно займем Москву, дойдем до Урала, — с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу. Надо срочно заметать следы: этих «видных» фашистов немедленно начнут искать.

Более трех часов были в пути. Идти по лесу очень тяжело: снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления — они полужесткие. Приходится использовать бинты, ремни, тесемки. Расположились на ночлег. Заминировали подходы, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям бить фашистов в хвост и в гриву. Бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и наказали своим детям...

День седьмой — 9 декабря. Минус 24, ночью — минус 27, метель, ветер северный.

Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афанасьево. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь пьянствуют, гуляют, насилюют женщин, убивают мужчин, вешают захваченных партизан.

— Сколько немцев в селе? — спросил Сафонов.

— Да примерно взвода три. Ждут танки и подкрепление, — ответил крестьянин Михаил Савельев. — А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На ночь они ставни закрывают — боятся партизан — и еще двух часовых у дома ставят. Очень трусят! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в сенях разоружили и скрутили их. Оказалось: унтер-офицер и ефрейтор. Через час «языки» были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить не стали. Отряд был разбит на пять групп: три по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую — комиссар отряда Ермолаев, третью — старшина Кувшинов. Группой прикрытия командует сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустикова. Разведчики, само собой, идут впереди всех и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль — «Москва», отзыв — «Штык». Числовой пропуск — 17. Всем быть в маскхалатах — это основное различие «свой — чужой».

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым делом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых. Взрыв был сигналом к атаке.

В селе поднялось нечто невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, топорами и добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд. Но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать партизанский отряд.

Убито фашистов — 52, из них 5 офицеров. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных — двое.

День восьмой — 10 декабря. Минус 27–30, ночью до минус 45 градусов, ветер слабый, лес заиндевелый.

Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставили охрану, решили отдохнуть и согреться в пустой сторожке. После обеда и отдыха совершили переход в Борисово. Шли медленно. Впереди и по бокам — охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисове зверствуют гитлеровцы и полицаи.

День девятый — 11 декабря. Минус 26–29 градусов, снегопад, тихо.

Весь день двигались в направлении Дорохово — Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших.

День десятый — 12 декабря. Минус 28 градусов.

На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый — 13 декабря. Минус 23–25 градусов, малый снегопад.

Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты — и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие. В машине, где был фашистский полковник, кроме документов, взяли портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

День двенадцатый — 14 декабря. Минус 18–20 градусов, сильный снегопад.

Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлова.

День тринадцатый — 15 декабря. Минус 17 градусов, метель, ветер.

Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены. Вышли в Афанасьево. Разрушили линию связи противника — более трех километров. Сделали засаду, стали ждать немецких связистов. Те прибыли с охраной: шесть автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый — 16 декабря. Минус 15 градусов, ветер сильный.

В километре от Верей три полицая и четвертый в стороне от них преследовали неизвестного человека без верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Трех полицаяев и четвертого, который

оказался старостой, схватили. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую одежду и отправили в лес. Он очень просился к нам в отряд, но неизвестных людей брать категорически запрещено.

День пятнадцатый — 17 декабря. Минус 25–30, снегопад, ветер умеренный, метель.

Вышли в Симбухово. Изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый — 18 декабря. Минус 24–27 градусов, ветер слабый, метель.

Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище.

Всю ночь шли в Таширово.

День семнадцатый — 19 декабря. Минус 26–29 градусов, ветер северо-восточный, метель.

Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод. Его сопровождали три танка и три бронетранспортера. В бой не вступили — не было возможности.

День восемнадцатый — 20 декабря. Минус 30–33 градуса, ветер умеренный, метель.

Мерзли сильно. В районе Дорохово — Шаликино пытались совершить железнодорожную диверсию. Не получилось: убили трех гитлеровцев, но подоспело подкрепление. Ушли в лес, заминировали за собой дорогу, ждали преследования. Фашисты очень скоро пытались догнать нас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл «языка», офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что наши войска освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки «Тани». Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой.

День девятнадцатый — 21 декабря. Минус 27–30 градусов, снегопад, метель.

Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения товарища Сталина. Миша Задков говорит:

— Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогрева и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый — 22 декабря. Минус 25–27 градусов.

При переходе Колодкино — Петрицево в лесу встретили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, двух взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый — 23 декабря. Минус 18–21 градус, метель, ветер.

Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали.

День двадцать второй — 24 декабря. Минус 20–23, ночью — до 25 градусов мороза.

При переходе к Верее встретили колонну автомашин с бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли, сгорели и фашисты. Потерь нет. Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сосулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Боцан, Бахметьев Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!

День двадцать третий — 25 декабря. Минус 21–24 градуса, ветер слабый.

Вели рекогносцировку местности в районе Афанасьево. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый—26 декабря. Минус 20–23 градуса, снегопад, ветер слабый, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать пятый — 27 декабря. Минус 21–24 градуса.

Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

День двадцать шестой — 28 декабря. Минус 22–24 градуса, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать седьмой — 29 декабря. Минус 21–23 градуса, ветер сильный.

Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов — оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой — 30 декабря. Минус 20–24 градуса, слабый снегопад, ветер слабый.

Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев

перестреляли.

День двадцать девятый — 31 декабря. Минус 15–17 градусов, сильный снегопад, тихо.

Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь «наш» 1941-й год. Что мы, как добровольцы, коммунисты и комсомольцы, смогли сделать, как приблизили день Победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли вклад в разгром фашистских оккупантов. Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

День тридцатый — 1 января 1942 года. Минус 23–25 градусов, во второй половине дня — сильный снегопад.

Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав с Новым годом, с новым счастьем. Пожелали еще крепче бить фашистов, быть здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты от мороза. По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим — все ночи проводим в снежной «постели».

День тридцать первый — 2 января. Минус 21–24, ночью — до 28 градусов мороза.

Целый день находились в районе Колодкино и Крюково. Вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного «языка». Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне. Двинулись в Таширово.

День тридцать второй — 3 января. Минус 22 градуса, снегопад, ветер западный, слабый.

В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из него.

Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий — 4 января. Минус 18–20 градусов, ветер сильный.

У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, убили несколько лошадей и засыпали снегом — это был наш НЗ. Продукты, которые несли с собой, на исходе. Отыскали НЗ и устроили пир горой: конина, тушенка, шпик, даже сохранился шнапс для

обогрева.

День тридцать четвертый — 5 января. Минус 16–23 градуса, сильная метель.

Прибыли снова к Верее, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верее прибыл полк СС для борьбы с партизанами: командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый — 6 января. Минус 20–23 градуса, слабый снегопад.

Встретили на дороге по пути в Афанасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера уничтожили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой — 7 января. Минус 23–25 градусов, метель.

Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасы, взрывчатые вещества — то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой — 8 января. Минус 25–27 градусов, метель.

Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убито пять солдат и два офицера. Наших потерь нет.

День тридцать восьмой — 9 января. Минус 26–29 градусов, снегопад.

Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый — 10 января. Минус 22–25 градусов, метель.

Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой — 11 января. Минус 22–24 градуса, метель, ветер сильный.

Атаковали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. Наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

День сорок первый — 12 января. Минус 21–24 градуса, снег, метель.

Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. Заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее. После диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв — взорвались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два труп гитлеровцев, остальные бежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боятся входить глубже в лес.

Вечером направились в Ахматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй — 13 января. Минус 23–25 градусов, метель.

Встали рано — готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу — вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: «К бою!» Решили мы их подпустить на 50–60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев. Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков. Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить.

Не прошли и двух километров, как снова стали нас наступать карательные отряды фашистов. Опять бой. Уничтожили несколько десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить — иначе весь отряд погибнет, и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Федор Кувшинов, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово. Я передал им все патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставил лишь две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый понимал: прикрывать нас — значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз. Натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу, как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Даже малого отдыха не мота нам дать обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага.

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и выводить отряд. Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей.

День сорок третий — 14 января. Минус 21–23 градуса, снегопад, метель, ветер сильный.

Шли весь день и почти всю ночь. Измотались сильно. Питание кончилось, боеприпасы — по одной гранате, по 10–12 патронов. Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался — сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил. Он отстегнул ремень автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ваней Грачевым вытащили меня. Лежать бы мне в снежной могиле в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послали группу из трех человек разведать, что за люди. Оказалось, наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый — 15 января 1942 года. Минус 20–23 градуса.

В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Многие старшие военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные доказательства: принесли полный вещмешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офицерских и солдатских документов, мешок советских и немецких денег, около 300 металлических и золотых наручных, карманных и других часов, вещмешок золотых и серебряных изделий, отобранных у гитлеровских захватчиков. Вот только после этого нам поверили.

Наши потери: погибли четверо отважных разведчиков и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира отряда по военной разведке комсомолец старшина Федор Сафонов, командир взвода пиротехников коммунист старшина Федор Кувшинов».

Необходимо сказать, что все перечисленные в отчете Михаила Филоненко погибшие впоследствии были похоронены со всеми воинскими почестями в Москве, рядом с могилами Героев Советского Союза В.В. Талалихина и Л.В. Доватора.

Рейд отряда «Москва» оказался наиболее результативным по сравнению с рейдами других разведывательно-диверсионных отрядов ОМСБОН, совершенными зимой 1941–1942 года. Командир отряда старший лейтенант госбезопасности Михаил Филоненко получил из рук генерала армии Г.К. Жукова орден Красного Знамени.

Когда Михаил Филоненко, покрасневший от гордости и смущения, вышел из кабинета Георгия Жукова, то поймал на себе любопытный взгляд Анны, сидевшей в приемной на большом кожаном диване. Разглядев петлицы на ее гимнастерке, Михаил подумал: «Какая хорошенькая! И работаем мы в одном наркомате. Надо будет поближе с ней познакомиться». Тогда он и не предполагал, что видит перед собой будущую жену.

Еще во время учебы в школе, а затем и в институте преподаватели предсказывали Михаилу Филоненко, что свое истинное призвание он найдет на поприще точных наук. А известные шахматисты не сомневались, что он станет гроссмейстером с мировым именем. Однако судьба распорядилась иначе: после института он пошел во внешнюю разведку органов госбезопасности. Во время войны Михаил, как и Анна, служил в 4-м управлении НКВД, которое, как мы уже отмечали, занималось организацией и проведением разведывательно-диверсионных операций в тылу противника.

В приемной генерала Жукова состоялось первое свидание Михаила Филоненко с Анной Камаевой. Но их дороги тут же разошлись на долгие месяцы. Анна продолжила службу радисткой в одном из партизанских отрядов, действовавшем в Подмоскovie, а Михаила назначили комиссаром в партизанский отряд, который сражался в глубоком тылу врага.

Воевал Михаил на Украине. В оккупированном нацистами Киеве руководил разведывательно-диверсионной группой спецрезидентуры «Олимп» 4-го управления НКВД. Благодаря добытым Михаилом сведениям об обстановке на правом берегу Днепра командованию Красной армии удалось подыскать оптимальные участки для форсирования реки нашими частями в ноябре 1943 года. Михаила хорошо знали в партизанских отрядах Ковпака, Федорова и Медведева. При выполнении диверсионной операции в Польше Михаил был тяжело ранен. Врачам удалось спасти жизнь отважного разведчика, однако он стал инвалидом второй группы. Из военного госпиталя разведчик вышел с тросточкой, с которой уже не расставался всю жизнь.

С Анной он вновь встретился только после войны. А пока она воевала в партизанском отряде. Когда непосредственная угроза захвата Москвы миновала, Анна была отозвана в столицу и стала вновь работать в центральном аппарате 4-го управления НКВД. С июля по декабрь 1942 года девушка училась в Свердловской школе НКВД, а затем была направлена на курсы иностранных языков при Высшей школе НКВД СССР в Москве. Здесь она совершенствовала знание испанского, изучала португальский и

чешский язык. Руководство разведки планировало использовать ее на нелегальной работе за рубежом.

В октябре 1944 года Анна была направлена в нелегальную резидентуру в Мексику, где вместе с другими советскими разведчиками готовилась к проведению дерзкой операции по освобождению из тюрьмы Рамона Меркадера, участвовавшего в ликвидации Льва Троцкого и приговоренного мексиканским судом к 20 годам тюремного заключения. Вместе с товарищами по нелегальной резидентуре она разрабатывала план нападения на тюрьму. Однако в последний момент операция была отменена. В 1946 году Анна возвратилась в Москву.

... А Рамон Меркадер вышел из мексиканской тюрьмы в 1960 году и стал Героем Советского Союза.

После войны Анна и Михаил поженились. Вскоре у них родился сын Павлик. Но спокойной семейной жизни у четы Филоненко уже не было...

Руководство решило направить их на учебу в Высшую разведывательную школу (или, как ее еще называли, Школу № 101), готовившую кадры для внешней разведки. В течение трех лет продолжалась напряженная подготовка будущих нелегалов к работе в Латинской Америке. А затем, с октября 1948 года по август 1951 года они совершали регулярные поездки в различные страны этого региона под видом иностранных граждан. Одновременно чешскому и испанскому языкам обучался и их малолетний сын Павлик. По решению руководства нелегальной разведки он должен был выехать за рубеж вместе с родителями, чтобы обеспечить подтверждение одного из пунктов специально разработанной для них легенды-биографии. В практике советских 8 Антонов В. С. 209 разведчиков-нелегалов это был один из первых случаев подобного использования детей.

«Обкатка» разведчиков-нелегалов до их направления в долгосрочную командировку проходила в сложных условиях. Перед переброской в Латинскую Америку они для начала должны были, выдавая себя за «беженцев из Чехословакии», легализоваться в Шанхае, где после войны осело много европейцев. Советско-ки-тайскую границу в ноябре 1951 года супругам Филоненко вместе с четырехлетним сыном пришлось переходить нелегально, через специально подготовленное для них «окно», ночью, в пургу, по пояс в снегу. В то время Анна была снова беременна. Впрочем, до Харбина, где прошел первый и наиболее опасный этап их легализации, они добрались вполне благополучно. Здесь у них родилась дочь. По легенде, «беженцы из Чехословакии» были ревностными католиками, поэтому, в соответствии с традициями Европы, новорожденную окрестили в местном

католическим соборе.

Путь в Латинскую Америку занял несколько лет. Из Харбина супруги перебрались в крупнейший портовый и промышленный центр Китая — Шанхай. Здесь с давних пор обосновалась обширная европейская колония, насчитывавшая до миллиона человек. Европейцы проживали в отдельных кварталах, называемых сет-тельментами. Эти кварталы пользовались экстерриториальностью и управлялись иностранными консулами — британским, французским, португальским и американским. С победой народной революции в Китае все привилегии иностранцев в этой стране были аннулированы. Начался отток европейцев из материкового Китая. Вместе с ними покинула Китай и семья Филоненко. На календаре был январь 1955 года.

...Накануне отъезда из Москвы в промежуточную командировку, которая должна была стать испытанием прочности их легенды, надежности документов, супругов Филоненко принял министр иностранных дел В.М. Молотов, который в то время одновременно возглавлял и Комитет информации, объединивший под своей крышей военную и политическую разведки.

В.М. Молотов не спеша прохаживался вдоль кабинета, окидывая взглядом огромную политическую карту мира. «Мы, советское руководство, придаем исключительную важность вашей предстоящей миссии», — сказал министр, напутствуя разведчиков. Он добавил, что проникновение в высшие правительственные и военные эшелоны власти ряда ведущих латиноамериканских стран должно стать трамплином для организации масштабной агентурно-оперативной работы нелегалов на территории Соединенных Штатов.

Такое напутствие министра не было, разумеется, случайным. После окончания Второй мировой войны пути бывших союзников по антигитлеровской коалиции кардинально разошлись. США, применившие в 1945 году атомную бомбу против уже поверженной Японии, стали считать себя хозяевами мира и открыто готовили ядерную войну против СССР. Курс на военную конфронтацию с СССР был откровенно провозглашен в знаменитой речи отставного премьер-министра Англии Уинстона Черчилля, с которой он выступил в американском городке Фултоне 5 марта 1946 года. Запад отгородился от СССР и других стран народной демократии «железным занавесом», ввел ограничения на свободное перемещение дипломатов с Востока, обмен учеными, спортсменами, профсоюзными делегациями.

Кроме того, в результате предательства агента-групповода

резидентуры советской разведки в США Элизабет Бентли работа в этой стране в послевоенный период была осложнена. В 1948 году были закрыты советские консульства и другие официальные представительства СССР в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и Нью-Йорке. В сентябре 1950 года в США был принят закон о внутренней безопасности (закон Маюсарена — Вуда) по которому срок тюремного заключения за шпионаж в мирное время был увеличен до десяти лет. Началась «охота на ведьм» — репрессии против тех американцев, кто симпатизировал СССР и левым политическим течениям. В соответствии с законом Маккарена — Вуда десять миллионов американцев — государственных чиновников и сотрудников частных фирм — подверглись проверке на лояльность. В конгрессе США была создана пресловутая комиссия сенатора Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности, жертвами которой стало более ста тысяч человек.

Антисоветская истерия еще больше усилилась после того, как 29 августа 1949 года в Советском Союзе было проведено испытание атомной бомбы. Власти США были настолько напуганы наступившим концом своей монополии на это смертоносное оружие, что объявили об этом событии только спустя две недели, инспирировав предварительно специальный запрос журналистов. В результате проведенного расследования ФБР США пришло к выводу, что американские атомные секреты Советскому Союзу выдал английский ученый-пацифист Клаус Фукс. Он был передан британским властям и осужден на 14 лет тюремного заключения.

В результате предательства Элизабет Бентли советская агентурная сеть в США была разрушена и ее пришлось создавать заново. Для решения этой задачи в конце 1948 года в США прибыл разведчик-нелегал Вильям Фишер, ставший затем известным как Рудольф Абель. Нелегалам Филоненко было поручено работать параллельно с ним в Латинской Америке.

Совершив предварительно из Шанхая несколько поездок в ряд латиноамериканских стран с целью закрепления легенды-биографии и проверки документов, в январе 1955 года разведчики выехали в Бразилию, где Михаилу Ивановичу, выдававшему себя за бизнесмена, предстояло заниматься коммерческой деятельностью. На плечи Анны Федоровны леги заботы по выполнению оперативно-технических задач: обеспечение сохранности секретных документов, «страховка» мужа при его выходах на встречи в городе. Поначалу все вроде бы шло неплохо, однако первая попытка Михаила стать бизнесменом провалилась. Созданная им коммерческая фирма разорилась: сказалась неопытность в делах подобного

рода.

Впрочем, для Бразилии того времени это не было чем-то необычным: годы благополучной экономической конъюнктуры сменились годами затяжной депрессии. Ежедневно в стране разорялось несколько десятков больших и малых компаний. «Было время, когда не на что было жить, опускались руки, казалось, что лучше все бросить, — вспоминала позже Анна Федоровна. — Чтобы не впасть в отчаяние, мы собирали волю в кулак и продолжали трудиться, хотя на душе было тяжело и тоскливо». Но даже первый печальный опыт предпринимательства принес разведчикам пользу. Михаилу несколько раз удалось удачно сыграть на бирже. Заработанных денег с лихвой хватило, чтобы открыть новую фирму и начать коммерческую деятельность с чистого листа. Постепенно бизнес Михаила стал приносить ощутимые дивиденды, и коммерческие дела резко пошли в гору.

Через год Михаил уже завоевал репутацию серьезного и преуспевающего бизнесмена, которого принимали в самых влиятельных домах Аргентины, Парагвая, Мексики, Бразилии, Уругвая, Колумбии, Чили. Он часто ездил по континенту, заводил связи среди крупных чиновников, представителей военной и аристократической элиты Латинской Америки, в деловых кругах.

Когда их легализация в Новом Свете закончилась, супруги Филоненко приступили к выполнению разведывательных заданий Центра. Главной задачей разведчиков было выявление реальных планов США в отношении нашей страны, особенно — военно-политических. В Латинской Америке получить такую информацию было легче, чем в самих Соединенных Штатах: Вашингтон делился с партнерами из Западного полушария своими планами, имея в виду их возможное использование в будущей войне против СССР.

* * *

А сейчас вернемся на десять лет назад. 4 сентября 1945 года, когда еще Вторая мировая война продолжалась на Дальнем Востоке, Объединенный разведывательный комитет Объединенного комитета начальников штабов США составил меморандум для президента Г. Трумена, в котором в предполагаемой войне против СССР намечалось двадцать целей для нанесения по ним атомных ударов. Этот план не был реализован, поскольку тогда Соединенные Штаты к крупномасштабной войне против нашей

страны еще не были готовы.

В 1946 году вырабатывается новый план, получивший кодовое наименование «Пинчер». В 1947 году его заменил уточненный план «Бройлер». А в 1948 году на свет появилась сразу целая серия планов войны против СССР: «Габбер», «Эразер», «Даблстар», «Лафмин», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл».

Следующий, 1949 год ознаменовался принятием новых планов тотального уничтожения нашей страны: «Дропшот» и «Оффтэкл». Так Вашингтон реагировал на появление атомного оружия в СССР. Планам ядерного нападения США на СССР и страны народной демократии специально давались бессмысленные наименования, дабы «вести противника в заблуждение». И каждый план, каждая разработка сценария мировой катастрофы лишь увеличивала число целей для ядерных бомбардировок. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что мир был спасен от ядерной катастрофы только потому, что СССР, еще не оправившись от страшных разрушений войны, смог мобилизовать все свои силы и создать собственное атомное оружие, а в 1970-е годы — достичь ядерного паритета с США.

Благодаря связям разведчиков-нелегалов среди латиноамериканской аристократии планы ядерных атак на СССР были получены Москвой.

Важное место в деятельности супругов Филоненко занимало также освещение политики США и их западных союзников на международной арене. Накануне каждой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций на стол советской делегации ложились документы, содержавшие подробную информацию о позиции основных стран Запада. И советское руководство несколько раз делало удачные ходы на заседаниях Генассамблеи благодаря информации, которую добывали разведчики-нелегалы.

Филоненко подготовили несколько агентов для длительного оседания в США и с помощью Центра обеспечили им надежное документальное прикрытие.

Анна Федоровна была надежной подругой и помощницей мужа. Во время частого осложнения обстановки в стране, в которой военные перевороты не были редкостью, она проявляла выдержку и самообладание. Этому способствовало и прочное положение нелегалов на континенте. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии Жуселино Кубичека де Оливейро, завязать знакомство со многими министрами правительства страны, которых он часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Разведчик подружился даже с парагвайским диктатором Альфредо Стресснером, наводнившим свою страну бывшими гитлеровцами. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел в стрелковом клубе, как метко стреляет из винтовок и пистолетов элегантный коммерсант, и пришел в неописуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться вместе на крокодилов. В беседах с разведчиком «дядюшка Альфредо» был предельно откровенен. Подобной «чести» удостаивались лишь избранные.

Шли годы. В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов регулярно поступала актуальная политическая информация. Обстановка вокруг разведчиков была спокойной. Вскоре в семье родился еще один ребенок — сын Ванечка.

Но, конечно, не всё всегда шло гладко. Будучи уже в Москве, разведчики вспоминали такой случай. На помощь супругам, воспитывавшим троих детей, Центр решил прислать молодого сотрудника. Встреча с ним состоялась в небольшом ресторанчике. Не успев еще сообщить Михаилу Ивановичу указания Центра, этот работник принялся активно потреблять горячительные напитки, затем, заказав оркестру популярную танцевальную мелодию, стал ее напевать, приплясывать на танцевальном пяточке и тем самым привлекать внимание окружающих.

Такое поведение недопустимо для нелегального работника. По легенде, Михаил Иванович должен был познакомиться в ресторане с молодым, перспективным бизнесменом и установить с ним в дальнейшем партнерские отношения. Видя, что поведение посланца Центра выходит за все установленные для разведки рамки и грозит расшифровкой, Михаил Иванович поспешил доставить парня в гостиницу, в которой тот остановился, и направил в Центр телеграмму с просьбой срочно отозвать в Москву гуляку.

Между тем работать становилось все сложнее. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем, параллельно с которым работали супруги Филоненко. Во избежание их расшифровки и сохранения созданной ими агентурной сети, имевшей выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Любые контакты с ними через тайники и связных были прекращены. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио. Разведчикам передали новейшую коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» сообщения в эфир сжатым «пакетом» за несколько секунд. Анне Федоровне пришлось вспомнить свою военную

специальность радистки.

В те годы спутниковой связи еще не существовало. Поэтому в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна находился специальный корабль. Его мощный узел связи использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступавших от нелегалов. Это были годы «холодной войны», и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер: в Вашингтоне всюду гремели военные барабаны.

В жизни разведчиков-нелегалов были и драматические моменты. Однажды Михаил Иванович отправился в деловую поездку по континенту. Вскоре по радио сообщили, что самолет, на котором он должен был лететь, потерпел катастрофу. Можно представить себе состояние Анны Федоровны, когда до нее дошел смысл этого сообщения: вдова нелегала с тремя малолетними детьми на руках в чужой стране! К счастью, Михаил Иванович опоздал на злополучный рейс: до вылета самолета он проводил важную встречу со своим источником информации и задержался.

Постоянные стрессовые ситуации, которых у разведчиков было немало, сказались на здоровье Михаила Филоненко. В начале 1960 года он перенес обширный инфаркт и работать с прежней нагрузкой уже не мог. В июле того же года Центр принял решение отозвать супругов-нелегалов на Родину. Домой они ехали с целым чемоданом денег. Это были партийные взносы, которые они аккуратно откладывали за границей, чтобы сдать в партийную кассу по возвращении в Москву. Агентурная сеть, созданная их усилиями, была передана на связь другому сотруднику нелегальной разведки и продолжала действовать еще много лет.

Путь на Родину занял много времени. Супруги с детьми переезжали из одной страны в другую, чтобы скрыть от контрразведки противника свой истинный маршрут. Наконец они добрались до Европы, а оттуда — на поезде пересекли советскую границу. Они не могли скрыть слез радости и запели: «Широка страна моя родная!» А дети с изумлением слушали незнакомую им русскую речь. Ведь двое из них родились на чужбине и никогда не слышали иного языка, кроме португальского, чешского или испанского. В этот момент они, наверное, подумали, что их родители сошли с ума. Тоща старший сын Павел закричал: «Я все понял! Ведь вы — русские шпионы!» Видимо, в его памяти отложилось, как в не столь далеком 1951 году он с родителями пересекал китайскую границу, бредя по пояс в снегу. Впоследствии дети долго привыкали к новому дому, русскому языку и даже к своей настоящей фамилии.

Уехав на нелегальную работу еще из сталинской империи, супруги

Филоненко вернулись в совсем иную эпоху. Они уходили на задание сотрудниками НКВД СССР, а приехали назад сотрудниками КГБ.

После лечения и отдыха разведчики вернулись в строй. Их заслуги были отмечены высокими наградами Родины. Полковник Михаил Иванович Филоненко стал заместителем начальника отдела в Управлении нелегальной разведки. В этом же отделе трудилась и Анна Федоровна, майор госбезопасности. По нынешним меркам они были еще молоды, едва-едва перевалив сорокалетний рубеж.

За годы работы в разведке Анна Филоненко была удостоена ордена Красной Звезды, награждена двумя медалями «За боевые заслуги», многими другими наградами, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности». Ну а ее военный период был тоже отмечен несколькими орденами и медалями.

В 1963 году супруги Филоненко вышли в отставку.

В начале 1970-х годов режиссер Татьяна Лиознова приступила к съемкам знаменитого телесериала «Семнадцать мгновений весны». Для его съемок требовались опытные консультанты. Руководство тогдашнего КГБ выделило ей в помощь Анну и Михаила. Иногда Татьяна Лиознова, замороженная историями нелегалов, засиживалась у них дома далеко за полночь. Ее интересовали переживания разведчиков, психология западного обывателя, малейшие детали быта. Поэтому многие эпизоды этого прекрасного фильма были подсказаны супругами Филоненко. Например, сюжет с рождением ребенка. Правда, Анна, в отличие от радистки Кэт, рожая дочь в Харбине, по-русски все же не кричала. Режиссер ввела этот эпизод для усиления драматургии сюжета.

С нелегалами подружился и Вячеслав Тихонов, сыгравший в телесериале роль полковника Штирлица. Эта дружба продолжалась вплоть до кончины разведчиков. Хотя прототипами Штирлица в повести были известный предвоенный агент внешней разведки Вилли Леман, он же «Брайтенбах», и ряд других сотрудников внешней разведки, артист, создавший убедительный образ советского разведчика, многое позаимствовал у Михаила Ивановича.

Завеса тайны окутывала разведчиков-нелегалов супругов Филоненко до самого конца их жизни. Михаил Иванович ушел в 1982-м, еще во времена советской супердержавы. А вот Анна Федоровна, ставшая прототипом радистки Кэт, пережила мужа на шестнадцать лет, увидев гибель СССР и все «прелести» 1990-х годов. Она скончалась 18 июня 1998 года.

Но подвиг семьи Филоненко не будет забыт. Пока есть Россия — будет

жить и ее разведка. Приходят новые поколения офицеров тайных служб, и пример легендарных нелегалов становится для них путеводной звездой. Богатый опыт советских разведчиков будет служить им еще очень долго.

После смерти супругов Филоненко Служба внешней разведки рассекретила их имена. В российской прессе появились публикации, раскрывающие некоторые эпизоды их боевой биографии. Однако о многих конкретных делах этих сотрудников внешней разведки рассказывать время пока еще не пришло.

Глава X

ЗАРУБЕЖНЫЕ БОИ СУПРУГОВ ФЕДОРОВЫХ

В один из морозных зимних дней начала 1970-х годов в московском аэропорту «Шереметьево» приземлился самолет иностранной авиакомпании. Ничем не выделявшуюся среди прилетевших среднего возраста супружескую пару встречал сдержанный молодой человек. Обмен приветствиями и рукопожатиями, посадка в автомобиль, и черная «Волга» понеслась с пассажирами к столице. Объятия и поцелуи, улыбки и дружеское застолье ждали их впереди. После 15 лет работы в особых условиях за границей в Центр возвратились разведчики-нелегалы супруги Михаил и Галина Федоровы.

Все началось со встречи Галины и Михаила в уже далеком 1947 году. Но сначала расскажем немного о жизненном пути каждого из наших героев до этого знаменательного момента.

Михаил Владимирович Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье питерского рабочего. Отец в то время трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мать занималась домашним хозяйством. Когда в 1922 году отец вернулся со службы в Красной армии, семья переехала на жительство в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом, поэтому после окончания десятилетки в 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября того же года направлен для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Подготовка включала в себя изучение двух иностранных языков, радио- и фотодела, шифров. Заниматься приходилось ежедневно, с утра до позднего вечера, практически без выходных. Программа подготовки была рассчитана на восемнадцать месяцев. Планировалось, что в конце июня 1941 года он

должен был нелегально уйти в Польшу, а затем, обзаведясь там польскими документами, попытаться осесть в Германии. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

Застигнутый вторжением немецких войск в Белостоке, Михаил вместе с другими сотрудниками разведотделения выходил из окружения, прорывался к своим...

В конце июля 1941 года Михаил был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня.

В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта — в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен на парашюте в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел более 27 месяцев. Научился переносить трудности, ориентироваться в сложной обстановке, в совершенстве овладел радиоделом, приобрел навыки конспирации, усовершенствовал немецкий и польский языки. Опыт военных лет очень помог ему в последующей разведывательной работе.

После возвращения в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года Федоров был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Он прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал там в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран. Передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

Однако спустя полтора года из-за нелепой случайности разведчику пришлось прекратить командировку. А произошло вот что. В один из обыденных дней Михаил шел по коридору учреждения, в котором работал, и вдруг в его противоположной стороне увидел свою знакомую — бывшую преподавательницу из Белостока, у которой брал уроки иностранного языка. Непосредственного контакта удалось избежать, однако Михаил не был уверен, что женщина его не заметила. На другой день он выяснил, что преподавательница находилась в Англии в командировке и посетила посольство по своим личным делам. В Москву ушла радиограмма о случившемся. Центр решил не рисковать разведчиком...

Уже будучи в Москве, в середине 1947 года Федоров переводится из военной разведки на работу в Комитет информации при Совете Министров СССР (так в то время называлась внешняя разведка госбезопасности) и начинает напряженно готовиться к выполнению нового задания за границей. Но в планы подготовки вновь вмешался случай.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«Захожу как-то в столовую. Очередь небольшая, но я куда-то спешил. Вижу — стоят мои коллеги, я к ним:

— Предупреждали, что я буду? — а сам делаю знаки, мол, выручайте. Те только собрались ответить, как сзади раздался тонкий голосок:

— Нет, не предупреждали.

Оборачиваюсь и... встречаю взгляд жгучих черносмольных таз, смотрящих на меня с вызовом и укором. Так я познакомился с Галей».

* * *

Галина Ивановна Маркина (в замужестве — Федорова) родилась 17 февраля 1920 года в городе Саратове, в рабочей семье. Отец был электромонтсром-самоучкой. Позднее, после прохождения профессиональной подготовки, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре Гали было в то время четырнадцать лет, младшим братьям — менее десяти.

С двенадцати лет Галина воспитывалась у тети — сестры отца, которая проживала в Москве. В 1937 году девушка окончила школу-десятилетку. Стала работать на технической должности в Наркомфине СССР и одновременно учиться на вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола Галина пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны Галина находилась в распоряжении группы особого назначения 4-го главного управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье в тылу врага. Во

время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания. Довелось и ухаживать за ранеными бойцами в подшефном военном госпитале, который в ту пору находился на 3-й Мещанской улице. Ночные дежурства, подмена санитарок, чтение газет и личных писем раненым — все это в выкраиваемые часы от основной работы, за счет отдыха. Война закалила Галину, как будущего нелегального разведчика.

В 1946 году Галина окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР. Ей предложили перейти на работу во внешнюю разведку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций. Беседовал с ней начальник нелегальной разведки полковник Александр Михайлович Коротков.

Галина Ивановна так рассказывала о первой встрече со знаменитым разведчиком:

«С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела. Крепко пожав мою руку, он представил меня находившемуся в кабинете сотруднику. Втроем разместились за маленьким столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор.

После беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил:

— Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой.

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, являлся мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид».

Что привело молодую девушку в разведку? Об этом Галина Ивановна позже рассказывала в своих воспоминаниях:

«Мое представление о такого рода деятельности, как и у многих, было весьма скудным. Слышала, что туда отбирают особо способных сотрудников, что подготовка длится очень долго, что сама работа

растягивается на годы и годы. Кроме того, требуется глубокое знание иностранных языков. Тут я имела плюс: языки мне давались легко, я много читала, переводила даже просто так, для себя. Ну и, конечно, волновало, подойду ли для такой службы? После обстоятельной и очень дружелюбной беседы с начальником нелегальной разведки полковником Александром Михайловичем Коротковым вопрос был решен.

На работу в разведку я пошла сознательно, с полным пониманием значения этой службы для государства и той ответственности, которую приняла на себя. Ни в то время, ни в последующем у меня не возникало ни малейших колебаний или запоздалых сомнений в правильности избранного в молодости пути. Я счастлива от того, что разведка стала делом всей моей жизни.

Вскоре произошли приятные изменения в личном плане. Как подарок судьбы появился он — Михаил. Сильный, добрый, чуткий, верный и надежный друг. С первых дней знакомства возникло ощущение, как будто мы знали друг друга сотню лет».

Молодые люди решили пожениться, а сотрудники кадрового аппарата Центра вынуждены были изменить планы подготовки Михаила и начали разрабатывать вариант их совместной поездки на нелегальную разведывательную работу.

Потекли дни и недели активной отработки новых легенд-биографий, исходя из новых задач, которые были поставлены перед разведчиками. Им предстояло многое узнать и многому научиться, прежде чем отправиться на работу в конкретный регион земного шара. Для Федоровых таким регионом была Австралия.

Перед «Сепом» и «Жанной» (такими были оперативные псевдонимы Михаила и Галины Федоровых) была поставлена задача прочно обосноваться в Австралии, найти подходящую работу и закрепиться в стране на «постоянное» жительство. Начался напряженный период подготовки к выезду за кордон: разведчики вживались в свои новые биографии, изучали шифры, тайнопись, радиодело, совершенствовались в иностранных языках. И когда все уже было готово, планы вновь изменились. Один из сотрудников резидентуры внешней разведки в Австралии, который мог знать «Сепа», перешел на сторону американцев...

Разведчиков направили в промежуточную страну — Польшу. На акклиматизацию в ней им отводилось полгода. Предстояло не только вжиться в образ поляков, но и понять их психологию, изучить историю и географию Польши, от Гданьска до Кракова и от Люблина до Щецина, современное польское искусство, культуру, узнать новинки кино и

литературы, посмотреть крупные костелы, магазины, почерпнуть из народной лексики шутки, прибаутки и анекдоты.

Ровно через шесть месяцев в Варшаву прибыл представитель Центра и сообщил новое задание: выехать на нелегальную работу в одну из стран Западной Европы, на территории которой находились важные объекты Североатлантического блока НАТО. «Сепу» и «Жанне» предстояло создать в этой стране региональный пункт нелегальной связи с Москвой, который, в случае военных действий против Советского Союза, должен перейти на боевой режим работы.

Глубокое оседание... Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что длительное пребывание разведчиков-нелегалов за границей было успешным и прошло практически без проблем благодаря их высокому профессионализму. Но тогда, в середине 1950-х, все только начиналось, и перед «Сепом» и «Жанной» простиралась неизвестность. Им практически пришлось начинать жизнь с нуля.

В страну они приехали якобы после долгих лет эмиграции. Война оставила их без родных и близких. На первых порах «Сеп» работал слесарем в автомастерской. «Жанна» трудилась секретарем на одной из местных фирм.

Пришлось разведчикам выдержать и серьезный длительный интерес со стороны местных спецслужб. Дело заключалось в том, что местные власти и их спецслужбы с недоверием относились к репатриантам из социалистической Польши. И супругов взяли в проверочную разработку. Местная контрразведка подводила к разведчикам своих осведомителей из числа их знакомых, организовывала внезапные посещения их дома под надуманными предлогами, выставляла за ними наружное наблюдение. Одному из наиболее острых приемов проверки — «с русским текстом» — подверглась «Жанна», когда один из ее знакомых подсунул ей записку, написанную по-русски. «Жанна» хладнокровно среагировала на эту провокацию: повертела листок, выразив полное равнодушие и недоумение.

По каждому факту маневров контрразведки вокруг нелегалов они подробно информировали Центр. Напряжение нарастало. В Москве возникла обоснованная тревога за судьбу разведчиков, следствием которой явилась телеграмма следующего содержания: «С учетом интенсивности работы спецслужб, продолжительности проводимых мероприятий и принимая во внимание сложную агентурно-оперативную обстановку в стране, полагаем целесообразным рассмотреть возможность вашего возвращения на родину. Оперативные связи просим законсервировать. Рекомендуемый маршрут следования...»

В связи с этой телеграммой было бы интересно привести здесь небольшой отрывок из воспоминаний генерала В.Г. Павлова, бывшего в то время одним из руководителей советской нелегальной разведки:

«Будучи к этому времени заместителем начальника нелегальной службы, я подробно обсуждал проблему безопасности созданной резидентуры региональной связи и с руководством отдела связи. Первоначальный проект указания содержал категорическое предписание выезжать нелегалам домой, так как создавалась реальная угроза их ареста. Но я знал, что «Сеп» уже прошел хорошую школу нелегальной работы в Англии, был опытным партизаном и разведчиком во время войны и, очевидно, был способен сам определить, когда возникнет срочная необходимость их исчезновения из страны. Поэтому, докладывая начальнику службы, предложил смягчить указание, сохраняя возможность иного решения. С моим мнением Александр Михайлович Коротков согласился, тем более, что он лично знал и «Сева», и «Жанну» и сохранил о них самое положительное мнение. Он разделил мое доверие к «Сепу» и мою уверенность в выдержке «Жанны»».

По сути дела, окончательное решение вопроса продолжить или прервать работу с нелегальных позиций было передано на усмотрение разведчиков, которые лучше, чем Центр, чувствовали обстановку вокруг себя. И они приняли решение:

«Реально оценив обстановку как в стране, так и вокруг нас, докладываем, что легализация в принципе прошла успешно, положение на работе в известной вам фирме прочное. Проявленное со стороны спецслужб внимание считаем профилактическим, вызванным общим нагнетанием кампании шпиономании. В связи с этим считаем возможным продолжить наше пребывание здесь для решения поставленных задач. Просим вашего согласия».

После тщательного изучения ситуации Центр дал согласие на продолжение работы. Кончился период, когда более трех лет местные спецслужбы держали разведчиков «под колпаком». Навязанный им контрразведкой серьезный профессиональный экзамен был успешно выдержан. «В Москве было однозначно определено, — отмечает в своих воспоминаниях В.Г. Павлов, — что «Сеп» и «Жанна» своей выдержкой, правильными поведением и реакцией на мероприятия спецслужб рассеяли их подозрения и, проявив тонкое понимание замыслов, переиграли спецслужбы. Было констатировано, что теперь ничто не мешало выполнению основного задания». И в последующие десять лет разведчики результативно проводили самые острые операции, не чувствуя за спиной

беспокойного дыхания контрразведки.

Переиграв контрразведку, «Сеп» и «Жанна» продолжили упорно вживаться в окружающую среду, привыкали ко всему и приспособивались к новой жизни. Первые оперативные задания, которые Центр поставил перед резидентурой, касались розыска в европейских странах агентов внешней разведки, связь с которыми прервалась с началом войны. Разведчикам пришлось совершить многочисленные поездки по странам Европы. В первую очередь это касалось Испании и Португалии, где советская внешняя разведка не располагала в то время какими-либо позициями. Они добросовестно выполняли каждое задание Центра, проявляя целеустремленность в преодолении возникавших порой трудностей.

Из рассказа «Жанны»:

«В жизни разведчика, находящегося в зарубежной командировке, как в калейдоскопе, одно событие сменяется другим, успехи чередуются с неудачами, радости с огорчениями. Увы, постоянной остается лишь опасность, подстерегающая его на каждом шагу.

Отличительная черта разведчика-нелегала — жесткий самоконтроль, час за часом, день за днем, бодрствует он или спит. Малейшая ошибка или опрометчивый шаг могут обернуться непоправимыми последствиями. И еще, что отличает разведчика, — это почти нечеловеческая выдержка и невероятное долготерпение».

Прошло определенное время, прежде чем они стали владельцами собственной фирмы, приобрели небольшую виллу, удобную для осуществления радиосвязи с Москвой. Денежные суммы, которые были им ассигнованы Центром и которые они задекларировали в местных финансовых органах, позволяли поддерживать репутацию состоятельных людей. Вскоре удалось установить и опробовать линию радиосвязи с Центром. Можно было приступать к выполнению конкретных оперативных заданий.

* * *

За долгие годы нелегальной работы «Сепу» и «Жанне» удалось многое сделать. Они обеспечивали бесперебойную связь с Москвой, подбирали места для тайников и проводили операции по закладке и изъятию материалов, изучали людей и осуществляли вербовочные мероприятия, занимались восстановлением связи с агентурой в различных странах

Западной Европы, осуществляли сбор информации по широкому спектру проблем, проводили встречи с ценной агентурой и передавали информацию от нее в Центр. Приведем некоторые цифры, свидетельствующие о напряженном ритме их работы: разведчиками было проведено более 300 конспиративных встреч, состоялось более 200 радиосеансов с Москвой, по другим каналам в Центр было передано более 400 важных секретных материалов.

Проходившая через руки разведчиков информация в основном касалась различных сторон деятельности Североатлантического блока, в частности, его военной организации, штаб-квартира которой размещалась в небольшом бельгийском городке Монсе близ юго-западной границы с Францией.

Вряд ли следует говорить, что в те годы это была исключительно важная военно-политическая проблема, непосредственно связанная с безопасностью нашей страны.

В Монсе разрабатывались планы превентивного использования ядерного оружия против СССР, определялись способы его доставки к конкретным целям на советской территории, проводились штабные войсковые учения НАТО с максимальным приближением к боевой обстановке. «Сеп» и «Жанна» своевременно информировали Центр об оперативных планах натовских генералов.

В начале 1959 года разведчики приняли на связь исключительно ценного источника — высокопоставленного сотрудника

НАТО (назовем его — «Брига»). От «Брига» регулярно поступала важная информация о создании, перевооружении и модернизации бундесвера ФРГ, документы Комитета планирования НАТО о задачах отдельных воинских соединений, их боевой оснащенности, о системе управления войсками, их стратегии и тактике, а также по другим военным вопросам, связанным с наступательными действиями этого блока в Европе.

В информационном потоке немало места занимали подробнейшие сведения на лиц из числа руководящего состава различных натовских структур.

Именно от «Брига», в частности, впервые поступила исключительно ценная информация о создании в рамках блока разведывательных и контрразведывательных подразделений, входящих в самостоятельную спецслужбу, автономную от соответствующих национальных структур и имеющую наднациональный статус.

Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН источник передавал конфиденциальную информацию о предстоящей позиции

ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня. Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Исключительно важная информация поступала от «Брига» и во время Карибского кризиса, когда между СССР и США сложились исключительно напряженные отношения. Оперативная работа резидентура «Сева» и «Жанны» в этот период была поставлена «на военные рельсы»:

«По данным военного командования НАТО (источник «Бриг»), Белый дом располагает надежной разведывательной информацией о строительстве на Кубе 24-х стартовых площадок для ракет малого и 16-ти — среднего радиуса действия. Из числа последнего типа 42 ракеты уже находятся на острове. По оценке Пентагона и ЦРУ, личный состав советских специалистов насчитывает 5000 человек. Конечное число ракет, намеченных к развертыванию, определяется в 64 единицы».

Спираль кризиса раскручивалась с большой скоростью. «Бриг» информировал, что в США были подняты по тревоге 40 тысяч военных моряков, а также 5 тысяч военнослужащих, находившихся на военной базе Гуантанамо, что приведены в повышенную боевую готовность 82-я сухопутная и 101-я воен-но-воздушная дивизии, мобилизованы 14 тысяч резервистов, что общая численность войск, развернутых во Флориде для броска на Кубу, приблизилась к 100 тысячам человек. Вся эта информация немедленно передавалась в Центр. И в том, что в конечном итоге победил здравый смысл, была, безусловно частица усилий, предпринятых «Бригом» и руководимой им резидентуры.

...Вокруг разведчиков-нелегалов нередко возникают различные, как говорят космонавты, «нештатные ситуации», предусмотреть которые заранее просто невозможно. Они могут случиться и в ходе проведения разведывательной операции, и во время невинной прогулки, и в связи со случайным совпадением каких-то факторов.

Умение хладнокровно взвесить степень реальной угрозы, как для себя лично, так и для дела в целом, и в зависимости от этого действовать по обстановке, является показателем уровня подготовки разведчика, его профессионализма.

Из рассказа «Жанны»:

«Понятно, что русский разведчик-нелегал, находящийся на работе за границей, во всех случаях тамошней жизни должен использовать только иностранный, местный язык, на нем он должен и думать. Это аксиома, проверить которую мне пришлось на себе.

Однажды у меня неожиданно появилась боль в правом боку. Врач

поставил диагноз — воспаление аппендикса и настаивал на немедленной операции, которая должна проходить под общим наркозом. Как быть? Проблема не в хирургическом вмешательстве — врачи там опытные, сколько в моем возможном поведении при выходе из наркоза: не заговорю ли я в полузабытьи на русском языке? Всеми силами внушала, убеждала себя, что мой мозг уже полностью перестроился, мыслю я на местном языке.

Наступил назначенный день, меня повезли в операционную... Просыпаться я стала от легких хлопков медсестры по щекам, и первое, что произнесла, находясь еще в полубессознательном состоянии: «Где мои очки? Без них я плохо вижу». Медсестра подала мне очки и тепло улыбнулась. Значит, я действительно говорила как положено».

* * *

... Из аэропорта «Шереметьево» разведчиков привезли на «промежуточную» квартиру. За празднично накрытым столом подняли бокалы шампанского за благополучное возвращение. Во время оживленной беседы один из товарищей в шутку спросил:

— Чего бы вам сейчас больше всего хотелось?

Немного подумав, Михаил воскликнул:

— Мне бы хотелось прежде всего попариться в московских «Сандунах».

Все весело рассмеялись.

— А я бы хотела позвонить тете, которая меня с детства воспитывала, и порадовать ее своим возвращением, — с трудом подбирая слова, произнесла Галина.

Однако таким простым желаниям разведчиков суждено было осуществиться значительно позже. Около двух недель им пришлось гулять по Москве, прислушиваясь к живой речи москвичей и обретая утерянные навыки разговора на подзабытом ими русском языке.

Наш рассказ о жизни и работе пары разведчиков-нелегалов был бы неполным, если опустить очень важный и, несомненно, многих интересующий вопрос о создании семьи в период длительного пребывания в стране назначения. Ведь разведчики работают за рубежом в лучшие, молодые годы своей жизни, именно тогда, когда обычно в семье появляются дети.

Из рассказа Галины Федоровой:

«Этот вопрос стоял перед нами практически постоянно в нашу бытность за границей. В принципе Центр не возражает против того, чтобы нелегалы обзаводились детьми, и мы знаем случаи, когда разведчики возвращались из заграничной командировки домой, имея даже двоих детей. Однако в своем сознании мы не могли объединить в одно целое два понятия: с одной стороны, нашу работу, ради которой мы прибыли в страну назначения, с другой — рождение детей, наличие и воспитание которых, несомненно, создали бы нам множество дополнительных разноплановых трудностей, что сильно ограничило бы нашу оперативную деятельность. Кроме того, возникал определенный риск в соблюдении конспирации. Ведь дети известные «почемучки». Мы прекрасно понимали позитивную сторону наличия детей: в глазах западного окружения создается положительный образ семьи и тем самым снижается уровень подозрительности. И все же в своих рассуждениях мы поставили на первое место чувство долга, стремление быть максимально полезными и поэтому всецело отдавались порученному делу, своей нервной и напряженной работе. Желание принести большую пользу Родине всегда брало верх, поэтому создание полноценной семьи отложили до возвращения домой. Однако судьба распорядилась иначе: мы вернулись в возрасте, в котором обычно воспитывают уже внуков».

После возвращения из командировки служба Галины и Михаила Федоровых в разведке продолжилась. Когда возникала необходимость, они выезжали за рубеж для решения конкретных разведывательных задач. В общей сложности разведчики пробыли за кордоном около четверти века.

Заслуги перед Родиной почетного сотрудника госбезопасности полковника Михаила Владимировича Федорова были отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в том числе — медалью «За отвагу», нагрудным знаком «За службу в разведке».

Почетный сотрудник госбезопасности полковник Галина Ивановна Федорова была награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «За службу в разведке».

Наступило время, и Федоровы по возрасту — Михаил Владимирович в 66, а Галина Ивановна в 55 лет — вышли в отставку.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«При оформлении пенсии в районном Сбербанке служащая, просматривая дело Галины, вдруг нахмурила брови и с сожалением произнесла:

— Вот неудача! В данные вашей выслуги лет вкралась ошибка. К

сожалению, я должна вернуть дело в пенсионный отдел для внесения поправки. А вам придется зайти к нам еще раз.

— И что же это за ошибка? — поинтересовалась Галина.

— Видите ли, в графе «выслуга лет» указано 50 лет. Так не может быть, ибо самой пенсионерке всего лишь 55 лет, — ответила она.

— Почему не может быть, — возразила Галина и тут же добавила, — я очень долго работала... в Магадане, а там рабочий стаж считается год за два. Вот и набралось столько лет (по существующему во внешней разведке положению, год пребывания разведчика на нелегальной работе за границей засчитывается в выслугу лет за два года. — *Примеч. авт.*).

Служащая оставалась некоторое время в нерешительности. Затем после раздумья попросила Галину подождать, а сама ушла куда-то проконсультироваться. Отсутствовала довольно долго. Возвратившись, извинилась за задержку и должным образом оформила пенсионные документы».

Уйдя на заслуженный отдых и став пенсионерами, Федоровы не порвали связи со Службой: они вели большую общественную работу, занимались с молодежью, приходящей в разведку на смену ветеранам, делились своим бесценным опытом работы в нелегальных условиях, помогали молодым сотрудникам осваивать «технологии» нелегкой профессии разведчика.

В апреле 2004 года Михаила Владимировича не стало. Галина Ивановна скончалась в 2010 году

Разведчики-нелегалы Федоровы написали две интереснейшие книги («Будни разведки» и «Вся жизнь конспирация. История семьи нелегалов»), в которых рассказали о своей деятельности за рубежом.

Глава XI

ВЛЮБЛЕННАЯ В ИТАЛИЮ

Она была страстно влюблена в Италию, в Рим, во все, что было связано с этой страной. Коллекционировала репродукции картин итальянских художников, пластинки с записями произведений итальянских композиторов. Усиленно постигала итальянский язык, чтобы в подлиннике читать произведения великих Петрарки и Данте.

Студентка московского института иностранных языков красавица Лена Чебурашкина мечтала посвятить Италии всю свою жизнь. Но в послевоенные годы эта страна продолжала оставаться для Советского Союза противником, хотя и побежденным. Неожиданно для Лены ее почти несбыточная мечта стала реальностью.

Выдержка из личного дела оперработника:

«Чебурашкина Елена Николаевна, сотрудник МИД СССР, она же — оперативный работник внешней разведки КГБ СССР «Надежда».

Год рождения — 1927.

Образование: институт иностранных языков и высшие курсы КГБ СССР. Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Воинское звание — подполковник.

Более 15 лет выполняла задания особой государственной важности в Италии».

Елена родилась 15 апреля 1927 года в семье бывшего чекиста. Ее отец Николай Игнатьевич Чебурашкин был большевиком с дореволюционным стажем, вступившим в партию в шестнадцать лет. Принимал активное участие в революционном движении в Москве: во время Московского восстания его отряд брал городскую почту. Уже в девятнадцать лет являлся сотрудником по особым поручениям при Ф.Э. Дзержинском. Проработав в органах госбезопасности с десятков лет, он попросился на учебу и был направлен в Промакадемию. Видимо, это впоследствии и спасло ему жизнь: в 1937–1938 годах большинство его коллег по бывшей работе и

соседей по «чекистскому» дому на улице Мархлевского были арестованы и расстреляны. После завершения учебы в Промакадемии Н.И. Чебурашкин находился на руководящих должностях в советской промышленности.

Окончив среднюю школу, Елена поступила в московский институт иностранных языков. Училась она блестяще, в совершенстве овладела тремя иностранными языками. В 1949 году, получив диплом с отличием, намеревалась продолжить обучение в аспирантуре. Однако ее пригласили на Лубянку и сказали, что очень нуждаются в ее знаниях. Так Елена попала в разведку.

Молодую сотрудницу определили в информационное подразделение внешней разведки. Она занималась переводами и обработкой важных документов, которые поступали в Центр от ценных источников, и готовила их для доклада руководству страны.

Через несколько лет ее обширные знания и уже накопленный опыт потребовались в другом месте. В 1955 году Елену перевели в «географическое» подразделение разведки, и она стала готовиться к командировке в Италию.

В начале 1956 года «Надежда» (оперативный псевдоним разведчицы) оказалась в Вечном городе. Правда, с въездной визой для нее возникли проблемы: страна была квотной, а штат советского посольства оказался полностью укомплектован. Необходимо было получить визу сверх квоты. Выручил посол Богомолов. Через свои связи он обратился лично к президенту Италии с просьбой посодействовать в приезде нужной ему сотрудницы. И президент дал указание выдать «внеплановую» визу. Лишь немногие в посольстве знали об истинных целях приезда «Надежды» в Италию.

В резидентуре она была единственной женщиной-оперработником. Резидент внешней разведки сразу же ей сказал: «Ты нам очень нужна. Будешь заниматься оперативной работой, встречаться с нашими помощниками-женщинами».

Первое указание резидента было вполне конкретным: изучить досконально город. В этой связи посещение достопримечательностей Рима стало для «Надежды» оперативной обязанностью. Все свободное от работы в посольстве время она с наслаждением бродила по городу, стала завсегдатаем музеев и выставок. Изучая живописные римские кварталы, она подыскивала наиболее удобные места для проведения тайниковых операций или встреч с источниками. Вскоре «Надежда» уже знала итальянскую столицу гораздо лучше, чем Москву.

Но для того, чтобы заниматься политической разведкой, одних только

знаний города, литературы и искусства страны пребывания разведчику недостаточно. И «Надежда» углубленно изучает различные политические документы, выступления итальянских руководителей, смотрит кинохронику довоенного и военного периодов, пытается понять, почему Италия во время войны оказалась самым верным союзником фашистской Германии, каковы национальные особенности ее внешней политики, в чем причины ее активного партнерства с США в рамках НАТО.

Приезд разведчицы на Апеннинский полуостров совпал с началом «холодной войны». В 1949 году Италия одной из первых объявила о готовности вступить в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Ее территория превратилась в один из ключевых плацдармов для развертывания американской военной мощи в Западной Европе. Именно Италии в Пентагоне отводилась основная роль при реализации широкомасштабных планов нанесения превентивных ядерных ударов по Советскому Союзу.

Следует напомнить, что еще 4 сентября 1945 года объединенный разведывательный комитет США в своем меморандуме № 329 постановил «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и контролируемой им территории». После создания 4 апреля 1949 года военного союза НАТО составленный в том же году план «Дропшот» предусматривал уничтожение уже 100 наших городов. Затем последовали и другие «перспективные» планы.

«Нас Италия интересовала прежде всего как страна — член НАТО, — рассказывала Елена Николаевна. — Основной задачей нашей разведки было попытаться снизить постоянно нараставшее распространение влияния США в этом регионе, особенно на Апеннингах. Безусловно, мы были заинтересованы в получении достоверной информации и о внутривнутриполитической обстановке в стране, о перспективах развития отношений с Советским Союзом. Ведь в то время между нашими странами стали активно расширяться политические и особенно экономические связи».

Спустя некоторое время после приезда в Италию «Надежда» приступила к работе с одним из наиболее ценных агентов римской резидентуры. Рассказывает разведчица:

«Агент этот представлял для нас в то время действительно большую ценность. В ее адрес (а агент была женщиной и имела многочисленных родственников, которые жили во многих странах) поступала обширная корреспонденция из-за границы: письма, газеты, журналы. И в этой почте

приходили послания советских разведчиков-нелегалов из различных стран. В тот период такой способ организации связи нелегалов с Центром применялся нередко. Как только в адрес агента поступало специальное послание, она давала условный сигнал, и я выходила на встречу с ней».

Встречи происходили днем, в часы, когда итальянки обычно отправляются за покупками, в больших универсальных магазинах, причем каждый раз места встреч менялись. Сначала устанавливался визуальный контакт в каком-либо обусловленном заранее отделе, а затем при подъеме на другой этаж на эскалаторе незаметно для окружающих производился обмен фирменными пакетами данного магазина. В пакете «Надежды» всегда был какой-нибудь сувенир, купленный в магазине, а в пакете итальянки — почта. Затем они сразу же расходились в разные стороны. За свою скрытность и быстротечность такие контакты на профессиональном языке разведчиков называются «моментальной передачей», или просто «моменталкой».

Не прошло и года пребывания «Надежды» в Риме, а ее уже можно было принять за настоящую итальянку. У нее, как у атташе по культуре посольства, появилась масса знакомых среди итальянцев. Разведчица становится постоянной клиенткой самых престижных магазинов итальянской столицы, совершает частые выходы на театральные постановки и модные дефиле.

«В силу своей работы, — рассказывала Елена Николаевна, — мне необходимо было должным образом одеваться, не отличаться от местных женщин. Итальянцы прекрасно разбираются, во что вы одеты: купили ли вы, например, платье в долевым магазине или в престижном бутике. Кроме того, я была единственной женщиной-дипломатом в советском посольстве. Поэтому и там не должна была пренебрегать своим внешним видом. Необходимо было иметь соответствующие туалеты для приемов, походов в театры, визитов в гости к иностранцам, а также для повседневной оперативной работы в городе».

«Надежда» работала в политической группе резидентуры, занималась в основном информационными вопросами: обработка политической и другой поступавшей информации, инструктаж оперативных сотрудников к предстоящим встречам в городе, постановка задач в информационном плане, исходя из потребностей Центра и возможностей того или иного источника информации. Предоставим снова слово разведчице:

«Перед резидентурой была поставлена задача по сбору информации относительно дислокации на Апеннинском полуострове военных баз США и НАТО и их нацеленности на нашу страну. Мы получили сведения о том,

что на побережье Италии разворачивается строительство нескольких военных баз НАТО. Из Центра поступило указание перепроверить и, по возможности, конкретизировать эту информацию, собрав наиболее полные сведения об этих базах. В этой связи резидентура разработала план по привлечению к сотрудничеству с советской разведкой местной сотрудницы посольства одной из ведущих стран НАТО, от которой предполагалось получить необходимые данные. Через некоторое время план был полностью реализован: мы получили доступ к тщательно охраняемым секретным военным сведениям. Поставленное Центром задание было успешно выполнено».

Это задание имело непосредственное отношение к предстоявшему визиту Н.С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. На вопрос госсекретаря США Дж. Фостера Даллеса о планах реформирования советских вооруженных сил Никита Сергеевич ответил, что ему известно о размещении американских военных баз, в частности в Италии, и о деятельности 6-го флота США, штаб-квартира которого располагается неподалеку от Неаполя. Позже, в ходе встречи с глазу на глаз, он заявил помрачневшему Даллесу, что в ответ Советский Союз намерен увеличить количество своих ядерных ракет в Восточной Европе.

До сих пор Елена Николаевна хорошо помнит и другого источника ценной информации, с которым ей пришлось долгое время работать:

«Мне ее передали на связь. Агент-женщина, одинокий, больной человек, от которой мы получали исключительно ценную документальную информацию. Ее имя и по сей день держится в тайне. А меня она знала как Анну. Она проработала на советскую разведку более 15 лет. Скромная машинистка закрытого военно-технического учреждения, созданного американцами в Италии, передавала на встречах копии важных документов, нередко это были копирки, которые она подкладывала под основной лист, печатая секретные документы. Потом, как выяснилось, только одни эти копирки позволили ученым советской оборонной промышленности сэкономить многие сотни тысяч долларов».

В 1972 году в ходе первого визита в Советский Союз президента США Ричарда Никсона был осуществлен значительный прорыв в деле разрядки международной напряженности. Достигнутые в ходе переговоров договоренности относительно ограничения стратегических наступательных вооружений на многие годы определили политику мирного сосуществования между СССР и США в условиях биполярного мира. Свою лепту в это внесла и скромный информационный и оперативный работник советской внешней разведки «Надежда».

Елена Николаевна Чебурашкина находилась в трех долгосрочных командировках в Италии, проработав там «под крышей» посольства в общей сложности более 15 лет, что даже для разведчика-мужчины выглядит солидным сроком. После возвращения из своей последней командировки она продолжила службу в одном из самых закрытых подразделений внешней разведки. Ну а всего она проработала в разведке 40 лет.

На службе она всегда была в центре внимания. Сослуживцы-мужчины относились к ней с большим уважением и даже с некоторым трепетом. «Елена Чебурашкина — человек стальной воли, железной дисциплины и невероятного самоконтроля», — подчеркнул в беседе один из ее бывших руководителей, Другой коллега разведчицы, проработавший с ней многие годы, отмечал: «Елена Николаевна — удивительная женщина. Она обладает энциклопедическими знаниями, особым складом ума, умением воспринять проблему во всей ее совокупности и вычленив главное. Из массы заданий она всегда выделит то, которое наиболее приоритетно для данного момента и успешно его решит».

Ну а как же личная жизнь? Ведь она все-таки все это время оставалась женщиной, причем очень красивой женщиной, и... одинокой.

«По молодости об этом мало думалось, настолько была интенсивная трудовая жизнь, — говорит Елена Николаевна. — Я все время приходила домой с кипой книг, газет, материалов. Я должна была постоянно пополнять свои знания, ведь постоянно возникали новые проблемы. Необходимо было все время быть в форме: «из леса» (так сотрудники внешней разведки между собой называют ее штаб-квартиру в «Ясеневе». — *Примеч. авт.*) звонили порой и в выходные дни, и глубокой ночью. Тяжелая, мужская работа. Но ей надо было отдавать всю себя, чтобы не испытывать комплекса неполноценности. В целом же, можно сказать, я не встретила такого человека, ради которого смогла бы пожертвовать своей работой в разведке...»

Елена Николаевна Чебурашкина и сегодня является во внешней разведке одним из лучших специалистов по Италии. К ней часто обращаются за помощью и консультациями и молодые, и уже опытные сотрудники. В уютную квартирку на Фрунзенской набережной часто звонят и приходят коллеги-«итальянцы», с которыми она работала долгие годы в «поле» и в центральном аппарате. Она и по сей день остается сильным и волевым человеком, в жизни которого была чистая и искренняя любовь — любовь к Италии.

Глава XII

РЯДОВАЯ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

В июле 1937 года Марина Кирина, молодая девушка из самарского села, заканчивавшая Московский педагогический институт иностранных языков, сдавала государственные экзамены. Ей было уже объявлено распределение в одну из средних школ Свердловска преподавателем немецкого языка. Однако через два дня после сдачи последнего экзамена ее неожиданно пригласили в отдел кадров института, где, как сказали Марине, с ней намеревался побеседовать «один ответственный товарищ». В кабинете начальника с девушкой встретился человек в гимнастерке с синими петлицами. Он сказал, что комсомол института рекомендует ее на работу в НКВД, где нужны люди с безупречным знанием немецкого языка.

В известное всей Москве серое здание на площади Дзержинского Марина пришла в старой юбке и потертой на рукавах кофте, которые, впрочем, она вскоре сменила на форменную габардиновую одежду. С тех дней вся ее дальнейшая жизнь была связана с деятельностью органов государственной безопасности.

Марина Ивановна Кирина родилась 21 февраля 1913 года в селе Кинель-Черкассы Самарской губернии в бедной крестьянской семье. Вскоре началась Первая мировая война. Взрослые мужчины и молодые безусые парни были призваны на фронт сражаться «за веру, царя и Отечество». Среди новобранцев был и отец Марины, молодой солдат Иван Киринов. В 1915 году в село пришло сообщение о его гибели. Марина осталась без отца.

Вскоре ее мать, молодая и красивая женщина, которую на селе так и звали «Сашка красивая», была просватана своими родителями за вдовца с детьми. Марина попала в чужую многодетную голодную семью, в которой через несколько лет у нее появились еще две сестренки. Росла она сама по себе и, как и положено сироте, стала рано взрослеть. Как-то, играя с соседскими ребятами, она забрела в старую, покосившуюся избу сельской школы. Марина стояла перед сельской учительницей босиком, в старом

заплатанном платье. Обратившись к учительнице, она сказала, что хочет учиться.

— Ты ведь еще мала, — ласково ответила учительница. — Рано тебе к нам, девочка. Тебе небось еще и шести лет не исполнилось. И чья же ты будешь?

— Да это Ивана Кирина дочь, сирота, — ответил за нее школьный сторож. — Примите ее, Анна Ивановна. Пусть уж со всеми ходит. Здесь хоть под присмотром будет. Авось и ума-разума наберется. В жизни сгодится.

Марина была принята в школу, хотя ей не исполнилось еще положенных семи лет. Училась она хорошо, схватывала все на лету. Учение легко давалось Марине почти по всем предметам: она любила литературу, математику, историю, географию, по которым получала почти одни «пятерки». А вот немецкий язык у девочки не пошел. И дело было не в преподавателях. Как раз наоборот: в школе немецкому языку она обучалась у поволжского немца. Легко читала, переводила, быстро запоминала слова и целые фразы. Но с произношением были большие проблемы. И вообще Марина считала, что немецкий язык ей не нужен. Однако жизнь распорядилась по-иному.

В 1929 году Марина окончила среднюю школу-девятилетку и поступила в педагогический техникум в Бугуруслане. В техникуме была принята в комсомол. Однако уже через год она стала работать в сельской школе: молодой стране, успешно ликвидировавшей неграмотность, не хватало сельских учителей. В деревне Трудовая Солянка Марина учила грамоте детей, организовывала курсы ликбеза для взрослых, помогала создавать первые в Поволжье колхозы и первые комсомольские ячейки на селе. Вместе с другими учителями ставила спектакли, в которых играла главные женские роли, выступала на сельских сходках, агитировала за колхозы, а потом до полуночи сидела за ученическими тетрадками.

Однажды на пленуме райкома комсомола секретарь сказал ей:

— Ты, Марина, не засиживайся долго у окна. А то вот в соседнем селе кулаки убили учительницу из обреза. Такую же молодую, как ты...

Слова секретаря райкома она приняла к сведению. Однако активную агитацию за колхозы продолжала, и однажды верные люди предупредили, что кулаки грозятся ее пристрелить. Несколько дней подряд Марина ночевала в другом месте. К счастью, все обошлось.

Директор сельской школы, в которой она работала, посоветовал девушке продолжать учебу. Случилось так, что в 1932 году родного дядю Марины по отцовской линии направили на учебу в Москву, и он взял с

собой племянницу. Марина поступила на подготовительные курсы Московского педагогического института иностранных языков, где начала изучать немецкий язык. В 1933 году она была зачислена на первый курс института и получила комнатку в общежитии на Стромынке. Прожить на студенческую стипендию было нелегко, одновременно с учебой приходилось подрабатывать, и Марина вместе с однокурсниками разгружала вагоны. Однако все трудности затмевала радость учебы и жизни в Москве: московские театры, катки, выставки, концерты. Но самое главное Марина полюбила немецкий язык, нашла в нем мелодичную струну, изучение немецкого превратилось для нее в удовольствие. Марине повезло: ее учителем стал Фриц Платтен, выдающийся деятель международного рабочего движения.

На третьем курсе Кирину пригласили в ЦК ВЛКСМ и предложили поработать пионервожатой в школе для детей политэмигрантов. Там она не только по-настоящему освоила немецкий язык, но и глубоко постигла немецкий менталитет, что в дальнейшем ей весьма пригодилось в разведывательной работе. Там же она познакомилась с выдающимися немецкими писателями-антифашистами, членами Коминтерна В. Бределем, Э. Вайпертом, Ф. Вольфом.

Был в ее отряде один прилежный мальчик из Германии по имени Маркус Вольф — сын известного драматурга Фридриха Вольфа, коммуниста, члена КПД с 1928 года. С приходом Гитлера к власти Фридрих Вольф был вынужден эмигрировать из Германии и получил политическое убежище в Советском Союзе вместе с тысячами других антифашистов. Его сын, Миша Вольф, как звали мальчика в отряде, отличался упорством в учебе и был душой коллектива. Пройдут годы. Марина и Маркус станут друзьями на всю жизнь. Позднее выяснится, что они, оказывается, не просто друзья, но и коллеги по работе. Но это случится только после войны, когда вновь встретятся советская разведчица Марина Кирина и руководитель разведки ГДР — знаменитой «Штази» генерал-полковник Маркус Вольф.

В августе 1937 года Марина Кирина по комсомольскому набору была направлена на работу в Московское управление НКВД. После кровавой вакханалии «борьбы с врагами народа», развязанной наркомом внутренних дел Ежовым, органы государственной безопасности были обескровлены и нуждались в пополнении грамотными кадрами. Одновременно с 24-летней Мариной Кириной в НКВД тогда пришли сотни молодых людей, имевших высшее образование. Марина прекрасно владела немецким языком и первоначально занималась переводом и анализом секретных материалов

германского посольства в Москве, которые добывали чекисты.

Позже последовали более сложные задания: встречи с агентурой, получение информации, анализ и обработка агентурных донесений... Одним словом, повседневная чекистская работа. Однако Марина была счастлива. Новая работа ей нравилась. Она с детства привыкла к самостоятельности, а чекистская деятельность среди многих других человеческих качеств требует как раз этого. Кроме того, она привыкла рассчитывать только на себя, а не полагаться на кого-то. Поэтому ей доверяли важные дела, и это приносило удовлетворение.

Но по мере того, как молодая разведчица вникала в оперативные дела, в ее душу вкрадывалась пока еще неясная тревога. Получаемая информация явно свидетельствовала о приближающейся войне. Но об этом тогда нельзя было говорить вслух: «наверху» сами все знают и видят.

Однажды, задолго до рассвета, Кирину вызвали в управление. Накануне она закончила работу далеко за полночь, едва успела прилечь, и вот снова вызов. В кабинете у начальника Московского управления НКВД уже собрался почти весь оперативный состав. Начальник кратко объявил: Германия напала на Советский Союз, началась война.

Все в то время рвались в действующую армию, в том числе и Марина. Но на фронт ее не пустили. «Ты нужна в Москве», — сказали ей.

И действительно, она пригодилась в Москве.

Вскоре Марина увидела первого в своей жизни нациста. Это был гитлеровский летчик, сбитый нашими зенитчиками в небе над Москвой. Причем не простой летчик, а племянник командующего германским люфтваффе Г. Геринга. Марине было поручено допросить немецкого аса. На допросе пленный фашист вел себя вызывающе. На все вопросы отвечал презрительной ухмылкой. В первые дни войны гитлеровцы верили в свою скорую победу, их авиация господствовала в воздухе. Летчик так ничего и не сказал. Марина Ивановна позже рассказывала, что во время допроса летчика ночное небо Москвы содрогалось от гула немецких самолетов, а в различных районах города были слышны мощные взрывы авиабомб.

Осенью 1941 года положение советской столицы стало угрожающим. Враг подошел к стенам Москвы, и Гитлер даже назначил парад на Красной площади на 7 ноября. Москва перешла на осадное положение. Не исключалось, что фашистам удастся взять город. Чекистами создавались оперативные группы для выполнения особо важных заданий командования в Москве на случай ее оккупации, а также в тылу врага. Марина Кирина была назначена связной в одну из таких групп, которой предстояло действовать в Калуге. Руководил группой ее товарищ по работе Павел

Астахов. Из всей группы она знала в лицо только Астахова, с которым поддерживала связь.

Но немецкий план взятия Москвы провалился. Под ударами Красной армии гитлеровские вояки стали поспешно отступать, бросая вооружение и боевую технику и оставляя на подмосковных дорогах тысячи мерзлых трупов. Войска под командованием генерала армии Г. Жукова захватили множество военнопленных. С отдельными из них Марине довелось работать. Теперь они вели себя не так вызывающе, как племянник Геринга. Часть пленных немцев перешла на сторону Красной армии. Вместе с другими чекистами Кирина изучала их, отбирая тех, кто мог выполнять задания разведки за линией фронта. Она также участвовала в подготовке и засылке агентов-немцев непосредственно в Германию и оккупированные ею страны.

В феврале 1943 года завершилась Сталинградская битва, положившая начало окончательному изгнанию нацистских войск с территории нашей страны. В стальное кольцо Красной армии под городом на Волге попала вражеская группировка в составе 220 тысяч человек под командованием фельдмаршала Паулюса. Остатки его 6-й армии, всего около 90 тысяч солдат и офицеров, сдались в плен. В Москву доставили множество германских генералов и старших офицеров, и работы для Марины прибавилось.

Весной 1943 года по заданию руководства управления Марина Кирина вместе с группой оперативных работников НКГБ выехала в спецлагерь для военнопленных. Он размещался в бывшем санатории железнодорожников недалеко от города Иваново, у деревни Войково. Помимо Ф. Паулюса и еще 23 немецких генералов в спецлагере содержался плененный высший генералитет гитлеровских союзников: итальянцы, румыны, мадьяры.

Кирина работала одним из переводчиков генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, бывшего первого обер-квартирмейстера главного штаба сухопутных сил Германии. В интересах советского командования было склонить фельдмаршала на нашу сторону с тем, чтобы он выступил с обращением к солдатам вермахта. Кириной довелось много беседовать с Паулюсом, рассказывать ему о нашей стране, ее культуре, к чему немец проявлял большой интерес.

Вместе с Мариной Кириной с Паулюсом работал знаменитый советский разведчик Федор Парпаров, прошедший долгие годы на нелегальной работе в Германии. Упорная работа Парпарова, Кириной, а также других советских разведчиков с гитлеровским генерал-фельдмаршалом привела к тому, что уже летом 1943 года он стал членом

Национального комитета «Свободная Германия» — политического и организационного центра немецких антифашистов, созданного на территории Советского Союза по инициативе компартии Германии. В 1944 году Паулюс одним из первых германских генералов подписал воззвание к немецкому народу с призывом не довести страну до катастрофы.

В 1946 году, во время работы Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками, мировой сенсацией стало согласие советской стороны вызвать Паулюса в качестве свидетеля обвинения. На Западе считали, что он погиб в «сибирских лагерях». Федор Парпаров сопровождал немецкого фельдмаршала в Нюрнберг и был его переводчиком. Фридрих Паулюс оставался в плену в Советском Союзе до 1953 года. Затем он возвратился в Германскую Демократическую Республику, где жил до своей кончины в 1957 году.

Закончилась война. Перед внешней разведкой органов государственной безопасности стояла задача разобраться с агентурным аппаратом в поверженной Германии и аннексированной ею Австрии. Еще весной 1945 года для решения этой задачи в Берлин выехал видный советский разведчик Александр Коротков. Германский отдел внешней разведки остро нуждался в опытных чекистских кадрах, свободно владевших немецким языком. Марина Кирина идеально соответствовала этим критериям: она имела достаточный опыт чекистской работы и знала немецкий язык как родной. Легкий акцент и славянская внешность заставляли думать ее собеседников-немцев, что она родом из Судетской области Германии.

Славянский акцент позволял разведчице выдавать себя за беженку из Судетской области Чехословакии: в соответствии с потсдамскими договоренностями, из этого района Чехословакии переселялись в Германию проживавшие там до войны два миллиона немцев. Многие из них оказались на положении беженцев, и среди них было нетрудно раствориться советской разведчице.

На это и обратили внимание представители внешней разведки. К тому же после войны Московское управление НКГБ уже не испытывало столь острой нужды в сотрудниках, владевших немецким языком, и согласилось с переводом Кириной на другую работу.

Вскоре начальник Московского управления вызвал к себе Кирину и заявил ей:

— Ты очень хорошо справляешься со своими служебными обязанностями. Единственный твой недостаток в том, что ты женщина. Мы думаем перевести тебя в другое подразделение.

Он ничего не сказал о будущем назначении. Марине, сработавшейся с дружным чекистским коллективом Московского управления, было жаль уходить из него. Однако в органах госбезопасности не принято задавать лишних вопросов, а в то время — и подавно. Вскоре все выяснилось: в середине 1945 года Марина Кирина была переведена на работу в управление нелегальной разведки.

В 1946 году она выехала в свою первую служебную командировку в Австрию. Выбор пал на нее совершенно обоснованно.

В соответствии с послевоенным устройством мира в Европе, Австрия, как и Германия, была разделена на четыре оккупационные зоны. Соответственно была разделена и столица государства Вена. Разведчица Кирина работала под прикрытием сотрудницы Аппарата политического советника при Советской военной администрации в Австрии. На берегах голубого Дуная она провела более пяти лет.

Ее командировка в Австрию диктовалась еще и следующими обстоятельствами: среди военнопленных, с которыми Марина работала во время войны, у нее осталось немало искренних друзей. Многие из них сразу же после окончания войны возвратились в Австрию. Перед разведчицей была поставлена задача разыскать наиболее перспективных людей и выяснить возможность использования их в интересах разведки.

В Вену прибыла элегантная молодая женщина, блестяще владевшая немецким языком. Стройная, симпатичная, невысокого роста, в строгом костюме и очень модной шляпке, Марина невольно привлекала к себе восхищенные взгляды мужчин. Скромное очарование молодой разведчицы являлось немаловажным фактором, который она умело использовала в интересах дела.

В Вене Марина познакомилась с другой знаменитой советской разведчицей — Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной, находившейся там в командировке. Познакомилась и подружилась на всю жизнь. Поскольку Марина впервые выехала в служебную командировку за рубеж, а Зоя Ивановна большую часть своей жизни провела за границей и являлась опытной разведчицей, ее советы были весьма ценными и деловыми. Именно Зоя Ивановна убедила Марину в том, что она как женщина обладает некоторым преимуществом перед мужчинами с точки зрения ведения разведки, научила ее вести себя так, чтобы ни у кого не возникло даже мысли о том, что она имеет какое-то отношение к разведывательной службе.

Марина Ивановна часто вспоминала одно из своих первых и исключительно важных разведывательных заданий. Рядом с английскими

казармами в австрийской столице жил наш агент. Его срочно нужно было предупредить об опасности. Времени оставалось в обрез, а впереди ночь. Город разделен на зоны оккупации, вскоре наступит комендантский час, в британскую зону без соответствующего пропуска не пробраться. Да и получать его — значит привлечь к себе внимание английской контрразведки. Резидент поручил Кириной предупредить агента. «Она пройдет», — уверенно сказал он своему заместителю.

Прикинувшись «романтической туристкой», Марина кромешной ночью шла по мосту через Дунай. Благополучно миновала американскую зону оккупации. Здесь было множество ночных баров, кабаре, публичных домов, в которых американские солдаты искали легких приключений. Однако никто из них не посмел приставать к элегантно одетой женщине. Только под утро она разыскала нужную улицу, дом и квартиру. Задание было успешно выполнено. И когда контрразведка противника попыталась арестовать нашего человека, оказалось, что его уже нет в городе.

Много таких опасных случаев было во время работы Марины Кириной в Вене. Однажды она должна была встретиться с агентом на одной из улиц в центре города. Разведчица заранее прибыла на место встречи, чтобы убедиться в его безопасности. Но на беду здесь временно обосновались «жрицы любви», которые кулаками пытались отстоять свои «законные права» на территорию. Выручил агент. Подъехав к месту встречи на своем автомобиле, он подобрал разведчицу и умчал ее в более безопасный район.

«По молодости ничего не страшно, — рассказывала Марина Ивановна. — Там, где появление мужчины вызвало бы подозрения, посылали меня. Шла я бесстрашно, повторяя про себя: раз надо, значит, сделаю любой ценой. Вернусь или нет — неважно, ведь это тоже война, здесь мой фронт». А иногда эта молодая, элегантная женщина преображалась в молочницу. Белый кружевной передник, эмалированный бидон, мерная кружка... Кто бы заподозрил в ней грозного «агента МТБ»? «Мильх, мильх!» — раздавался в каменных колодцах венских дворов звонкий голос Марины. Распахивались окна, и разведчицу приглашали в квартиры. Так она, например, выяснила, в каком именно доме и в какой квартире проживает дочь машинистки, работавшей в одном из западных посольств. А уж через машинистку выйти на то лицо, которым интересовалась разведка, было, как говорится, делом техники.

Но бесстрашная разведчица всегда оставалась обаятельной женщиной. Марина Ивановна любила музыку, прекрасно танцевала, хорошо пела. Она искала и находила друзей нашей страны, от которых затем поступала важная информация. «Плох тот разведчик, который не приобретает для

своей страны новых друзей», — таким был ее девиз. И действительно, в Австрии, куда она затем вернется в начале 1960-х годов, у нее останется много верных и искренних друзей.

После завершения служебной командировки в Австрию Марина Ивановна некоторое время работала в центральном аппарате разведки, в ее немецком отделе, который возглавляла Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина. Под ее руководством Кирина приобрела дополнительный опыт решения практических разведывательных задач.

И вот новая командировка — на этот раз в Представительство КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР. В Карлсхорсте, где располагалось представительство, Кирина проработала долгих шесть лет. Не раз оперативные дела приводили разведчицу в Западный Берлин, где она встречалась с ценной агентурой, которая по своему положению не имела возможности посещать столицу Германской Демократической Республики. Кирина принимала личное участие в мероприятиях по организации нелегальной разведки в ФРГ и через нее в других западных странах.

Один из руководителей советской внешней разведки, генерал Павлов, хорошо знавший Марину Кирину, следующим образом оценил ее работу в ГДР:

«Хорошее знание Германии, немецкой истории и культуры, приобретенное еще в институте, обогащенное в военное время общением с немецкими военнопленными, в том числе с Паулюсом, а затем в Австрии, помогало Марине Ивановне высококачественно проводить мероприятия по подготовке разведчиков и агентов, внедрявшихся за рубеж».

После возвращения из ГДР Марина Ивановна некоторое время вновь трудилась в центральном аппарате ПГУ КГБ. В 1965 году ее направили в третью, исключительно сложную заграничную командировку, в которой разведчица проработала до 1971 года. Группа, в которую она входила, обеспечивала деятельность разведчиков-нелегалов в странах Западной Европы и США...

По долгу службы Марине Ивановне довелось выезжать во многие европейские страны, выполнять ответственные задания разведки.

В 1972 году полковник Кирина вышла в отставку. Ее работа в органах государственной безопасности была отмечена высокими наградами. Среди них — ордена Красной Звезды и «Знак Почета», медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и многие другие, нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

Фотография М.И. Кириной занимает достойное место в экспозиции

Зала истории внешней разведки, рассказывающей о деятельности ее нелегального подразделения.

Выйдя на заслуженный отдых, Мария Ивановна долгое время принимала непосредственное участие в подготовке молодых разведчиков-нелегалов, являлась активным членом Региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки».

В декабре 2002 года Мария Ивановна Кирина скончалась.

Вместо послесловия:

В начале 1990 года тогдашний председатель Комитета государственной безопасности СССР В.А. Крючков был приглашен на встречу с членами международного женского клуба «33+1». В ходе своего выступления перед собравшимися он рассказал о некоторых женщинах, которые работали в подразделениях разведки и контрразведки. Благодаря политике некоторой открытости, наметившейся в те годы в деятельности самой секретной организации страны (была создана пресс-служба КГБ, его руководители начали встречаться с журналистами, с представителями общественности, выступать в трудовых коллективах), участницы встречи впервые услышали о скромной труженице, рядовой сотруднице советской внешней разведки полковнике Марине Ивановне Кириной, чья жизнь и работа оставались до того дня за семью печатями секретности. Однако и сегодня, несмотря на то, что ее имя рассекречено, пока еще рано рассказывать в деталях о ее деятельности в подразделении нелегальной разведки нашей страны.

Глава XIII

В СТРАНЕ ЦВЕТУЩИХ ХРИЗАНТЕМ

Ее путь в Японию пролегал через третью страну, где разведчица прожила много месяцев. Там она по легенде являлась дочерью богатого уйгура, который якобы вместе с семьей эмигрировал из России еще до революции. В свидетельстве о рождении, выданном местным муллой, арабской вязью было указано, что она родилась в китайском Туркестане.

После «акклиматизации» она вылетела в соседнюю страну, где ее ожидал жених. Через четыре месяца они зарегистрировали брак. Молодожены постепенно перебирались поближе к Японии, в которой им предстояло работать в годы «холодной войны». В стране цветущих хризантем «Бир» и «Халеф» (такими были оперативные псевдонимы разведчиков-нелегалов) провели почти четырнадцать лет.

Она готовилась стать актрисой. Туркменская девочка Биби-иран (Ирина) Алимова, родившаяся в июне 1920 года в городе Мары, училась на втором курсе рабфака в Ашхабаде, когда ей неожиданно предложили сниматься в кино. И не просто сниматься в массовых сценах, а стать профессиональной киноактрисой.

Отец Ирины, Карим Алимов, воевал на фронтах Гражданской войны. После ее окончания поселился в родном городе Мары, в глинобитной мазанке, оставшейся от родителей. Вскоре он обзавелся семьей, у него родились трое детей. Карим-ага стал часовщиком и одновременно занимался изготовлением ювелирных изделий. Слава о его мастерстве вышла далеко за пределы Мары, и в 1928 году в дом к скромному часовщику, чья семья едва сводила концы с концами, пожаловали гости из персидского консульства. Они посулили Кариму хорошую работу и предложили переехать в Тегеран. Однако он отказался. Позже Карим вместе с семейством переехал в Ашхабад, где Ирина пошла в школу. Красивая девочка охотно участвовала в художественной самодеятельности и уже со школьных лет думала о том, чтобы посвятить себя сцене.

Но в театральный институт она не пошла. После окончания школы поступила на рабфак при сельхозинституте, решив стать ветеринаром-хирургом. Здесь-то на нее и обратили внимание работники студии «Туркменфильм» и пригласили сниматься в кинофильме «Умбар». Этот фильм вышел на экраны за несколько лет до войны. Ирина сыграла в нем роль возлюбленной Умбара. К ней пришла слава: молодую актрису узнавали на улице, многочисленные поклонники писали ей письма.

После дебюта в кино Ирину Каримову направили учиться актерскому мастерству в Ленинград, в мастерскую знаменитого режиссера Г. Козинцева.

Позже Ирина Каримовна вспоминала:

«В Ленинграде я встретила со многими известными советскими артистами: Тамарой Макаровой, Яниной Жеймо, Зоей Федоровой, Яковом Свердлиным, Петром Алейниковым и видными режиссерами: Хейфицем, Зархи, Траубергом, Роммом, Герасимовым. Они хвалили и одобряли меня, говорили, что у меня есть хорошие перспективы стать настоящей актрисой».

В 1939 году Алимова закончила обучение и по распределению была направлена в Ташкент, на киностудию «Узбекфильм», где ей была обещана главная роль в новом узбекском кинофильме. Перед Ириной, которой было всего девятнадцать лет, открывалась блестящая перспектива киноактрисы. Однако судьба распорядилась по-иному.

Пока шла подготовка к новой роли в кино, грянула Великая Отечественная война. Ирина, подобно тысячам других молодых людей, пошла в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Правда, Ирину направили не на фронт, а в военную цензуру. Так осенью 1941 года она стала сотрудником органов государственной безопасности. В военной цензуре Ирина прослужила всю войну, вместе с действующей армией прошагала по военным дорогам Украины и Польши. В Кракове встретила Победу, затем служила в Чехословакии и Австрии. После демобилизации возвратилась домой, в Ашхабад, где ее ждали постаревшие родители. Однако продолжить довоенную карьеру киноактрисы Алимовой не пришлось. Семья бедствовала, и Ирина решила временно поработать в местной контрразведке, в ее подразделении наружного наблюдения. Здесь она приобрела опыт конспиративного наблюдения за объектами, выявления слежки и ухода от нее, что ей пригодилось в дальнейшем при работе за рубежом разведчиком-нелегалом.

В начале 1947 года Ирину вдруг вызвали в Москву, на Лубянку. В Ашхабаде ее предупредили не говорить никому ни слова об этом вызове.

По дороге в известное всей Москве серое здание на площади Дзержинского Ирина размышляла о причинах столь необычного вызова. В бюро пропусков на Кузнецком Мосту ее встретил сотрудник отдела, в котором предстояло работать будущей нелегальной разведчице. Вручив ей пропуск, он проводил Ирину в просторный кабинет. Хозяин кабинета Александр Коротков, сам бывший разведчик-нелегал, предложил ей сесть и после разговора на общие темы сказал:

— Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу во внешнюю разведку? Я имею в виду, что вам предстоит вести разведку за рубежом с нелегальных позиций, под чужим именем и в качестве иностранки. Мы понимаем, что дело это далеко не женское, выполнение заданий Центра порой связано с немалым риском для жизни. Вы знаете, какая сейчас международная обстановка: американцы открыто грозят Советскому Союзу, понесшему большие жертвы в Великой Отечественной войне, новой войной, на сей раз атомной. Мы должны знать планы США и нуждаемся в кадрах для нелегальной работы, чтобы быть в курсе замыслов потенциального противника. По своим данным вы подходите для работы в нелегальной разведке. Впрочем, вы можете отказаться от нашего предложения, это дело сугубо добровольное. Обдумайте все хорошенько, время у вас есть.

Ирина согласилась без колебаний.

Она прекрасно понимала, что просто так подобные предложения не делаются. Видимо, «наверху» хорошо изучили ее дело, навели соответствующие справки. Это и тревожило (что они там накопили?), и одновременно наполняло гордостью. Помолчав несколько секунд, Ирина вдруг спросила:

— Я слышала, что, когда наши разведчики возвращаются домой, их уничтожают. Это правда?

Александр Коротков и куратор Ирины переглянулись.

— Что за ерунда? Кто вам сказал такую тупость? — Затем, обращаясь к сотруднику своего отдела, не то одобрительно, не то с осуждением Александр Михайлович сказал — Гляди, какая смелая...

Полковник не покривил душой, назвав ерундой подобные утверждения. В послевоенный период репрессии против сотрудников внешней разведки, успешно выполнившей свой долг в годы военного лихолетья, прекратились. Однако подобные высказывания в разведке не поощрялись и могли доставить неприятности. К счастью, для Ирины этот разговор не имел негативных последствий.

Много лет спустя, когда уже завершилась заграничная командировка

Ирины Каримовны, она с большой теплотой вспоминала своего первого начальника Управления нелегальной разведки Александра Михайловича Короткова.

«Он был весьма решительным человеком, — рассказывала разведчица. — В предвоенные годы Александр Михайлович работал в нацистской Германии. Имел непосредственное отношение к антифашистской организации, известной под названием «Красная капелла» Иностранцам он представлялся Александром Эрдбергом. Коца началась война, Коротков с риском для жизни выехал из советского посольства, уже блокированного эсэсовцами, чтобы передать немецким антифашистам радиостанцию и условия связи на военный период. Он прошел путь от лифтера в ОГЛУ до одного из начальников внешней разведки, стал генералом. Долгие годы Александр Михайлович возглавлял управление нелегальной разведки, был мастером своего дела. Как профессионал, он не имел себе равных.

Коротков руководил разведчиками, большинство из которых прошли войну, были ранены, получили правительственные награды. Иными словами, людьми взрослыми, достаточно опытными и в профессиональном плане, и чисто в житейском. Поэтому спрос с них был иной, нежели с молодежи, пришедшей в разведку после института. В случае серьезных промахов или проступков он мог принять решения и крутые, и жесткие. Правда, никто из подчиненных на него не обижался, потому что никто не мог вспомнить, чтобы генерал накладывал взыскание или даже просто учинял словесную выволочку ни за что.

Несмотря на занимаемое им высокое служебное положение, Александр Михайлович не гнушался общением с рядовыми сотрудниками разведки. Он мог сыграть с ними в волейбол, постучать костяшками домино, пригласить к себе в гости... И в этом не было ничего показного: чиновничье чванство было ему органически чуждо. Именно за эти качества он пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе».

После беседы у начальника Управления нелегальной разведки для Ирины началась кропотливая подготовка к работе за рубежом: изучение иностранных языков с персональными преподавателями, вживание в образ эмигрантки, отработка легенды-биографии. Достаточно сказать, что Ирина Каримовна за годы учебы овладела турецким, уйгурским, фарси, английским и немецким языками. Все эти языки ей весьмагодились в будущей нелегальной работе.

Выбор Ирины Алимовой в качестве разведчика-нелегала не был, разумеется, случайным. Большую роль в этом сыграла... ее профессия

актрисы.

Известный американский разведчик и контрразведчик Чарльз Россель, выступая с курсом лекций в далеком 1924 году в Нью-Йорке перед офицерами запаса армии США — сотрудниками спецслужб, уже в то время подчеркивал: «Хороший разведчик должен быть превосходным актером. От того, как вы играете свою роль, зависит не только успех вашего дела, но также и жизнь многих товарищей. Вы должны не только владеть вашими чувствами, но и мимикой. Никогда не допускайте, чтобы язык говорил одно, а глаза другое. Будьте бдительны, не забывайте о своей роли».

Эти наставления специалиста актуальны и по сей день. Хорошо известно, что любому разведчику, особенно нелегальному, в жизни приходится играть множество ролей. Подготовка Ирины в качестве разведчика-нелегала длилась несколько лет. Приставленные к ней персональные преподаватели — носители языков, которыми ей предстояло овладеть, «натаскивали» будущую разведчицу по десять — двенадцать часов в день.

Сначала она активно изучала немецкий язык, поскольку ее готовили для работы в Австрии. Для углубленного изучения языка будущую разведчицу отправили в Германскую Демократическую Республику. В соответствии с легендой, она, турчанка по национальности, часто выезжала в Лейпциг, где якобы разыскивала своих родственников. Для подтверждения этой легенды она изучала также турецкий и персидский языки. Однако вскоре легенда Ирины вновь изменилась. Ее стали готовить для работы в Японии. Изменилась и система ее подготовки.

Ирине предстояло овладеть не просто, предположим, английским языком, но именно тем его диалектом, на котором говорят жители «ее родины». Но Ирина училась не только языкам. Ей необходимо было вжиться в роль, усвоить, как общаются люди в стране, из которой она якобы происходила, что и как едят, как ведут себя за столом, во что одеваются представители ее круга, какие взаимоотношения существуют в различных социальных слоях. При подготовке учитывалась ее легенда. В соответствии с ней, Ирина происходила из семьи уйгуров, эмигрировавших до революции из России в китайский Туркестан. Семья постоянно проживала в Кашгаре. Поэтому ей необходимо было вжиться именно в роль дочери уйгуров-эмигрантов. Только после того, как легенда Ирины была полностью отработана, было принято решение отправить ее в Японию.

Такое решение не было спонтанным. Обстоятельства сложились так, что к 1953 году в этой стране не было резидентуры нашей внешней разведки, а советское руководство нуждалось в достоверной информации о

происходящих в ней процессах, об отношениях Японии с другими странами. Однако отсутствие дипломатических отношений с Японией не позволяло создать там «легальную» резидентуру. Дело в том, что 26 июля 1945 года конференция «Большой тройки» в Потсдаме опубликовала специальную декларацию о Японии, в которой содержалось требование к Токио о безоговорочной капитуляции. В документе говорилось, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний», а также ликвидирован «безответственный милитаризм». В декларации подтверждалось, что «должны быть выполнены» условия Каирской декларации об ограничении японского суверенитета над островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и над теми менее крупными, «которые мы укажем».

В декларации отмечалось, что для достижения указанных целей необходимо оккупировать Японию, но «оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет утверждено мирно настроенное ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа». Заметим, что эти цели были достигнуты союзниками еще в 50-х годах прошлого столетия, однако до наших дней продолжается американская оккупация Японии.

8 августа 1945 года Советский Союз, верный обязательствам, принятым на Потсдамской конференции, объявил войну милитаристской Японии. 9 августа Советская армия начала боевые действия в Маньчжурии против миллионной Квантунской армии. Через пять дней, 14 августа, эта армия капитулировала. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» японская делегация подписала акт о безоговорочной капитуляции. Советскую сторону при подписании акта представлял генерал-лейтенант Деревянко.

На конференции в Сан-Франциско были определены параметры послевоенного устройства Японии. Эта страна была оккупирована американскими войсками под командованием генерала Макартура. Согласно достигнутому в декабре 1945 года в Лондоне соглашению, контролировать выполнение Японией условий капитуляции должны были Союзнический совет и Дальневосточная комиссия. Однако фактическая власть в стране принадлежала командующему американским оккупационным корпусом генералу

Макартуру. Советская внешняя разведка работала в Японии под прикрытием советской части Союзнического совета и Дальневосточной

комиссии, однако в 1950 году, в связи с войной в Корее, деятельность советской части этих организаций прекратилась и разведка лишилась легального прикрытия. Центр принял решение о работе в Японии с нелегальных позиций.

Одними из таких разведчиков-нелегалов и предстояло стать Шамилю Абдуллазяновичу Хамзину и Ирине Каримовне Алимовой.

Из оперативной справки на Шамиля Хамзина:

«Родился в 1915 году в Архангельске, в татарской семье. В 1923 году семья переехала в Казань, где Хамзин учился в средней школе. После окончания школы он поступил в Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина) на факультет приборостроения. Тема дипломной работы: «Управление с самолета торпедными катерами по радио». Перед самым началом Великой Отечественной войны получил диплом инженера-электрика. Работал на военном заводе в Москве, где был принят в партию. В 1946 году Хамзину предложили перейти на работу в НКГБ, в одно из подразделений внешней разведки. Окончил специальную разведывательную школу. В совершенстве знает уйгурский, турецкий, арабский, английский и румынский языки, не считая родного татарского и русского».

Профессиональный разведчик, татарин по национальности, «Халеф» (таким стал оперативный псевдоним Хамзина) мог легко выдавать себя за араба. К тому же он свободно владел арабским языком. Именно поэтому, сразу же после соответствующей подготовки, он начал активно работать с нелегальных позиций на Ближнем Востоке. Однако вскоре Центр принял решение постепенно вывести разведчика в Японию, где он должен был организовать и возглавить работу нелегальной резидентуры.

В 1952 году «Халеф» под видом уйгура Энвера Садыка приехал в китайскую провинцию Тяньцзинь. Он быстро вошел в местную мусульманскую общину, стал одним из ее руководителей и даже помощником муллы. В дальнейшем к «Халефу» в Китае должна была присоединиться Ирина Алимова, которой предстояло выдать себя за его невесту. В Японии им необходимо было обосноваться в качестве добропорядочной супружеской пары эмигрантов.

...Дорога в Страну цветущих хризантем началась для Ирины в 1953 году с поездки в Европу. Разведывательных заданий перед ней в ходе той поездки не ставилось: Ирина должна была лишь проверить надежность своих новых документов, вжиться в облик иностранки. Осенью того же года, успешно справившись с поставленными перед нею задачами, Ирина возвратилась в Москву. Ей дали кратковременный отпуск для посещения

родных, проживавших в Ашхабаде. А в самом начале 1955 года молодая разведчица, которой был присвоен оперативным псевдонимом «Бир», выехала в свою основную командировку.

Путь в Японию был непрост. Сначала нужно было въехать в третью страну, где предстояло прожить несколько месяцев под вымышленным именем. Только убедившись, что ее пребывание там не привлекает внимания местных спецслужб, «Бир» следовало сменить документы и под соответствующей легендой выехать на Восток Китая якобы для встречи с женихом, также «сыном эмигрантов из России», который, проживая там, занимался небольшим бизнесом в соседней Монголии, а затем решил эмигрировать из страны. К нему «Бир» и ехала для того, чтобы сочетаться браком.

Прибыв в Турцию, «Бир» находилась там несколько месяцев, чтобы немного освоиться. После того как стало ясно, что обстановка вокруг нее остается нормальной, «Бир» самолетом вылетела в китайский город Урумчи, где компактно проживали местные мусульмане. Здесь разведчица окончательно доработала свою легенду, согласно которой она являлась дочерью богатого торговца-уйгура, которая собирается выйти замуж за уроженца своего родного города Энвера Садыка, с которым была помолвлена.

Убедившись в том, что легенда «срабатывает», а обстановка вокруг нее остается спокойной, «Бир», в соответствии с планом, разработанным в Центре, поездом отправилась к жениху, которого знала только по фотографии. Их встреча должна была состояться на вокзале портового китайского города Тяньцзинь, являвшегося «морскими воротами» столицы Китая Пекина. Будущий супруг несколько дней подряд приезжал на вокзал, чтобы встретить ее, однако напрасно. В день прибытия разведчицы он также приехал на вокзал, но в справочном бюро ему сообщили, что поезда из Пекина не будет, и он уехал. На самом деле пекинский поезд сильно опоздал, и разведчицы не смогли встретиться.

В два часа ночи «Бир» оказалась одна на перроне вокзала незнакомого города. Убедившись в том, что ее никто не встречает, разведчица решила отправиться в отель, но тут почувствовала на себе пристальный взгляд полицейского. Неподалеку на площади находился рикша с повозкой, ожидавший пассажиров. Ирина подозвала его жестом руки. Полицейский также тронулся в ее сторону. Когда страж порядка приблизился к ней, «Бир» сказала по-уйгурски:

— Что-то здесь темно. Не мешало бы улучшить освещение площади.

Услыхав знакомую речь, полицейский, оказавшийся тоже уйгуром,

улыбнулся и козырнул. А «Бир» протянула вещи рикше и небрежно сказала:

— В центральную гостиницу.

В гостинице ей удалось без проблем получить отдельный номер, если так можно назвать комнату, двери которой не имели запоров. «Бир», не раздеваясь, села на кровать и стала терпеливо ждать рассвета. Из соседних номеров доносились шумные голоса, выкрики, пение: видимо, подвыпившая компания праздновала какое-то событие.

В пять утра в номер вошел какой-то человек, одетый в нижнее белье. Он молча направился к находившейся в углу комнаты печке и стал ее растапливать. Сделав свое дело, он так же молча удалился. «Бир» не произнесла ни слова. Позднее она узнала, что ее поведение было правильным: это истопник гостиницы по очереди затапливал печи в номерах, и всякие разговоры с ним были бы неуместны.

На следующий день «Бир» встретила с женихом по запасному варианту в городе, возле универмага. Через четыре месяца они сыграли свадьбу. Каждый из новобрачных оставил свою фамилию, хотя для окружающих они были Энвер и Хатыча Садык.

Следует подчеркнуть, что уже при первой встрече «Бир» и «Халеф» понравились друг другу. Забегая вперед, отметим, что весь долгий срок пребывания в Японии они, создавшие семейную пару по воле Центра, жили дружно и счастливо. Семейный союз их продолжался и после выхода в отставку.

Теперь разведчикам предстоял наиболее трудный этап выполнения задания Центра — они должны были отправиться в Японию, где им предстояло работать. Однако после войны Япония находилась под фактической оккупацией США, и получить разрешение на постоянное проживание там для иностранцев было чрезвычайно трудно.

Новоявленная супружеская пара показала себя радушными и гостеприимными хозяевами. Их большой дом в голландском сетгельменте Тяньцзиня всегда был полон эмигрантами-мусульманами (не забудем, что «Халеф» был в свое время помощником муллы). Это гостеприимство и благотворительность создавали супружеской паре прекрасную репутацию. Одна хорошая знакомая, владевшая в Японии небольшим участком земли, предложила супругам Садык купить ее участок. Это обстоятельство значительно упростило разведчикам переезд в Японию. Помогли и запасенные заранее рекомендательные письма от ряда японских общественных деятелей, с которыми они успели познакомиться, и от религиозных организаций. Сделка по приобретению участка земли в

Японии состоялась, и супруги выехали в Гонконг.

Здесь они обратились в американскую миссию Красного Креста с просьбой помочь перебраться в Японию, где у них имеется земельная собственность. Сотрудники миссии, наведя справки, дали рекомендации супругам, которые, в свою очередь, обратились в генконсульство Японии, предъявив рекомендательные письма и документы на земельный участок. Это давало им право получить временный вид на жительство, который следовало продлевать каждый год.

Обосновавшись в Гонконге, являвшемся в то время британской колонией, «Бир» и «Халеф» сняли двухэтажный домик и открыли в нем галантерейный магазин. Поначалу дела «коммерсантов» шли не очень успешно: сказывался недостаток опыта. Однако «Бир» занялась вышиванием и наладила изготовление воротничков, которые в ту пору были в моде и пользовались спросом. Чтобы завести полезные знакомства, разведчики-нелегалы регулярно посещала местный американский клуб. «Бир» записалась также в женский клуб.

Через полтора года разведчики, используя появившиеся связи, получили, как уйгуры-беженцы из Китая, гражданство Тайваня и паспорта, с которыми можно было разъезжать по всему миру.

Все складывалось довольно удачно. Однако вскоре «Бир» и «Халеф» заметили пристальное внимание к себе со стороны британской контрразведки. Ее агенты появлялись в различное время суток возле дома нелегалов, заходили в дом под надуманными предлогами, когда супруги отсутствовали, опрашивали прислугу об их образе жизни, привычках, знакомых. Это серьезно встревожило разведчиков, которые терялись в догадках относительно повышенного внимания к ним со стороны местных спецслужб. К счастью, разгадка довольно быстро выяснилась. Оказалось, что один из эмигрантов из России, человек с темным прошлым, невзлюбил их и стал открыто говорить в клубе, что они — не те люди, за которых себя выдают. Узнав об этом, «Бир» пошла в посольство Тайваня и попросила защитить ее семью от оскорблений эмигранта-белогвардейца. Этот шаг принес результаты: слежка за ними заметно ослабла, а вскоре и вовсе прекратилась.

Осенью 1954 года «Бир» и «Халеф» под видом торговцев продуктами питания выехали из Гонконга в Японию. Они следовали через японский порт Кобе, расположенный на западном побережье страны. При пересечении границы разведчики использовали тайваньские паспорта.

До 1945 года Тайвань был колонией Японии. В результате безоговорочной капитуляции японской военщины в сентябре 1945 года

колониальный статус этого острова был отменен. Однако вне Японии остались тысячи людей, которые имели японские и тайваньские паспорта и намеревались возвратиться в «страну Ямадо». Для них был установлен более либеральный въездной режим по сравнению с гражданами других стран. Этим и воспользовались «Бир» и «Халеф».

Перед отъездом в страну своей разведывательной деятельности нелегалы встретились с представителем Центра, который, дав им последние инструкции и наставления, сказал: «Мы потеряли в Японии связь со всей агентурой. Информация по проблемам данной страны не поступает в Москву вот уже несколько лет.

Некоторое время вы будете там единственными источниками информации. На вас возлагаются большие надежды».

Прибыв в Японию, супруги Садык обосновались на некоторое время в портовом городе Кобе. Они продали за приличную сумму участок принадлежавшей им земли и на вырученные деньги приобрели небольшой двухэтажный дом. Первый этаж они заняли сами, а второй сдали двум американцам.

Пройдя «период акклиматизации», «Халеф» и «Бир» перебрались в Токио, где стали компаньонами в одной из экспортноимпортных фирм. Они купили двухэтажный дом и открыли на первом этаже собственный магазин. Фирма и магазин являлись для супругов надежным прикрытием в их разведывательной деятельности.

Перед нелегалами были поставлены следующие основные разведывательные задачи: собирать информацию относительно перевооружения Японии, наблюдать за процессом формирования японских сил самообороны и развитием двусторонних связей с США в военной области. В одной из шифровок Центра они были конкретизированы следующим образом:

«Предметом особой заинтересованности на ближайшее время должны стать следующие вопросы:

1. Взаимоотношения Японии с США: насколько они тесны, в каком русле будут впредь развиваться;
2. Политика Японии в отношении СССР;
3. Насколько сильны тенденции милитаризации экономики и воссоздания армии: ее структура, финансирование, вооружение, возможные планы совместных учений и боевых действий с США».

Разведчики приступили к выполнению заданий Центра. Учитывая, что Москву в первую очередь интересовали планы США по ремилитаризации Японии и втягиванию ее в военные блоки, они сосредоточили свое

внимание на данной проблеме. Вскоре «Бир» сообщила в Центр:

«Под видом создания новых полицейских отрядов в Японии началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации Японии держатся в глубокой тайне, ибо это является серьезным нарушением взятых Токио на себя обязательств по демилитаризации страны в ходе международной конференции в Сан-Франциско. В ближайшие годы предполагается таким образом увеличить численность японской армии вдвое. Правительством страны заключены секретные контракты с целью развития военной промышленности. Местной прессе запрещено публиковать какую-либо информацию по данной проблеме».

Такие сообщения представляли исключительную важность, поскольку о милитаризации Японии Москве в то время было известно очень мало.

«Бир» выполняла в первую очередь обязанности радиста-шифровальщика нелегальной резидентуры. Однако эта довольно объемная работа не освобождала ее от необходимости периодически решать конкретные разведывательные задания Центра. Одновременно «Бир» вела активное изучение перспективных кандидатов на вербовку, поддерживала связь с агентами — источниками информации, обрабатывала поступавшую в резидентуру разведывательную информацию и готовила оперативные письма в Центр.

В 1955 году она радировала в Центр:

«Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием».

Эту информацию разведчики смогли получить благодаря знакомству с американским солдатом турецкого происхождения. «Торговая компания» супругов Садык стала вторым домом для

прибывавших в Японию на отдых турецких военнослужащих. Во время войны в Корее на Корейском полуострове под флагом ООН находился контингент турецких войск. После подписания соглашения о перемирии в Корее в 1953 году эти военнослужащие вошли в контингент ООН по поддержанию мира. «Бир» и «Халеф» свободно владели турецким языком, поэтому неудивительно, что турецкие военнослужащие проявляли к ним интерес.

Приглашая к себе в гости турецких офицеров, разведчики-нелегалы получали от них интересующую Москву информацию. Для заведения полезных контактов и получения важных сведений о действиях войск США в Южной Корее «Бир» использовала также общественный женский клуб, в котором за чашкой чая собирались жены иностранных дипломатов и офицеров.

Получаемую таким образом устную информацию разведчики в большинстве случаев перепроверяли визуально. Однажды они возвращались домой ночью в сильный ливень по сельской дороге, которая проходила через гористую местность. Неожиданно за поворотом они увидели, что дорога размыта. «Халеф» попытался затормозить, однако было уже поздно. Машина не слушалась тормозов и медленно сползала под откос.

— Прыгай! — приказал «Халеф».

— Прыгай сам, ты нужнее! — возразила «Бир».

— Прыгай! — закричал «Халеф», пытаясь справиться с непослушным рулем.

«Бир» открыла дверцу автомашины и выпрыгнула, вслед за ней успел выскочить и «Халеф». К счастью, разведчики-нелегалы отделались легкими ушибами, а машину удержало росшее чуть ниже дерево.

Супруги переночевали в ближайшем поселке, а утром следующего дня автомашину извлек из оврага вызванный ими тягач. Оставив автомобиль для ремонта в ближайшей мастерской, супруги взяли напрокат другую машину и на ней добрались до Токио. Задание Центра было выполнено в срок и без серьезных потерь.

Были в их разведывательной практике и другие подобные случаи. Однажды автомашина, которой управлял «Халеф», столкнулась со встречным автомобилем. Разведчик получил травму ноги и не мог ходить. А в тот вечер ему предстояло заложить в тайник контейнер с материалами, предназначенными для Центра.

«Бир» вызвалась заменить мужа при выполнении этой разведывательной операции.

— Как ты поедешь одна, поздней ночью в глухой городской район, в котором и днем-то трудно разобраться в лабиринте улочек? — спросил он.

— Другого выхода нет: не можем же мы сорвать операцию, — спокойно возразила она. — Ничего, как-нибудь разберусь, все будет нормально.

«Бир» успешно выполнила задание. В нужный район она добралась около полуночи. Возле остановки городского транспорта спали бездомные, забравшись в картонные коробки, и к месту закладки тайника ей пришлось идти, перешагивая через их торчащие ноги. Прохожие в ночное время старались обходить стороной этот беспокойный квартал. Именно это и давало шанс на то, что закладка тайника останется незаметной и не привлечет внимания посторонних.

Вскоре в Центр ушла важная телеграмма, подписанная коротким

псевдонимом разведчицы:

«Хорошо информированный источник сообщает о планах создания американцами новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Япония, Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Новая Зеландия и Австралия. Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Создание такой группировки явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии».

Это была информация, как говорится, на опережение. Последующее развитие событий полностью подтвердило сведения разведчиков. На Учредительной конференции, которая проходила 14–16 июня 1966 года в Сеуле (Южная Корея) и в которой приняли участие министры иностранных дел перечисленных в телеграмме стран, была создана новая военно-политическая группировка, тесно связанная с США, — Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК).

На счету у «Бир» и «Халефа» было множество успешных разведывательных операций. Достаточно сказать, что их оперативное дело состоит из двадцати двух томов общим объемом свыше семи тысяч страниц! В нем сосредоточены донесения разведчиков, поступившие на Лубянку за тринадцать с лишним лет их нелегальной работы в Японии.

Из документов переписки «Бир» и «Халефа» с Центром следует, что одним из серьезных достижений разведчиков было приобретение сделанных с воздуха фотоснимков военных баз США в Японии, мест дислокации японских сил самообороны и их военных аэродромов. Все эти сведения, переданные нелегалам надежным источником, получили самую высокую оценку Центра, ибо в ту пору у Москвы не было ясного представления о военных программах Токио и о степени их угрозы Советскому Союзу.

Бывали и другие случаи, когда разведчики получали крайне важную документальную информацию, насчитывавшую не один десяток страниц. Документы срочно фотографировались и в пленке передавались связнику Центра. Позже «Бир» вспоминала, как ее муж заболел, а ей пришлось поздно ночью встречаться со связником в районе императорского парка. Было темно, идти туда было страшно, к тому же на встречу пришлось добираться пешком.

По дороге к месту встречи «Бир» беспокоил лишь один вопрос: что делать с материалом, если случится что-то непредвиденное? Например, остановит полиция и проверит документы. Однако все прошло благополучно: слежки за собой «Бир» не обнаружила, связник прибыл на

место встречи в точно назначенное время. Он забрал документы и поблагодарил разведчиков за успешно выполненное задание.

За все время пребывания в Японии «Бир» и «Халеф» лишь один раз были в отпуске на Родине. Это путешествие до Москвы заняло немало времени. Чтобы сбить спецслужбы противника со следа, разведчики туристами выехали в Европу, посетили Францию, Испанию, Италию, Швейцарию... Поскольку жители Японии являются мировыми лидерами в области туризма и любят колесить по всему свету, подобная поездка разведчиков-нелегалов не привлекла внимания спецслужб. В Советский Союз они прибыли тайно, через нейтральную страну. А из Москвы в родной Ашхабад летели уже вполне легально, с советскими документами.

Разведчикам показалось, что отпуск пролетел, как один день. В Японию они добирались снова через Западную Европу. Потом долго рассказывали знакомым и друзьям о красотах Венеции, соборах Рима, достопримечательностях «столицы мира» Парижа...

Снова началась повседневная кропотливая работа. Даже дома, оставшись наедине, они не могли расслабиться и разговаривали только по-уйгурски.

«Однажды мы пошли в кино на советский фильм, — вспоминала позже Ирина Каримовна. — Только в середине фильма я заметила, что, прекрасно понимая русскую речь, все же добросовестно читаю титры на японском языке и по этим титрам воспринимаю его».

Хотя слезки за разведчиками не отмечалось, они постоянно были начеку. Однажды в поездке по Японии они остановились в гостинице и решили провести небольшой эксперимент. Поставили телефонный аппарат на диван и как бы случайно закрыли его подушкой. Через некоторое время в дверь номера вежливо постучали, вошел молодой человек, представился телефонистом и, извинившись, сказал, что хочет проверить, как работает телефонный аппарат.

Работа на износ сказалась на здоровье «Бир». И вот после длительного пребывания в Стране цветущих хризантем разведчики наконец получили долгожданную телеграмму из Центра, в которой сообщалось о том, что вскоре они могут возвратиться на Родину.

Путь супругов в Москву вновь лежал через Европу. «Бир» и «Халеф» уезжали тихо, с одним чемоданом. Для знакомых это была обычная деловая поездка, связанная с делами их торгового дома. Жарким летом 1966 года в московском аэропорту «Шереметьево» их встречал представитель нелегальной разведки, который поздравил супругов с успешным завершением служебной командировки.

В 1967 году майор Алимова вышла в отставку. Ее муж полковник Хамзин еще неоднократно выезжал в служебные заграничные командировки для выполнения специальных заданий Центра, в том числе — по восстановлению связи с ценными источниками в странах со сложной оперативной обстановкой. От него в Центр поступала важная информация о создании в странах НАТО «оружия первого удара». Он также получил сведения о секретных работах по созданию атомного оружия в тех странах, которые ранее его не имели. В общей сложности Хамзин провел на нелегальной работе в различных странах более двадцати лет. В 1980 году он вышел в отставку. Скончался в 1991 году.

За успешное выполнение специальных заданий разведчики-нелегалы были награждены многими орденами и медалями.

Выйдя в отставку, Ирина Каримовна не прекращает активной общественной работы. Она встречается с молодыми разведчиками, журналистами, писателями. В ходе одной из бесед с генералом Павловым, бывшим одно время ее непосредственным начальником в Центре, Ирина Алимова подчеркивала:

«Я всю жизнь играла очень трудную роль, только без дубляжа и суфлеров. Ошибиться было нельзя — за нами стояла огромная страна, которая не должна была пострадать из-за наших срывов.

Мы с «Халефом» самозабвенно отдавались своей работе разведчиков. Что касается трудностей и нервного напряжения, то их было много. Но ведь и в любой другой профессии их, своих трудностей, хоть отбавляй.

И сейчас я могу с уверенностью сказать, что если бы пришлось жить заново, я снова избрала бы прежний путь».

Глава XIV

НЕЛЕГАЛЫ НА СВЯЗЬ НЕ ВЫШЛИ

Вечером 9 октября 1970 года в квартиру владельца небольшой экспортно-импортной конторы в Буэнос-Айресе Ладислао Мескониса ворвались вооруженные агенты аргентинской службы безопасности СИДЕ. Хозяин квартиры, готовившийся к поездке в Чили, в это время принимал душ. Аргентинские контрразведчики связали руки Месконису брючным ремнем и вывели его в гостиную, где было полно народу, в том числе — представители вездесущего ЦРУ США. Вместе с Ладислао была арестована и его жена Ирмгард, а также их малолетние дочери, старшей из которых было шесть лет, а младшей — всего девять месяцев. При допросе в полицейском участке Месконису и его жене было предъявлено обвинение в принадлежности к советской нелегальной разведке. Разведчикам стало ясно, что их провал — результат предательства. Однако, чтобы доказать это, Вадиму Михайловичу и Ларисе Васильевне Майоровым потребовалось более двадцати лет.

Со своим будущим мужем Вадимом Майоровым Лариса познакомилась в середине 1958 года на свадьбе у подруги, свидетельницей которой она была. Вадим, родившийся в 1932 году на Украине, успел к этому времени окончить Ленинградский институт КГБ, который готовил переводчиков, и двухгодичную школу внешней разведки. Учеба давалась ему легко, и он в совершенстве овладел английским, французским и греческим языками. После окончания Высшей разведывательной школы в 1957 году Вадиму предложили позаниматься по индивидуальной программе. Он понял, что речь идет о возможной работе с нелегальных позиций, и дал на это свое согласие. К моменту знакомства с Ларисой подготовка Вадима к выезду в заграникомандировку по линии нелегальной разведки близилась к завершению.

Вадим сразу обратил внимание на прелестную блондинку и протанцевал с ней весь вечер. Молодые люди стали встречаться, вдвоем им было хорошо и интересно. Однако вскоре в их отношениях произошел

непредвиденный перерыв: Лариса не смогла прийти на очередное свидание, а буквально на следующий день сам Вадим, в соответствии с разработанной для него оперативной легендой-биографией, уехал в дальний подмосковный совхоз, чтобы освоить специальность механизатора сельского хозяйства, научиться управлять различной сельскохозяйственной техникой. Эти навыки должны были пригодиться ему в ходе предстоящей заграничной командировки.

Вновь они встретились только через несколько месяцев и больше не расставались. Лариса решила навсегда связать свою судьбу с Вадимом. Коренная москвичка, она окончила медицинское училище. Мечтала о медицинском институте, но решила пройти по ступеням профессии от начала до конца. Работала в одном из медицинских научно-исследовательских институтов, занимавшимся проблемами борьбы с полиомиелитом.

...Свадьбу молодые люди назначили на середину 1959 года, когда из командировки в Арктику должен был вернуться отец Ларисы, служивший полярным радистом. Незадолго до свадьбы Лариса решила познакомить своего будущего мужа с матерью и бабушкой. Вадим произвел очень хорошее впечатление на ее близких родственников, отличавшихся строгим нравом. 6 июня 1959 года они поженились. Но даже перед свадьбой Вадим, не имея на то разрешения руководства, не сказал Ларисе, к какой работе готовится.

После свадебного путешествия по Кавказу молодые решили завернуть в украинский город Умань, где проживали мать, бабушка и младший брат Вадима. Отца его к тому времени не было в живых: он погиб в автомобильной катастрофе в 1954 году. Родные одобрили выбор Вадима и хорошо приняли его жену.

Руководители Вадима Майорова положительно отнеслись к его женитьбе. Однако поскольку его подготовка в качестве сотрудника нелегальной разведки близилась к завершению, было принято решение направить «Веста» (таким был оперативный псевдоним разведчика) в долгосрочную командировку на первом этапе одного. Ему предстояло сначала осесть в Аргентине, а затем попытаться перебраться на жительство в Соединенные Штаты. Такое решение объяснялось прежде всего тем, что после провала в США разведчика-нелегала Рудольфа Абеля оперативная работа в этой стране была сильно затруднена, и Центр стремился как можно быстрее восполнить понесенные разведкой потери.

Настало время, и Ларису вызвали на Лубянку Узнав, что мужу предстоит работа в нелегальных условиях, она сразу твердо заявила: поеду

с ним.

Руководство нелегальной разведки приняло решение организовать индивидуальную подготовку Ларисы, а затем направить ее к мужу в качестве радиста-шифровальщика и оперативного работника нелегальной резидентуры. Пройденные ею тесты показали, что у нее оказалась необыкновенная способность к языкам. Подготовка будущей разведчицы-нелегала заняла почти три года. Согласно разработанной в Центре легенде, Лариса должна была стать уроженкой Германии. Она была направлена в Германскую Демократическую Республику для углубленного изучения немецкого языка. Изучала она и английский язык, который был ей необходим для будущей работы в США. Одновременно Лариса проходила подготовку радиста, осваивала азбуку Морзе, работу на портативной радиостанции, обучалась приемам организации связи с Центром, шифровальному делу и прочим премудростям разведывательной работы.

А в это время муж Ларисы уже находился в Аргентине. Отслужив положенный срок в аргентинской армии, он работал скромным механиком в авторемонтной мастерской. В начале 1963 года «Вест» получил радиограмму из Центра. В ней говорилось: «Ваша жена успешно готовится к выезду, надейтесь на скорую встречу с ней». План этой встречи «Вест» прорабатывал вместе с Центром. Исполнитель он стал готовить свое окружение к предстоящему отъезду в Европу. Получил расчет в авторемонтной мастерской, устроил прощальный ужин, простился с приятелями. В середине июня 1963 года он пароходом «Прованс» отбыл в Европу через Бразилию, Сенегал и Марсель. Путешествие длилось две недели, и уже в первых числах июля «Вест» прибыл во Францию. Из Марселя поездом он отправился в Париж, а оттуда выехал в Швейцарию, где должна была состояться его встреча с женой.

Обосновавшись в Женеве, «Вест» получил очередную радиограмму Центра, в которой сообщалось, что выезд его жены намечен на август месяц. Условия встречи с ней ему должны были сообщить дополнительно. У разведчика оказалось в запасе свободное время, которое он решил использовать для знакомства со страной. Один раз в две недели Центр выходил на связь с нелегалом. И вдруг «Вест» узнает, что условия встречи изменены и что его жена уже находится в Дании и ожидает встречи с ним! Оказалось, что, путешествуя по Швейцарии, он остановился в отеле, расположенном у самого подножия горы. Из-за плохой слышимости передатчика Центра, вызванной горным рельефом местности, он пропустил последнюю радиограмму. Только ее повтор все поставил на свои места.

«Вест» срочно вылетел в Копенгаген, где снял комнату в центре

города. С Ларисой он смог встретиться только на третий день ее пребывания в датской столице.

«Веста» (таким стал оперативный псевдоним Ларисы) прибыла в Копенгаген из Западного Берлина. До этого она почти два с половиной года находилась в ГДР.

Вначале «Веста» проживала в Лейпциге, где снимала комнату у пожилой женщины, выдавая себя за русскую немку. Со смехом «Веста» рассказывала позже, что ее старушка-хозяйка относилась к ней испуганно-недоверчиво, поскольку разведчица избегала компаний мужчин. По ночам добропорядочная фрау даже поднималась к ней в комнату со свечой в руках, чтобы убедиться, что молодая и красивая женщина находится в спальне одна, а не привела к себе какого-нибудь бравого бурша.

Спустя некоторое время «Веста» устроилась на работу воспитательницей младших классов в немецкой школе и вскоре через своих учеников нашла другую комнату, которую сдавала в наем семья одной из ее учениц. Здесь обстановка была уже более спокойной: глава семейства, являвшийся членом Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), навел справки о своей жилитке в «компетентных органах» и, получив положительный отзыв, не докучал ей нескромными вопросами.

В Лейпциге «Веста» провела полгода и довольно свободно освоилась в немецкоязычной среде. Это было необходимо для закрепления начальной легенды-биографии, в соответствии с которой она являлась немкой по происхождению, приехавшей в ГДР из России.

Затем «Веста» по указанию Центра сменила документы и появилась в Дрездене в качестве дипломированной медсестры, проработавшей якобы некоторое время в одной из лейпцигских больниц. Там действительно работала девушка, внешне очень похожая на «Весту», которая уволилась и переехала на жительство в Магдебург. В случае проверки контрразведкой противника эту информацию могли бы подтвердить другие медицинские работники.

В Дрездене «Веста» самостоятельно устроилась на работу в большой госпиталь. Ее хорошо приняли, обеспечили жильем. В первый же день она вышла на ночное дежурство в послеоперационном отделении, поскольку госпиталь испытывал острую необходимость в младшем медицинском персонале. Первое «боевое крещение» «Веста» выдержала успешно, хотя ночное дежурство оказалось нелегким: в отделении было много тяжелых больных. Всю ночь напролет разведчица бегала из палаты в палату, делала уколы, выполняла обязанности санитарки и уборщицы.

«Весту» поселили в комнате на последнем этаже госпиталя, которую

она делила с молодой медсестрой Сабиной. Очень скоро они подружились. У Сабины был брат, которому «Веста» понравилась, и он начал за ней ухаживать. Однако разведчица, сославшись на то, что у нее есть жених в Берлине, отвергла ухаживания симпатичного молодого человека. Свои поездки в Берлин для встречи с кураторами она легендировала перед Сабиной и ее братом свиданиями со своим женихом. Впоследствии, когда у «Весты» в Аргентине родилась первая дочь, она назвала ее Сабиной в честь своей немецкой подруги.

Кураторы разведчицы в Берлине и Дрездене иногда передавали ей приветы от мужа. Однажды они даже вручили ей письмо, написанное по-английски. Весточка от мужа очень обрадовала разведчицу, подготовка которой к выезду в Аргентину заканчивалась.

В ГДР перед «Вестой» ставились и небольшие разведывательные задания. Она проводила мероприятия по проверке агентуры, организации встреч в различных населенных пунктах, изъятию документов из тайников. Все это делалось, как говорится, «в условиях, приближенных к боевым», и должно было пригодиться ей на нелегальной работе за океаном.

Накануне отъезда к мужу «Весту» отозвали в Москву для беседы с руководством нелегальной разведки. Она повидалась с родителями, отдохнула на море. Перед тем как покинуть Москву, «Веста» получила последние наставления относительно будущей работы. Вскоре она вылетела в Западный Берлин, откуда на следующий день отбыла в Копенгаген для встречи с мужем.

Прилетев в Копенгаген, разведчица сняла комнатку в частном доме, приобрела карту города, нашла на ней улицу и дом, где ей было необходимо поставить сигнал о своем прибытии, а вечером вышла на явку с «Вестом». Но на первую встречу он не явился. Не пришел и на второй день. «Веста» сильно волновалась, в первую очередь за мужа. О себе она не думала — путь к возвращению на случай непредвиденных обстоятельств для нее был проработан до мельчайших деталей. Наконец долгожданная встреча состоялась. Как уже говорилось, встретиться «Весты» смогли только на третий день. Прогулявшись немного по уютным улочкам датской столицы, супруги взяли такси, заехали на квартиру «Весты», где она забрала свой саквояж, и отправились на квартиру к мужу.

Далее путь разведчиков лежал в Лондон. В британской столице, в соответствии с разработанным в Центре планом, им предстояло оформить свой брак и затем отбыть в Аргентину для работы в нелегальных условиях, уже в качестве законных супругов.

Остановившись в недорогой лондонской гостинице, «Весты» спокойно

прожили там положенные по закону для заключения брака между иностранцами двадцать девять дней. Они впервые очутились в англоязычной стране, и оказалось, что их знание языка было на довольно высоком уровне. Учреждение, в котором оформлялись соответствующие документы, располагалось в центре Лондона, в районе Вестминстера. Явившись туда, разведчики обратились к чиновнику с просьбой зарегистрировать их брак.

Чиновник поинтересовался, впервые ли они вступают в брак, и пояснил, какие требуются документы. Оказалось, что «Вест» должен представить выписку из регистрационного журнала гостиницы, подтверждающую, что они действительно проживали там все двадцать девять дней безвыездно. Невеста же должна была представить справку из западногерманского консульства о том, что оно не имеет возражений против ее замужества. В инструкциях Центра ничего не говорилось относительно посещения западногерманского дипломатического представительства, поэтому разведчики решили действовать на свой страх и риск.

А риск действительно был: вдруг бдительные чиновники заинтересуются документами «Весты» и начнут их тщательную проверку? Поэтому, посоветовавшись, разведчики решили, что в консульство пойдет только «Вест», причем минут за десять до обеденного перерыва. Так они и сделали. Выяснив заранее распорядок работы консульства ФРГ, «Вест» явился туда с паспортом супруги ровно за десять минут до перерыва. Ему удалось без труда получить необходимую справку, поскольку консульский чиновник собирался отобедать со своим приятелем и не стал задавать лишних вопросов.

После соблюдения необходимых формальностей супруги венчались в маленькой лютеранской церкви на окраине Лондона. Это должно было упрочить их положение в глазах окружающих. Кроме того, венчание в церкви избавляло молодоженов от сбора дополнительных справок. После венчания они вновь посетили бюро регистрации брака среди иностранцев. Им было предложено явиться через три дня за получением свидетельства о браке.

В назначенный день «Весты» появились в офисе. Они торжественно поклялись на Библии, что представили подлинные документы, после чего на их церковном свидетельстве о браке был поставлен штамп о регистрации брака в лондонской городской управе. Так супруги-нелегалы во второй раз оформили законный брак, на сей раз в Лондоне.

Отметив это событие скромным ужином при свечах в ресторане,

супруги через несколько дней отправились к месту предстоящей работы. Путь в Буэнос-Айрес был непростым, как и вся работа разведчиков-нелегалов. Сначала они отбыли в Грецию, где по указанию Центра провели два месяца. До Греции они добирались через Францию, Швейцарию, Италию. Из итальянского порта Венеция пассажирским теплоходом «Св. Марк» они прибыли в Пирей, а затем перебрались в Афины. Пребывание в этой стране «Весту» было необходимо для дополнительного совершенствования греческого языка. Там же была назначена контрольная явка, а также планировалось проведение тайниковой операции.

На явку в Афинах разведчики выходили раз в неделю, однако к ним никто так и не пришел. В подобранный Центром тайник они заложили отчет об отработке легенды «Весты» в Европе, подробно описали свое бракосочетание, рассказали о заведенных полезных контактах. Вскоре Центр дал по радио указание обосноваться в столице Уругвая Монтевидео, рассматривая пребывание в этом городе как промежуточный этап на пути в Аргентину.

Они добрались на теплоходе до Монтевидео, где встретили Новый, 1964 год. На окраине города сняли квартиру. Вскоре состоялась их встреча с курьером Центра, который передал разведчикам указание выехать в Аргентину, обосноваться там и получить аргентинское гражданство для «Весты». Примерно через месяц, завершив дела в Уругвае, супруги выехали в Буэнос-Айрес, который находился на другом берегу реки Ла-Плата, разделяющей Аргентину и Уругвай. «Веста» довольно быстро освоила испанский язык. А ее муж, который уже пожил в Аргентине и послужил в армии, говорил на нем, как на родном.

«Весту» удалось по объявлению устроиться на работу на механический завод. Вскоре его жена получила аргентинское гражданство.

Таким образом, разведчики выполнили первое задание Центра по легализации в Аргентине. Однако работа на механическом заводе была утомительной, она мешала «Весту» беспрепятственно выполнять разведывательные задания, и в ноябре 1964 года он уволился. Разведчики, ожидавшие прибавления в семье, стали подыскивать какое-либо частное дело, которое могло бы послужить надежным прикрытием для их нелегальной работы. С одобрения Центра они решили приобрести небольшой бар-ресторан.

Следует отметить, что одним из долгосрочных заданий, которое Центр поставил перед разведчиками, был поиск бывших военных преступников. А в Аргентине и Уругвае после войны осело немало бежавших от расплаты нацистов.

На приобретение бара Москва передала через тайник необходимую сумму в долларах. В шифровке Центра были высказаны рекомендации относительно покупки подходящего заведения в пригороде Буэнос-Айреса под названием Флорида, заселенного выходцами из Европы, в том числе немцами. Среди них было немало нацистов, скрывавшихся от правосудия.

Выбор разведчиков пал на закусочную «Лассо», расположенную в рекомендованном Центром районе. Напротив закусочной размещался полицейский участок. С точки зрения возможного заведения полезных контактов и обеспечения безопасности будущих посетителей это устраивало разведчиков. Центр дал добро на приобретение закусочной, и вскоре сделка состоялась. Супруги решили переоборудовать закусочную в бар-ресторан с немецким названием «Цур Глокке» («К колокольчику»).

В конце 1964 года у счастливых супругов появилась первая дочка, Сабина. Рожала «Веста» в немецком госпитале, поскольку по документам была немкой. Накануне этого события супруги обсудили все возможные варианты родов. «Веста» приняла решение, что в любом случае рожать будет без наркоза. Кричала она по-немецки...

Однажды «Веста» приехала в бар вместе с дочуркой, уже научившейся сидеть. Неожиданно туда зашло семейство Крамеров, которые решили познакомиться с «соотечественниками». «Веста» понравилась немцам, они подружились, и Крамеры стали приводить в ресторанчик своих многочисленных друзей и знакомых.

Постепенно дело наладилось. В заведении всегда было много посетителей, особенно по вечерам. Бар-ресторан стал приносить неплохой доход. Супруги сняли хорошую квартиру, открыли счет в престижном банке и купили автомобиль.

В ресторанчик «К колокольчику» часто заходил поужинать маленький, сухонький старичок, которого другие немцы называли «профессором Линксом из Вены». Вел он себя тихо, не привлекал излишнего внимания окружающих. Однако проверка по учетам Центра показала, что в прошлом этот старичок был опытным агентом гестапо, занимался выявлением антинацистски настроенных лиц среди австрийской интеллигенции.

«Веста» как-то обратила внимание, что к профессору Линксу проявляет повышенный интерес немецкий еврей по фамилии Коэн. Вел он себя как профессиональный разведчик. Однажды она зафиксировала, что профессор сообщает Коэну какую-то информацию, а тот рисует какой-то чертеж на бумажной салфетке. После окончания беседы Коэн передал Линксу конверт, скорее всего, с денежным вознаграждением. Своими

наблюдениями «Веста» поделилась с мужем. Воспользовавшись тем, что профессор вышел на время из зала в туалет, «Вест» под видом уборки стола забрал салфетку, которая находилась под той, на которую наносился чертеж. Дома разведчики с помощью специальных средств установили, что это был чертеж тайного убежища нацистских преступников, укрывшихся в Аргентине.

Ночью, во время очередного сеанса связи с Москвой, «Веста» радировала в Центр:

«Во время игры в шахматы Линке передал Коэну какую-то информацию о нацистских преступниках. По оставленной на салфетке давленке нам удалось восстановить чертеж, составленный Коэном с помощью Линкса (высылаем почтой). Полагаем, что под названием «Поместье Исабель» имеется в виду тайное убежище для нацистских преступников, скрывающихся на юге страны, в частности, в районе города Сан-Карлос, и в Чили. Через несколько месяцев планируем взять двухнедельный отпуск, чтобы совершить поездку на машине в указанный район. Просим вашего разрешения провести визуальную разведку объекта».

Центр оперативно дал положительный ответ на предложение разведчиков, обратив их внимание на необходимость соблюдения максимальной осторожности. Вскоре «Весты» получили секретные данные о колонии «Дигнидад» («Достоинство»), основанной нацистами на территории Чили. Им удалось проникнуть в тайны деятельности организации, объединявшей в своих рядах нацистских преступников, скрывавшихся от правосудия на территории Аргентины. Разведчики также установили связника нацистов, совершавшего под видом коммерсанта поездки по маршруту Сан-Карлос — Буэнос-Айрес — Франкфурт — Цюрих. Центр высоко оценил всю информацию о бывших нацистах, которая в дальнейшем была им использована для реализации отдельной разведывательной операции.

В середине 1967 года «Вестам» разрешили выехать в Москву в отпуск. Они продали свой бар и самолетом «Люфтганзы» вылетели через Дакар в Швейцарию. Там они взяли билеты на Копенгаген, где встретились с представителем Центра, который передал разведчикам матросские книжки членов экипажа советского теплохода. С этими документами разведчики должны были прибыть в Советский Союз.

В Копенгагене на явку с супругами вышел сотрудник резидентуры внешней разведки, который показал им город и попутно разъяснил их дальнейшие действия, проинструктировал о том, как вести себя на

теплоходе во время плавания. Он помог им подняться на борт теплохода и проводил разведчиков в каюту. «Весте» он очень понравился.

— Какой обаятельный молодой человек, — сказала она мужу. — Первый советский человек, которого встретила за столько лет, и такой славный!

Она тогда еще не знала, что этим «славным человеком» был предатель Олег Гордиевский, который в то время уже работал на датскую контрразведку ПЭТ, а затем был перепродан ею англичанам. Именно им он позже выдаст «Вестов». Англичане, в свою очередь, сообщат о советских нелегалах американской разведке, которая организует их арест и незаконный вывоз в США. Но это произойдет через несколько лет.

Весь путь до Ленинграда разведчики, согласно полученным инструкциям, отсиживались в каюте. Наконец теплоход пришвартовался в порту города на Неве. Там их встретили родители и куратор из управления нелегальной разведки. На другой день, утром супруги и встречавшие их выехали в Москву. Поскольку возникли опасения, что дочь нелегалов может воспринять русскую речь (им ведь предстояло возвращаться назад, а случайно оброненное ребенком русское слово могло выдать разведчиков), «Веста» сразу же отвезла девочку в ГДР, где она в течение месяца проживала в немецкой семье, а сама уехала домой, к родителям. В Центре «Весты» отчитались о проделанной работе и получили очередные инструкции. После отдыха разведчики вновь кружным путем отправились в Аргентину. Попутно супруги навестили мать их аргентинского друга Крамера, проживавшую в Гамбурге, рассказали о своей жизни и дружбе с ее сыном, передали от него приветы и подарки. В Буэнос-Айресе их встречал сам Крамер, растроганный вниманием, проявленным к его матери.

Через несколько дней после приезда «домой» разведчики оставили дочь на попечение няни, а сами отправились проводить тайниковую операцию. Описание тайника было передано ими в Центр еще до поездки в Москву. По уже отработанным у них в таких случаях действиям, «Веста» поставила сигнал о вложении в тайник, а ее муж проверил наличие сигнала о выемке из тайника. Однако последнего сигнала разведчики не обнаружили. Через некоторое время они посетили место закладки тайника и установили, что он был кем-то изъят.

Разведчики немедленно сообщили в Центр о случившемся и получили ответ, что сотрудник резидентуры в тот день на тайниковую операцию не выходил. Это означало, что тайник изъят кто-то посторонний. В соответствии с имевшимися на такой случай указаниями, «Вест» сразу же изъят из основного тайника хранившуюся в нем быстроедействующую

радиостанцию и перепрятал ее в другое место. В ходе этих операций он дважды замечал какого-то человека, совершавшего прогулки верхом на лошади. Целый месяц разведчики находились в сильном напряжении, однако больше ничего подозрительного не обнаружили.

Прошло некоторое время, обстановка вокруг супругов была спокойной, и они начали предпринимать шаги для выполнения задания Центра, связанного с переездом на жительство в Соединенные Штаты. В первую очередь «Весту» было необходимо устроиться на фирму, имевшую выходы на США и Канаду. Они разыскали по объявлению такую фирму, которая находилась еще в стадии создания, и «Вест» был принят туда на работу. В перспективе намечалась поездка представителей фирмы в Нью-Йорк для переговоров о сотрудничестве, а поскольку среди ее служащих никто, кроме «Веста», английским языком не владел, правление наметило направить его на эти переговоры.

Работая на фирме, «Вест» познакомился с приезжавшим из США американцем по имени Фрэнк, который сообщил ему по секрету, что занимается бурением шахт для установки стратегических ракет «Минитмен», нацеленных на СССР, и указал места их расположения. Центр высоко оценил полученную «Вестом» информацию и рекомендовал ему использовать поездку в Соединенные Штаты для укрепления личного контакта с Фрэнком.

Однако пока решались организационные вопросы, готовились образцы продукции фирмы, предназначенной для американского рынка, из Нью-Йорка пришел ответ, что руководитель фирмы-контрагента находится в Европе и в ближайшее время принять делегацию не сможет.

В конце 1969 года у супругов родилась вторая дочка, которую они назвали Александрой. Дела у разведчиков шли своим чередом: «Вест» продолжал расширять круг своих связей, в первую очередь среди американцев, а «Веста» поступила учиться в университет на факультет журналистики.

Летом 1970 года «Весте» сообщили о том, что тяжело заболела ее мать. Разведчицу крайне обеспокоило это сообщение, и с разрешения Центра она кружным путем вылетела в Москву, оставив детей с отцом.

В Москве «Веста» повидалась с матерью, а также прошла дополнительную разведывательную подготовку. С ней были отработаны новые, более совершенные условия связи, она изучила более современный радиопередатчик, другую специальную технику, в деталях ознакомилась с условиями жизни в США с учетом предстоящего переезда в эту страну. Разведчице сообщили, что ей присвоено воинское звание лейтенант.

Наконец подготовка к дальнейшей разведывательной работе завершилась, и 18 сентября 1970 года «Веста» возвратилась в Буэнос-Айрес. В этот же день, оставив дома детей с няней, супруги отправились на автомашине на пустынный пляж, чтобы обсудить последние новости и рекомендации Центра, привезенные «Вестой» из Москвы.

Они часто обсуждали важные вопросы на природе, чтобы исключить возможность прослушивания их разговоров в квартире. Прогуливаясь по дороге вдоль пляжа, разведчики обратили внимание на то, что пассажиры из проезжавшей мимо автомашины внимательно их рассматривают. «Весте» показалось это подозрительным, и она поделилась своими опасениями с мужем. В ответ супруг рассказал ей, что незадолго до ее приезда какие-то неизвестные лица пытались проникнуть в гараж, где находилась их автомашина. Разведчики сошлись во мнении, что по каким-то, пока не известным для них, причинам они могли попасть в поле зрения местных спецслужб. А случай со взломом гаража в этой связи более походил на попытку контрразведки установить на их автомашине радиомаяк, нежели на какой-то криминальный акт.

Поскольку обстановка вокруг нелегалов вновь серьезно осложнилась, они подробно проинформировали Центр о своих подозрениях и попросили прислать специалиста для проверки автомашины на предмет наличия радиомаяка. Центр пообещал в скором времени организовать необходимую проверку и, в свою очередь, поставил перед «Вестом» задание выехать в командировку в Чили, где готовились выборы Сальвадора Альенде.

После возвращения «Весты» из Москвы прошло три недели. Все это время разведчики внимательно отслеживали подозрительные моменты, однако все казалось спокойным. Чтобы выполнить поручение Центра, «Вест» заказал билет на самолет до Сантьяго, который ему должен был принести на дом знакомый сотрудник бюро путешествий. Однако в обговоренное с ним время вместо представителя туристического агентства в квартиру нелегалов ворвались агенты аргентинской службы безопасности СИДЕ.

За полчаса до этих событий «Веста» закончила прием радиограммы из Центра. Слышимость была плохая, и она записала сообщение на магнитофон. Во время ареста мужа аргентинской охранкой «Весте» удалось спрятать пленку под нательным бельем. Позднее, оказавшись в тюремной камере, она сумела уничтожить пленку. Однако, к сожалению, всех улик им уничтожить не удалось: при обыске аргентинские контрразведчики нашли у них план с указанием места закладки тайника. В дальнейшем на этом месте были задержаны два советских дипломата,

которые затем были высланы из страны. Так Центр узнал о провале нелегалов.

В аргентинской контрразведке «Вестов» допрашивали девять месяцев. Чтобы заставить разведчиков говорить, следователи оказывали на них сильнейшее моральное давление, обещали подвергнуть супругов и их детей пыткам. Если вспомнить, что в тот период в стране правила военная хунта, ежедневно пропадали или уничтожались так называемым «эскадроном смерти» десятки людей, то угрозы следователей не были пустым звуком.

Поскольку у контрразведки были неопровержимые улики против наших нелегалов, «Вест» решил начать сложную и опасную игру. Его план был таков: попытаться заинтересовать собой ЦРУ, добиться того чтобы аргентинцы передали их в руки американцев, а в США искать пути к возвращению на Родину. Поэтому на дальнейших допросах он признал, что являлся советским разведчиком и что занимался сбором сведений по США. Вскоре «Вест» с женой и детьми были переведены из тюрьмы в отдельный дом, а к их допросам подключился представитель ЦРУ США. Никаких существенных сведений разведчики американцам не сообщили, сославшись на то, что проходили индивидуальную подготовку и в центральном аппарате разведки не работали. Кроме двух советских дипломатов, ни с кем из соотечественников контактов не поддерживали, информацию черпали из разговоров в баре, к активной работе пока не приступали.

В июле 1971 года аргентинцы передали «Вестов» в распоряжение ЦРУ, и американцы приняли решение переправить пленников в Соединенные Штаты. Супруги подписали документы, в которых отказались от советского и аргентинского гражданств, и только после этого специальным рейсом военно-транспортного самолета «Геркулес» были доставлены на базу Эндрюс в США. Их поселили на отдельной вилле в местечке Спрингфильд под Вашингтоном и еще полгода возили на допросы. Приставленная к разведчикам на вилле постоянная охрана первое время следила за ними весьма внимательно. Но постепенно тюремный режим становился все более щадящим. Супругам даже разрешили прогуливать детей по лесу.

Однажды вечером, когда охранники смотрели по телевизору американский футбол, «Вест» бесшумно открыл окно, петли которого предварительно смазал. Он отсутствовал свыше четырех часов, изучая маршрут возможного побега.

Как-то утром представитель ЦРУ показал «Весту» фотографию хорошо знакомого ему человека, а «Вест» заявил, что его не знает. Цэрэушник испытующе посмотрел на разведчика и процедил сквозь зубы:

— Очень странно...

Разведчик понял, что им надо срочно уходить. Он сказал жене:

— Сегодня после обеда уходим. Положи в коляску самое необходимое.

«Веста» уложила в детскую коляску, в которой они обычно прогуливали младшую дочь, слайды с видами бара «К колокольчику», а также с видами Аргентины и европейских стран, в которых они ранее побывали.

Это было 7 января 1972 года. Супруги, как обычно, вышли после обеда на прогулку с детьми. Младшая дочь была в коляске, старшая шла рядом. До ближайшего поселка было примерно четыре километра. Дорога до него заняла около полутора часов. Здесь пути их разошлись. «Веста» направилась к ближайшим домам, а ее мужу предстояло пройти еще полтора километра по лесной тропинке.

«Весте» сразу же повезло: подходя к домам, она увидела, как какая-то девушка садится в автомашину. Она попросила девушку подвезти ее с детьми до торгового центра. Затем она направилась к бензоколонке, чтобы вызвать такси, и вдруг заметила, как к ней приближается полицейская машина. Сердце разведчицы невольно дрогнуло: она подумала, что ее уже ищут и сейчас последует новый арест. Но полицейская машина проехала мимо.

Вскоре подошло такси. «Веста» с детьми села в автомашину и назвала улицу в Вашингтоне, на которой располагалось советское посольство. Через полчаса они уже были по указанному адресу. К счастью, ворота посольства оказались открыты, и она, покинув такси, быстро вкатила коляску с детьми на территорию посольства мимо удивленного охранника.

— Срочно вызовите офицера безопасности, — выдохнула она.

Разведчица облегченно перевела дух: половина их плана была выполнена, она с детьми находилась в безопасности.

А в это время «Вест» выполнял свою часть побега от ЦРУ. Он приобрел для маскировки шляпу, очки, трубку, выяснил по телефонной книге адрес советского торгпредства, нанял такси и поехал туда. Войдя в приемную для посетителей, он написал на листочке бумаги, что ему необходимо срочно встретиться с резидентом советской разведки, и протянул его дежурившему там сотруднику. Встреча состоялась буквально через полчаса. Первым делом «Вест» поинтересовался, добралась ли его жена с детьми до посольства. Получив утвердительный ответ, разведчик не смог сдержать слез.

Около месяца Лариса и Вадим Майоровы с детьми находились в жилом комплексе на территории советского посольства в Вашингтоне. В

это время по дипломатическим каналам велась интенсивная работа, чтобы получить разрешение на отправку семьи разведчиков на Родину.

2 февраля 1972 года, в день рождения Вадима, супруги вместе с детьми вылетели в Москву. Закончилось их пятнадцатимесячное пребывание в плену у аргентинской контрразведки и ЦРУ.

Однако в Москве их встретили неласково: провал Майоровых казался совершенно необъяснимым. Руководство разведки посчитало, что он произошел по вине нелегалов. Они же настаивали на версии предательства.

После длительного служебного разбирательства Лариса и Вадим были исключены из партии, лишены наград и направлены на постоянное жительство в Калугу. Там Вадим устроился на работу в педагогический институт преподавателем английского языка, а Лариса — лаборанткой. Весной 1979 года она окончила этот институт.

Майоровы неоднократно обращались к руководству КГБ с просьбой разрешить им переехать в Москву. Этот вопрос был положительно решен только в 1983 году, когда Ю.В. Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС. В апреле того же года супругам была выделена квартира в Москве, в районе Сретенки. Вадим устроился комендантом в Дом политического просвещения, который находился на Трубной площади, а Лариса — официанткой. Казалось, жизнь их окончательно наладилась, однако мысль о том, что в их провале повинен «крот», окопавшийся в аппарате советской разведки, не давала покоя.

Однажды в октябре 1990 года, придя на работу, Вадим Майоров стал просматривать еженедельник «Собеседник», где было опубликовано интервью предателя Олега Гордиевского, которое он дал собственному корреспонденту газеты в Лондоне Ольге Белан. Рассуждения иуды о том, что он якобы боролся против «тоталитарного режима», вызвали отвращение у бывшего разведчика, и он хотел уже было отбросить газету. Однако в тексте промелькнуло упоминание Дании, в которой предатель якобы работал в середине 1960-х годов.

Вадим внимательно посмотрел на помещенную в газете фотографию «иуды из Ясенева» и обомлел: это был тот самый оперработник, который выходил на явку с ними в Копенгагене в июле 1967 года, когда Вадим и Лариса с детьми ехали в отпуск на Родину. На следующий день — публикация о предателе в газете «Комсомольская правда». И снова — грубая ложь Гордиевского, который якобы протестовал своим предательством против ввода советских войск в Чехословакию. Вадим невольно вспомнил, как во время кратких встреч в Копенгагене Гордиевский старался выглядеть «ура-патриотом» нашей страны, всюю

расхваливал автомобиль «Запорожец», сравнивая его с иномарками, и говорил о том, что обязательно приобретет его.

Возвратившись вечером домой, разведчик сказал Ларисе:

— Наш «крот» наконец-то нашелся. Ведь это именно он переправлял нас в Копенгагене в 1967 году.

Лариса внимательно ознакомилась с публикациями и спросила у мужа:

— И что ты собираешься делать со всем этим?

— Думаю, что нам надо написать письмо нашему руководству, — ответил он.

Супруги провели не одну бессонную ночь, сочиняя это письмо, которое Вадим опустил в приемную КГБ на Кузнецком Мосту. После октябрьских праздников Майоровым сообщили, что с ними хотят побеседовать на дому по поводу их письма представители управления нелегальной разведки.

Такая встреча действительно состоялась. Через две недели после нее Ларисе и Вадиму были возвращены их награды. Все ограничения для Майоровых, в том числе относительно контактов с иностранцами, были сняты. Им также было разрешено встречаться с журналистами.

Честное имя разведчиков было восстановлено.

В 1998 году в московском издательстве «Олма-пресс» вышла их книга «Явка в Копенгагене». В ней Майоровы поделились воспоминаниями о своей работе в нелегальной разведке. Они дали несколько интервью российским журналистам, а в 2000 году выступили на центральном телевидении.

Сегодня Лариса Васильевна и Вадим Михайлович находятся на заслуженном отдыхе. Однако общительная и деятельная «Веста» не сидит без дела. Она является активным членом региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки», организует различные мероприятия: выставки живописи, вечера поэзии, чаепития в кругу друзей. Супруги тепло вспоминают о своих друзьях и знакомых, оставшихся в Аргентине. С честью преодолев все трудности, ветераны нисколько не сожалеют, что в свое время стали советскими разведчиками.

Глава XV

РАЗВЕДЧИЦА, ЖЕНА РЕЗИДЕНТА

Даже близкие родственники и друзья Зинаиды Николаевны Батраевой не предполагали, что эта общительная, гостеприимная супруга советского дипломата, казалось бы, привязанная только к мужу и детям домохозяйка, являлась кадровым сотрудником внешней разведки и в ходе поездок за рубеж выполняла ответственные задания особой государственной важности: встречалась с агентурой, добывала ценную информацию, участвовала в острых оперативных мероприятиях.

Порой во все секреты разведчицы не был посвящен даже муж, также сотрудник советской внешней разведки. В случае провала в оперативной работе каждый из супругов должен был знать только то, что ему необходимо.

Вместе с мужем, Борисом Батраевым, который в ряде стран был ее непосредственным начальником — резидентом КГБ, она провела в шести (!) долгосрочных загранкомандировках ровно четверть века.

Зинаида родилась 4 октября 1922 года в селе Дурькино Солнечногорского района Московской области в крестьянской семье.

Позже ее отец освоил профессию печатника и стал работать в Москве, в типографии НКВД.

Вспоминая свое детство, Зинаида Николаевна рассказывала:

«Село наше находилось на 47-м километре от Москвы по теперешнему Ленинградскому шоссе. Во время войны немцы его сожгли, не уцелел ни один дом, в том числе и церковь, что была при кладбище, на котором похоронены все мои родственники.

Мы жили в этом селе до 1929 года, когда мой отец, работавший к тому времени уже в московской типографии имени Воровского, получил две маленьких комнатки в коммунальной квартире и перевез нас в Москву. Через год я пошла в школу № 266, которая была только что построена на Большой Переяславской улице, недалеко от нашего дома.

В 1933 году отец умер. Нас у мамы осталось трое, три девочки. Все в

школьном возрасте: первый, третий и пятый класс. Наступила тяжелая пора, ужасная бедность. Сотрудники типографии помогли маме устроиться к ним на работу, Сначала она была уборщицей, а потом — мазильщицей печатного цеха. Одновременно она ходила на курсы ликбеза, окончила 4 класса, причем училась очень хорошо.

Летом типография направляла нас в пионерский лагерь НКВД на две смены. Это было большое подспорье для семьи в материальном отношении. В лагере нас очень хорошо кормили. Дома же мы никогда не видели ни мяса, ни сливочного масла. Пища была самая простая. Чтобы мы не голодали, мама по выходным стирала соседям белье.

Учеба в школе давалась мне очень легко. У меня была природная грамотность и способности к изучению иностранных языков. В школе нас обучали немецкому языку.

В нашей школе был прекрасный спортивный зал. При школе располагалась районная детская спортивная школа. В ней я стала заниматься спортивной гимнастикой. Принимала участие в районных, городских и даже во всесоюзных соревнованиях по гимнастике».

Девушка мечтала о карьере инженера и после окончания средней школы поступила в Московский институт инженеров транспорта. Однако учиться ей долго не пришлось: спустя год она была вынуждена уйти из института, так как в то время была введена плата за обучение в старших классах средней школы и в высших учебных заведениях, а средств на учебу в семье не хватало.

Зинаида решила идти работать. По рекомендации друзей отца ее приняли на работу в архивное подразделение НКВД. До начала войны она трудилась старшим регистратором на картотеке. В начале Великой Отечественной войны часть подразделений НКВД, в том числе и его архив, были эвакуированы в Свердловск. Зинаида оказалась на Урале. И сразу же ее направили на учебу в Свердловскую межкраевую школу НКВД, готовившую сотрудников для контрразведки и разведки. Следует отметить, что это был первый «женский» набор оперативных работников.

Из воспоминаний Зинаиды Николаевны:

«В межкраевой школе мы не только учились, но и несколько дней в неделю после учебы ходили на работу на военный завод: до трех часов ночи укладывали патроны в коробки и изымали бракованные. По праздникам охраняли различные важные объекты с целью недопущения проникновения на их территорию посторонних лиц».

В ноябре 1942 года Зинаида на «отлично» окончила межкраевую школу и была направлена в Москву в распоряжение управления кадров

НКВД. Кадры, в свою очередь, учитывая хорошее знание девушкой немецкого языка, решили отправить ее на фронт, в город Калач в распоряжение местного подразделения СМЕРШ.

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«По окончании Свердловской межкраевой школы НКВД я была откомандирована в распоряжение Центра, который, по моей просьбе, должен был меня направить на Украинский фронт, в город Калач.

Но, приехав из Свердловска в Москву, я застала свою семью в тяжелейшем положении: мать лежала в больнице, а старшая сестра, у которой было двое маленьких детей полутора и трех с половиной лет, находилась при смерти из-за тяжелой болезни сердца.

При сложившихся обстоятельствах меня вынуждены были оставить в Москве. К тому же город Калач, в который я должна была прибыть, был вновь занят немцами».

Зинаиду направили младшим оперуполномоченным в управление НКВД по Москве и Московской области, то есть на конкретную оперативную работу: она встречалась с агентурой, занималась вербовкой.

В октябре 1943 года Зинаиду перевели на работу во внешнюю разведку. На этот раз она продолжила учебу уже в Высшей школе НКГБ. Помимо спецдисциплин, слушатели активно изучали иностранные языки. Позже в личном деле разведчицы будет указано: «свободно владеет французским, итальянским и английским языками».

Именно в Высшей школе Зинаида познакомилась со своим будущим мужем, Борисом Батраевым. Они учились в одной языковой группе. В конце 1945 года молодые люди на «отлично» сдали выпускные экзамены и были направлены на работу в Первое (разведывательное) управление НКГБ: Борис — в подразделение научно-технической разведки, а Зинаида — в информационное подразделение.

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«В январе 1946 года мы поженились. К этому времени умерла моя старшая сестра в возрасте 25 лет и погиб в авиакатастрофе ее муж-летчик. У них осталось двое детей: два мальчика четырех и шести лет. Младшего, Сашу, усыновили родственники их отца, а старшего, Борю, усыновили мы с Борисом. Борис был старше маленького Бори всего на четырнадцать лет».

Бывает, что разведчицы выходят замуж в интересах разведки. Батраевым повезло: они поженились по большой любви и, как оказалось, в интересах разведки.

Из биографической справки:

Борис Никодимович Батраев родился 2 мая 1926 года в семье потомственных интеллигентов. Во время Гражданской войны его отец, как и большинство молодых парней села Париж Нагайбакского района Челябинской области (вернувшись с Первой мировой войны, нагайбаки стали давать своим селам экзотические названия: Париж, Фершампенуаз, Балканы. — *Примеч. авт.*), был мобилизован в армию Колчака и полгода воевал на стороне белых, а после перешел на сторону большевиков, сражался в рядах 1-й Конной армии Буденного. Дед всю жизнь учительствовал, а на склоне лет на сельском сходе был выбран священником и вскоре рукоположен Синодом.

В органы государственной безопасности Борис Батраев пришел в 1943 году, а в январе 1946 года был переведен в Первое управление НКГБ СССР, как тоща называлась внешняя разведка. Уже в следующем году он был направлен в Италию для работы по линии научно-технической разведки.

В свою первую заграничную командировку, в Италию, супруги Батраевы выехали в марте 1947 года. «Татьяна» (таким был оперативный псевдоним молодой разведчицы) работала в резидентуре переводчицей, однако часто привлекалась к оперативной работе.

«Я хорошо помню свою первую оперативную встречу в большом кафе, — рассказывает Зинаида Николаевна. — Я должна была по паролю встретиться с агентом и передать ему крупную сумму денег. Из Центра мне сообщили, что особой приметой агента является его хромота. Минут за пятнадцать до встречи я заняла столик, заказала кофе и стала наблюдать за входом, поджидая хромого человека. Представьте мое состояние: за эти пятнадцать минут в кафе вошли четверо (!) хромоногих мужчин: один сильно хромал, двое прихрамывали, четвертый был вообще на костылях. Лишь пятый мужчина, хромавший и опиравшийся на трость, оказался нужным мне человеком. Он меня сразу «вычислил», с улыбкой подошел к столику и расположился рядом. Мы обменялись паролями. Все прошло благополучно».

В январе 1948 года в Риме у супругов родилась старшая дочь Ирина.

В Италии Борис Батраев активно работал по линии научно-технической разведки, приобрел много контактов в интересующих разведку кругах. Но... первая командировка Батраевых закончилась неожиданно быстро. Случилось то, от чего не был застрахован тогда ни один разведчик: Центр заподозрил их в неблагонадежности. А произошла типичная по тем временам история. Борис давно покинул родительский дом, уже работал во внешней разведке и не знал, что в его родном селе скончался священник и что вместо него на сельском сходе (не оставаться же приходу без батюшки)

священником был выбран его престарелый дед, бывший ранее директором местной школы. Однако в кадрах решили, что разведчик скрыл этот факт, и... отозвали супругов из командировки. К счастью, через некоторое время все выяснилось, и им принесли извинения.

Вскоре последовала новая командировка — во Францию. В Париже «Тим» (таким был оперативный псевдоним Батраева) по прикрытию являлся атташе Посольства СССР по вопросам культуры, «Татьяна» — переводчицей посольства. Однако основным их занятием была оперативная работа в составе парижской резидентуры. Во французской столице у оперработников родилась вторая дочь — Елена.

Сразу же по приезде в Париж «Татьяне» поручили поддерживать связь с ценным источником. По его просьбе, он должен был передавать материалы только женщине и только поздно вечером. Длительное время «Татьяна» приходила на заранее обусловленные места встреч и всегда получала важную информацию.

Вспоминает Зинаида Батраева:

«Однажды был такой случай: я вышла на место встречи и на противоположной стороне улицы увидела своего объекта. Как всегда в это время года (а дело было осенью) он был с зонтом, в темной широкополой шляпе и в дорогом темном плаще. Как обычно, он медленно прохаживался взад-вперед, подергивая пальцами усы. У меня с ним были хорошие человеческие отношения. Я перешла улицу и с приветствиями, как к знакомому, устремилась к нему. И вдруг мне в ответ: «Вам что, не терпится заработать?» Оказалось, что это был совершенно посторонний человек, и он меня принял за проститутку. С извинениями я ретировалась. Позже выяснилось, что страховавший меня оперработник (а я всегда ходила на такие встречи с сопровождающим, так как материалы агент передавал очень важные) тоже принял этого человека за источника. Оказалось, что агент был занят и не смог выйти на встречу. Мы встретились с ним на другой день в шесть часов утра».

Помимо текущей оперативной работы «Татьяне» в Париже пришлось выполнять важную и ответственную миссию. На протяжении пяти лет она поддерживала связь с надежным агентом советской разведки и руководителем агентурной группы Каридад Меркадер (оперативный псевдоним «Мать») — матерью Рамона Меркадера (оперативный псевдоним «Раймонд»), томившегося

в мексиканской тюрьме за убийство Льва Троцкого. Его приговорили к 20 годам тюремного заключения. Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след. Однако, несмотря на пытки и

жесткое отношение к себе со стороны тюремщиков, «Раймонд» не признавался в связях с советской разведкой.

Вспоминает Зинаида Николаевна:

«Обычно мы встречались с Каридад в кафе. Иногда я ей приносила письма от Рамона, которые пересылались из Мексики через Центр. Периодически передавала деньги: Берия назначил ей пожизненную пенсию. Мне было очень жаль Рамона и его мать. И иногда на встречах мы «пускали слезу». Все эти годы Каридад пыталась освободить сына. Ну, а для меня продолжавшиеся пять лет встречи с матерью были мучительны, так как я передавала бесконечные обещания Центра относительно скорейшего освобождения ее сына. Безусловно, предпринимались неоднократные попытки его освобождения, но все они были безуспешны».

Следует также отметить, что по крайней мере дважды поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог. Но один из высших судебных авторитетов Мексики заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать связь с советской разведкой.

Из отчета в Центр оперативного работника парижской резидентуры «Татьяны»:

«15 марта 1956 года в кафе на улице Риволи я провела запланированную встречу с агентом «Мать». Я передала ей письма от «Раймонда», а также сумму денег, определенную Центром. Встреча продолжалась 48 минут. Наружное наблюдение не отмечалось...

Как и в предыдущий раз, «Мать» была взволнована. Говорила о том, что в Центре должны прилагать больше усилий для освобождения «Раймонда». Жду указаний по проведению следующей встречи. «Татьяна»».

Вспоминает Зинаида Батраева:

«В молодости я была очень эмоциональной. Эта черта меня иногда и подводила. После одной из наиболее трогательных встреч с Каридад мы с ней вышли из кафе, и я забыла от сопереживания о маршруте, по которому обязательно должна была ее провести, так как на нем два наших оперработника вели за нами контрнаблюдение с целью возможного обнаружения наружного наблюдения местной контрразведки.

Каридад двигалась несколько впереди, и я машинально пошла за ней. Вскоре оказалось, что мы с ней прошли мимо местной тюрьмы, к которой, конечно, нам не следовало приближаться. А потом я получила серьезную взбучку от своих коллег по резидентуре».

В то время «Татьяна» была единственным звеном, связывавшим

«Раймонда» с матерью и с советской разведкой.

* * *

Борис Батраев исключительно успешно работал в парижской резидентуре внешней разведки, добился конкретных результатов.

От своих источников получал важную научно-техническую информацию, за что в 1956 году был награжден орденом Красной Звезды.

В парижской жизни разведчика было много ярких эпизодов, встреч с интересными людьми. Достаточно сказать, что он неоднократно встречался с вдовой скончавшегося в Париже Ивана Алексеевича Бунина — Верой Николаевной Буниной (Муромцевой). Разведчику Батраеву пришлось выполнять деликатную миссию — способствовать возвращению на родину творческого наследия великого русского писателя.

... Лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин еще при жизни стал классиком мировой литературы.

Первый съезд советских писателей, проходивший в 1934 году под председательством А.М. Горького, принял решение содействовать возвращению на Родину писателей-эмигрантов А.И. Куприна и И. А. Бунина, чье творчество принадлежит народу. Известно, что Александру Ивановичу Куприну удалось вновь увидеть родную страну, а Иван Алексеевич Бунин скончался в Париже в 1953 году в возрасте 83 лет и похоронен на пригородном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Однако его литературный архив возвратился в Москву. Большая роль в этом деле принадлежит советскому разведчику Борису Батраеву.

В середине 1950-х годов Батраев занимал в Посольстве СССР в Париже должность атташе по вопросам культуры. Резидент КГБ во Франции поставил перед молодым разведчиком необычное и деликатное задание — выйти на вдову писателя Веру Николаевну Бунину (Муромцеву) с целью получения литературного архива Бунина. Батраев поинтересовался, не лучше ли поручить это дело кому-либо из «чистых» дипломатов, но резидент разъяснил ему, что целесообразнее делать это именно разведке из-за сложной обстановки вокруг семьи Бунина.

— С эмигрантскими кругами писатель рассорился, — пояснил руководитель резидентуры, — особенно с теми, кто сотрудничал с нацистами в годы оккупации. В Америку ехать наотрез отказался. Едва заикнулся о возможности вернуться в Союз — получил клеймо предателя. Стоит нам только по официальным каналам высказаться о желании вернуть

домой бунинский архив, как на жену писателя Муромцеву окажут жесткий нажим. И во Франции, и со стороны США.

— Бедствует Вера Николаевна и от этого страдает, — продолжал резидент. — Человек она гордый, истинная аристократка, с довольно сложным характером. Как расположить ее к себе, как сблизиться и повлиять на нее, убедить вернуть архив мужа — подумай сам. Посол обещал всяческую поддержку. Опыта общения с людьми искусства и богемой тебе не занимать. Словом, попытайся очаровать даму.

Пока резидент говорил о секретном характере миссии, о предельной осмотрительности, о том, чтобы ни в коем случае не дать ни малейшего повода эмигрантским кругам подвергнуть Веру Николаевну травле, оперработник размышлял о другом: «Всех деталей жизни Бунина я не знаю, а времени на подготовку нет. Удастся ли соблюсти конфиденциальность переговоров с женой писателя? Сколько было печальных случаев: стоило нам проявить интерес к русским раритетам, оставшимся за рубежом, как нас опережали. Те же американцы. Скажем, им достался подлинник бесценной «Русской грамматики», а нам — лишь копия».

Батраев хорошо знал район, в который и направился на своем «ситроене». Сам он проживал неподалеку, на бульваре Сюше. По привычке проверился, нет ли «хвоста». Дом на улице Жака Оффенбаха он нашел легко. Поднялся на третий этаж, нажал на кнопку звонка и, услышав легкие шаги за дверью, снял шляпу.

Возникшая в проеме женщина была высока, сухощава, на вид лет семидесяти. Седина придавала ее лицу благородство, тонкие черты говорили о породе, упрямая линия губ подразумевала властность и суровость нрава. Оперработник галантно представился и протянул визитную карточку. С опаской взяв прямоугольник картона и пробежав по нему глазами, она громко позвала: «Леонид, к нам визитер». Из соседней комнаты вышел представительный мужчина, молча повертел визитку и попросил предъявить удостоверение личности. Наконец с формальностями было покончено, и Батраева провели в просторную комнату, пригласили к столу.

Разговор сложился так, что поначалу спрашивали его. Оперработник сказал, что работает в МИД, в настоящее время занимается вопросами культуры и является горячим поклонником творчества Бунина. Это, впрочем, соответствовало действительности. По памяти назвал несколько его рассказов. Вера Николаевна благосклонно заметила: «Я понимаю, вы еще молодой человек и не имели возможности в силу вашей занятости

ознакомиться с творчеством Ивана Алексеевича. Расскажите о вашей семье»...

Борис рассказал, что родился в семье потомственных интеллигентов. Во время Гражданской войны его отец был мобилизован Колчаком и год воевал на стороне белых, а после перешел к большевикам, сражался в рядах 1-й Конной армии Буденного. Дед всю жизнь учительствовал, а на склоне лет на деревенском сходе был выбран священником и вскоре рукоположен Синодом. Сам он находится во Франции с 1951 года, является атташе посольства СССР по вопросам культуры. До этого в 1947–1948 годах работал в Италии.

Разведчик рассказал Вере Николаевне только часть своей биографии. Впрочем, она больше и не спрашивала: ей хотелось знать, с кем имеет дело. Батраев, естественно, умолчал о том, что на самом деле работает в советской внешней разведке. Видимая часть его биографии была истинной правдой, и Батраев почувствовал, что ему поверили, разговор стал дружелюбным и доверительным. Тогда он осторожно заговорил о бунинском архиве, о том, что советский народ почитает своего классика и желает, чтобы его творения вернулись на Родину.

Вскоре Батраев стал своим в квартире на улице Жака Оффенбаха, обстановка которой соединяла в себе бедность, достоинство, хорошие манеры хозяев и незримое присутствие почившего в бозе Мастера. Неизменные чай и сушки. Легкий румянец на щеках Веры Николаевны, когда он вручал ей небольшой букетик цветов. Изысканная вежливость Леонида Зурова, приемного сына и секретаря И. А. Бунина, без которого его вдова никогда не начинала беседы.

Уже во время второй встречи Вера Николаевна дала согласие на предложение оперработника о передаче рукописей:

— Это совпадает с волей самого Ивана Алексеевича, но я хотела бы, чтобы наши контакты не афишировались, — сказала она.

Батраеву были показаны книги, подготовленные к изданию собрания сочинений великого писателя, с его пометками. После каждой пометки — его подпись. Все по-русски. «Значит, не в Америке, Франции или Англии собирался он навечно поселить свои книги, а только в России», — подумал про себя оперработник.

На третьей встрече ему был передан первый сверток книг, за ним последовали второй и третий. Каждый состоял из 6–8 книг. Часто к ним прилагались рукописи, черновики, письма, так или иначе связанные с бунинскими стихами, прозой или публицистикой. Оперработник бережно отвозил эти сокровища в посольство, писал сопроводительные письма в

МИД. Оттуда рукописи поступали в Союз писателей, где тексты, изданные во Франции, сверялись с бунинской правкой, корректировались. Словом, в Москве шла сложная литературоведческая работа.

Однако материальное положение Веры Николаевны было столь плачевным, что Батраева неотступно преследовала мысль: если вдове предложат крупную сумму за литературный архив мужа, она может дрогнуть. Тем более что из США уже делались Буниной заманчивые предложения. Прецедент уже был: Вера Николаевна передала в Толстовский фонд работу Бунина о Чехове. За это ей обещали всего лишь 400 долларов, но деньги она так и не получила, о чем с горечью поведала ему.

Что делать? Ясно, что конверт с деньгами она отвергнет. А что если официально назначить Буниной пожизненную пенсию? Посол СССР во Франции Сергей Александрович Виноградов поддержал это предложение без колебаний:

— Подготовьте телеграмму. Я ее подпишу, а уж в Москве решат, как быть.

В Москве решили: быть. Этот шаг оказался весьма своевременным. Однако вскоре в их отношениях разразилась гроза. Однажды Вера Николаевна встретила Бориса очень расстроенной. В руках она держала книгу в голубом переплете.

— Что с вами? — поинтересовался оперработник. — На вас лица нет.

— Вот, полюбуйтесь, — резко ответила она. — Первый том пятитомника Ивана Алексеевича. Издан в Москве. Во-первых, никто не спросил согласия наследников. А чего стоит вступительная статья некоего Льва Никулина! Как он осмелился писать об Иване Алексеевиче и обо мне, даже ни разу не встретившись с нами? Получается, что мы оторваны от русского народа, перестали понимать его чаяния. А я... себя ощутила просто антисоветчицей. Стоит ли мне продолжать передачу материалов? Они ведь с последней правкой автора. Или это не имеет для вас значения?

Батраев кое-как успокоил вдову Бунина. Его поддержал Л. Зуров. Тут весьма кстати пришлось назначение ей пожизненной пенсии Союза писателей СССР, о чем торжественно сообщил оперработник.

Вера Николаевна, вспыхнув, перебила его:

— Не понимаю, при чем тут пенсия? Вы что же, хотите купить меня? Мы же договорились, что все материалы я передаю вам безвозмездно.

— Поверьте, Вера Николаевна, это от чистого сердца. Мы хотим как-то скрасить вашу жизнь. Сумма приличная, 80 тысяч франков в месяц. Столько зарабатывает квалифицированный французский рабочий. Я

уполномочен передать вам сразу за полгода. Вот 480 тысяч, — сказал оперработник.

Бунина была потрясена, и он воспользовался затянувшейся паузой: «Как вам удобнее получать деньги? Наличными под расписку из моих рук или через банк? Впрочем, в банке придется платить налоги».

— Через банк? — воскликнула она испуганно. — Но тогда все станет известно. Банковские служащие могут разгласить наши отношения. Нет-нет, лично!

— Хорошо. Вы предпочитаете получать деньги ежемесячно или раз в полгода?

— Раз в полгода, — быстро отреагировала Бунина.

В январе 1957 года Батраев вновь привез вдове Бунина полугодовую пенсию. В ее глазах он увидел сомнение и тревогу. Вера Николаевна написала расписку и неожиданно всплеснула руками:

— Борис, давайте все ежемесячно, только ежемесячно. Я ведь на этих деньгах спала, боялась, что меня ограбят...

В июне того же года служебная командировка Бориса Батраева в Париж подошла к концу. Направляясь к новому месту службы, он «передал» вдове писателя своему коллеге, который исправно платил ей пенсию Союза писателей СССР. Незадолго до отъезда из Франции Батраев вместе со своим коллегой навестил Веру Николаевну. Она встретила их в превосходном настроении.

— Молодые люди, — несколько церемонно произнесла Вера Николаевна, — я хочу получить ваше согласие отразить ваши имена во второй части своих дневников, которые готовлю к печати.

Мгновенно оценив нежелательные для себя последствия, Батраев сказал:

— Вы очень добры, Вера Николаевна, но я категорически против. Мы слишком несоизмеримые фигуры рядом с Иваном Алексеевичем. Не обижайтесь, бога ради!

Бунина окинула их удивленным взглядом:

— Но на маленький подарок я имею право? Хочу преподнести вам по книге Бунина с его авторской правкой.

Батраев вздохнул:

— Как бы вам объяснить... Я не имею права оставить себе даже страницу. Любая пометка Ивана Алексеевича — это достояние России.

Впоследствии он жалел о том, что отказался от подарка Веры Николаевны.

За время встреч и бесед с ней оперработник узнал, что в годы

нацистской оккупации И.А. Бунин проживал на юге Франции, на своей вилле «Жаннет» в Грассе. До 1943 года эта зона еще не была оккупирована Гитлером, и писатель слушал мощный радиоприемник, приобретенный им еще на гонорар от Нобелевской премии. В июне 1941 года он узнал о нападении Германии на Советский Союз. В кругу близких он не скрывал симпатий к Красной армии и верил в ее победу. Писатель где-то раздобыл карту Советского Союза, прикрепил ее к стене своей комнаты и флажками отмечал положение на советско-германском фронте. Он страшно переживал первые неудачи Красной армии, а после битвы под Москвой радовался как мальчишка.

Когда нацисты оккупировали всю Францию, И.А. Бунин категорически отказался сотрудничать с немцами. Более того, он враждебно относился к тем русским эмигрантам, которые сотрудничали с гитлеровцами, считая их «избавителями России от ига большевиков». И.А. Бунина навещали на вилле в Грассе соотечественники, которые считались эмигрантами, а на самом деле были советскими военнопленными, сбежавшими из немецкого концлагеря. Один из них, по имени Андрей, был человеком очень образованным, большим знатоком литературы. Они часто спорили, не соглашались друг с другом, но сходились в главном: в горячем патриотизме и вере в победу Советского Союза. Это только сегодня «демократическая печать» определенной направленности называет патриотизм «последним убежищем негодяев», а вот в годы войны великий русский писатель, не принявший советской власти, не скрывал своего патриотизма. Беседы с соотечественниками многое изменили во взглядах писателя. Он и на Сталина, которого считал злодеем, стал смотреть как на освободителя Европы от «коричневой чумы», рассказывала Вера Николаевна Борису Батраеву.

Много лет спустя Борис Никодимович узнал, что все, что было переслано через него из Парижа в Москву, опубликовано в 9-томном собрании сочинений великого писателя, вышедшем в свет в 1965–1967 годах. В собрание сочинений вошли и произведения из пакетов, врученных Батраеву вдовой Бунина. Вера Николаевна умерла в 1961 году. Ее дневники вышли сначала во Франции, затем у нас в русском переводе. После смерти вдовы Бунина наследником семейного архива стал их приемный сын Леонид Зуров. Он скончался в 1971 году, а семейный архив Буниных перешел к доценту Эдинбургского университета М. Грину.

Возвратившись в Москву, Борис Батраев работал в центральном аппарате разведки, затем учился в Военно-дипломатической академии ГРУ ГШ МО СССР. Окончил ее с золотой медалью в 1960 году.

После 1961 года сотрудники советской внешней разведки Батраевы выезжали в командировки в экзотические страны: на Цейлон, в Индию и Пакистан, в которых Борис Никодимович являлся резидентом. Там все для «Татьяны» было новым и непривычным.

Кокетливые шляпки и пальто остались в Москве, а вместо ароматного кофе, к которому она так пристрастилась в Париже, пришлось полюбить настоящий цейлонский и индийский чай.

В этих странах Зинаида Батраева находилась в качестве «жены высокопоставленного советского дипломата». Она устраивала в своем доме приемы, занимала многочисленных гостей, играла роль заботливой мамы. И только очень узкий круг людей знал, что жена резидента не просто домохозяйка. Она активно помогала мужу в организации встреч, в расширении связей, занималась первичным изучением людей, проводила контрнаблюдение, подключалась к информационной работе. Ответственные встречи с ценными источниками Борис и Зинаида нередко проводили вместе.

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«Я была не только разведчицей, но и женой резидента. А это накладывает дополнительные обязанности. Это тоже работа, и работа ответственная. Сотрудники резидентуры, как правило, приезжают за границу с женами. И надо так себя вести, так строить работу с женщинами, чтобы в семьях не было ссор, недоразумений, обид, которые могли бы повлиять на обстановку в коллективе. Мы, женщины, были дружны между собой. Дружны были и наши мужчины. А хорошая атмосфера способствовала нормальной работе резидентур в целом».

На Цейлоне Борис Батраев проработал до конца 1964 года. И снова — работа в центральном аппарате внешней разведки. В 1967 году Борис Никодимович выезжает в очередную служебную командировку, на этот раз в Индию. В его служебной характеристике за тот период отмечалось:

«Б.Н. Батраев за время командировки в Индию умело руководил работой иностранной агентуры. Завербовал ценного источника информации. Неоднократно поощрялся руководством разведки, повышался в должности».

В Дели Борис Батраев пробыл вместе с семьей до 1971 года. В 1973 году его направляют в качестве резидента в Пакистан.

Здесь он работает до 1978 года. Его труд в Пакистане был отмечен

высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Оперативный опыт, приобретенный Борисом Батраевым за время заграничных командировок (всего их за время работы в разведке было шесть!), оказался востребованным. С 1982 по 1988 год Борис Никодимович работал в Болгарии в качестве первого заместителя (по разведке) представителя КГБ СССР при МВД НРБ. За достигнутые результаты в работе был награжден орденом Дружбы народов и двумя болгарскими орденами.

... Из своей последней зарубежной командировки Батраевы вернулись в 1988 году. Зинаида Николаевна занялась воспитанием внуков. Борис Никодимович продолжил работу в центральном аппарате разведки. Соединившую их более 60 лет тому назад любовь они пронесли через всю свою оперативную жизнь и одарили ею своих детей и внуков. Ну а разведка — это был другой мир, и только в нем у них были порой друг от друга свои тайны.

Зинаида Николаевна совершенно не похожа на разведчицу, которую невольно себе представляешь, читая крутые детективы. Впрочем, в этой непохожести, может быть, и заключался ее главный профессиональный секрет.

«В Зинаиде Батраевой очень удачно сочетались прекрасная женщина и великолепный оперативный работник», — эти слова опытного разведчика, длительное время являвшегося первым заместителем начальника внешней разведки, генерал-лейтенанта Вадима Алексеевича Кирпиченко говорят, как нам кажется, о многом.

После завершения активной работы «в поле», продолжавшейся в общей сложности 25 лет, Борис Батраев с 1988 по 1992 год возглавлял Кабинет чекистской славы (ныне — Зал истории внешней разведки). Его труд был отмечен нагрудным знаком «За службу в разведке» и занесением его фамилии на Доску почета СВР России. Выйдя в отставку, Борис Никодимович продолжал оказывать большую помощь Залу истории внешней разведки в его повседневной работе, выступал на телевидении, в печатных средствах массовой информации.

Скончался Борис Никодимович Батраев 29 февраля 2008 года.

Глава XVI

В РАЗВЕДКЕ ЕЕ ЗВАЛИ «АННОЙ»

Внешняя сторона жизни Елены Косовой была хорошо известна ее друзьям и знакомым. Однако об истинном содержании ее работы во внешней разведке, которая пришлось на годы «холодной войны», знал лишь ограниченный круг лиц, включая мужа. Вместе с ним Елена Александровна провела многие годы в зарубежных командировках в различных странах мира, в том числе — в качестве «полевого» оперработника — в США. Оперативной работе в Новом Свете она отдавала все силы своего разведывательного таланта. Но в одной из последних служебных командировок за границу, когда супруги Косовы находились в Венгрии, у разведчицы неожиданно проявился новый талант. Она стала профессиональным скульптором, хорошо известным сейчас у нас в стране и за рубежом.

С органами госбезопасности Елена была связана, можно сказать, с первого дня своего рождения. А родилась она в 1925 году в семье офицера-пограничника, участника Гражданской войны. Ее отец вместе с Таманской армией совершил легендарный поход, воспетый в романе Серафимовича «Железный поток». После Гражданской войны он окончил Академию имени Фрунзе, сражался на фронтах Великой Отечественной войны, был отмечен многими наградами, в том числе орденом Суворова. В 1950-е годы он в звании генерала занимал высокий пост в пограничных войсках.

В доме у Покровских ворот, куца вместе с семьей еще до войны вселился офицер-пограничник, многие квартиры были опечатаны, а их владельцы репрессированы. Лена ходила в среднюю школу неподалеку от дома. Вспоминая о своих школьных годах, Елена Александровна рассказывала:

«Меня всегда влекло искусство. Но попытки подружиться с музами в детстве заканчивались печально. Полтора года усердно ходила в балетную школу, вдохновенно танцевала, мечтала о сцене. Как вдруг — приговор педагогов: «Заберите вашу дочь. Она слишком высокая для балерины». Это был первый психологический удар. Родители постарались побыстрее

занять меня, определив в музыкальную школу. Но мой энтузиазм столь же быстро пропал — учительница заставляла играть, как мне тогда казалось, слишком нудные вещи. Я стала пропускать уроки. Когда педагог приходила на дом, запиралась в своей комнате. С музыкой тоже пришлось расстаться. Правда, не навсегда. С 14 лет я увлеченно разучивала на рояле популярные песенные мелодии, чтобы потом играть их на публике. Участвовала и в театральных постановках».

Когда в конце войны Елена закончила среднюю школу, естественно встал вопрос: кем быть? Отец порекомендовал ей поступить на двухгодичный факультет иностранных языков Высшей школы МГБ. Она успешно сдала вступительные экзамены и стала прилежно изучать английский язык.

Из воспоминаний Елены Александровны:

«В те годы, сразу после войны, страна нуждалась в разведчиках-профессионалах. И особенно в женщинах, которых набирали в органы, как позже в отряд космонавтов.

Нас не спрашивали, какой язык мы хотим изучать, смотрели на внешние данные. Меня отправили в группу английского языка, и уже через два года я говорила с чистейшим оксфордским акцентом. Но, добиваясь идеального произношения, наши педагоги не учитывали одного, что готовят разведчиков, а не высококлассных переводчиков-синхронистов. Моя речь была слишком грамотной и такой литературной, что, когда мы приехали с мужем работать в Нью-Йорк, меня просто не понимали. Понадобилось какое-то время, чтобы перейти на разговорный английский».

Ее будущий муж Николай Косов окончил этот же факультет за два года до поступления туда Лены и уже работал в Первом главном управлении МГБ, занимавшимся ведением разведки за рубежом. Однако связей с Высшей школой он не терял и частенько навещал друзей. В один из таких заходов в альма-матер Николай заметил в комнате для дежурных по факультету симпатичную девушку в накинутой на плечи шинельке. Она внимательно штудировала английский текст и записывала перевод в школьную тетрадь.

Рослый, под два метра, блондин, увидев Лену, на мгновение застыл, а потом, заглянув в ее тетрадь, сказал:

— У вас, девушка, между прочим, ошибка в переводе. Это место надо перевести так...

Они не могли не влюбиться друг в друга. Лена и Николай были молоды, красивы, высоки, светловолосы. Кроме того, оба по-настоящему

увлекались английским языком. Вскоре они стали встречаться: ходили в театры, кино, на каток на Чистых прудах, или просто гуляли по городу. Иногда Николай назначал свидание и надолго исчезал, не предупредив. О его отлучках Лена частенько узнавала от других людей. Как-то после занятий преподавательница английского языка мимоходом сказала Лене:

— Приятно, что наши выпускники уже занимаются самостоятельной работой. Вот и Коля Косов улетел в Америку. Будет переводить самому Молотову.

Николаю Антоновичу Косову довелось много поколесить по свету, работать переводчиком на Ялтинской конференции, сопровождать Хрущева и Булганина в их поездке в Индию в 1956 году. Однако вся его жизнь была неразрывно связана с работой во внешней разведке. Его судьбу навсегда разделила и Елена Александровна.

В день последнего для Лены государственного экзамена в Высшей школе МГБ молодые люди решили пожениться. В 1947 году, сразу же после завершения учебы, Елена была принята на работу в Комитет информации, как тогда называлась внешняя разведка. Она стала сотрудницей американского отдела. В 1949 году старший лейтенант Елена Косова вместе с мужем была направлена в служебную командировку в США в качестве оперативного работника нью-йоркской резидентуры. Ей был присвоен оперативный псевдоним «Анна».

Начало оперативной деятельности разведчиков в Соединенных Штатах совпало со стартом очередного витка «холодной войны». 5 марта 1947 года отставной премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, находившийся в США по приглашению президента страны Гарри Трумэна, произнес речь в небольшом американском городке Фултон. В связи с начавшимся активным распадом Британской империи, в результате которого получили независимость Индия, Пакистан, Бирма, Цейлон, Непал, а ранее Ирак и другие страны, он обвинил Советский Союз в «подрывной деятельности». В речи подчеркивалась необходимость создания военно-политического союза Великобритании и США, направленного против СССР и стран Восточной Европы, и организации «крестового похода» против коммунизма.

США и их сателлиты окружили Советский Союз «железным занавесом». В столице Соединенных Штатов были введены драконовские ограничения на перемещения советских дипломатов: не далее сорока километров от центра Вашингтона. Госдепартамент ввел жесткие квоты на число советских дипломатических и иных официальных представителей, работавших в США. Одновременно сокращалось и количество советских

журналистов в стране. Аналогичные меры в отношении представителей СССР ввели и другие страны — союзницы США.

«Ян» (таким был оперативный псевдоним Николая Косова) прибыл в Нью-Йорк в качестве корреспондента ТАСС. Первоначально планировалось, что и его супруга будет работать под тассовским прикрытием. Однако штат корпункта по новым квотам оказался заполнен.

Из воспоминаний Елены Александровны:

«В Москве меня официально оформили сотрудницей отделения ТАСС в Нью-Йорке. Но в месте назначения выяснилось: для того, чтобы освободить мне место в представительстве ТАСС, должны были уволить негритянку, а у нее двое или трое детей. Я отказалась. Работала переводчицей советской делегации при ООН, после основной работы торопилась в резидентуру. Потом у оперативного секретаря резидентуры заболел муж, пришлось учиться печатать. Почта входящая, исходящая, перевод справок, донесений...

Через некоторое время меня рекомендовали на работу в штаб-квартиру одной из крупных международных организаций. Это было очень почетно. После собеседования с заместителем руководителя организации я получила очень солидный пост. В момент оформления я на этой должности была единственной женщиной.

Английский язык стал как бы своим, работать было интересно. В секции трудились люди из самых различных стран: Англии, Австрии, Польши, Китая. По окончании рабочего дня все шли домой, мне же в большинстве случаев надо было ехать в резидентуру. Там всегда была работа».

Поскольку разведчица являлась теперь международным чиновником и полностью соответствовала требованиям, предъявляемым к подобной категории недипломатических сотрудников этой международной организации, американская контрразведка — Федеральное бюро расследований — вынуждена была с этим считаться.

Начало трудовой деятельности «Анны» в ООН не осталось незамеченным для окружения. Однажды она прочла во французской газете «Монд» заметку ее корреспондента при ООН, в которой сообщалось, что впервые на работу в эту международную организацию принята советская женщина. Корреспонденция была выдержана в доброжелательном для «Анны» духе и привлекла внимание других сотрудников штаб-квартиры ООН. Атмосфера вокруг разведчицы в целом была благоприятной: к ней с уважением и вниманием относились как международные чиновники, так и

простые нью-йоркцы.

Из воспоминаний Елены Александровны:

«Поначалу отношение к нам со стороны простых американцев, несмотря на фултонскую речь Черчилля, было весьма благожелательным. Американцы знали и помнили роль Советского Союза в избавлении мира от «коричневой чумы», с уважением относились к советским представителям. Повсюду в витринах магазинов были выставлены портреты прославленных полководцев Великой Отечественной войны: маршалов Жукова, Рокоссовского, других военачальников. Когда мы заходили в какой-либо магазин, нас приветливо встречали, старались быстро и качественно обслужить.

Однако после испытания первой советской атомной бомбы в августе 1949 года отношение к нам стало меняться, причем не в лучшую сторону. Маккартизм набирал обороты. Его жертвами стали сотни тысяч простых американцев, придерживавшихся левых взглядов и симпатизировавших нашей стране».

Кроме «Анны» в нью-йоркском отделении ООН работали еще несколько оперативных сотрудников резидентуры, с которыми она могла свободно общаться во внеслужебной обстановке: в кафетерии, клубе, ресторане. Однако в стенах ООН, напичканных аппаратурой спецслужб США, об основной работе они никогда не говорили. Поскольку автомашинка была только у нее, после работы «Анна» забирала кого-либо из своих коллег, и они вместе ехали в советское генконсульство. Там у «Анны» начинался второй рабочий день, уже в резидентуре.

Вскоре сотрудник нью-йоркской резидентуры внешней разведки «Анна» получила первое серьезное оперативное задание. Ее пригласил к себе резидент и сообщил, что ей поручается поддерживать конспиративную связь с ценным источником — женщиной, работающей в делегации одной из европейских стран при ООН. Она сотрудничала с советской разведкой в течение многих лет, была проверена на деле, а поступающая от нее информация являлась крайне важной и актуальной. Однако сотрудникам резидентуры — мужчинам встречаться с ней было «не с руки», так как она была замужем и имела взрослого сына.

С этой женщиной Анна работала длительное время, проводя с ней кратковременные встречи в стенах штаб-квартиры ООН для получения материалов. От источника поступала важная документальная информация, которую «Анна» отвозила в резидентуру, а затем ее там обрабатывала. В результате в Центр на регулярной основе направлялись информационные сообщения, касавшиеся позиций основных стран НАТО по глобальным

мировым проблемам.

Примерно один раз в полтора месяца «Анна» проводила с источником обстоятельные встречи в городе. Как правило, они проходили в отдаленных от штаб-квартиры ООН районах города и легендировались посещением магазинов. В каком-либо крупном универмаге «Анна» «случайно» встречала коллегу по работе, после чего женщины беседовали где-нибудь в ресторанчике или кафетерии. «Анна» передавала источнику инструкции Центра и задания на получение информации по проблемам, интересующим Москву. Такие встречи выглядели вполне естественными и не привлекали внимания американской контрразведки. Следует отметить, что в дальнейшем и сын этой женщины, находившейся на связи у «Анны», был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейной основе.

Рассказывает Елена Александровна:

«Как-то раз я везла в резидентуру материалы, полученные от этого источника. В центре города я нарушила правила дорожного движения, и меня остановил полицейский. Я знала, что по инструкции в случае опасности полагалось уничтожить материалы. Но, разумеется, такой поворот событий меня не устраивал. Когда полицейский приблизился ко мне, я улыбнулась ему и сказала:

— Простите, ради бога, где тут находится «улица невест»?

— Ты что, выходишь сегодня замуж? — спросил он в ответ.

Я еще раз улыбнулась и ответила утвердительно.

— Ну ладно, коли так. Поезжай, но больше не нарушай.

Так благополучно закончилось это небольшое дорожное происшествие, которое могло бы обернуться большими неприятностями для меня.

В ту пору я была молодой, симпатичной женщиной и вполне могла сойти за невесту».

У «Анны» на связи была и женщина-американка, работавшая в важном государственном учреждении. С ней разведчица встречалась на регулярной основе в заранее обусловленных местах и получала подготовленную ею документальную информацию. Организация и проведение таких встреч требовали от «Анны» максимальной сосредоточенности и осторожности в связи с разгулом «охоты на ведьм», развязанной маккартистами.

Однажды резидент срочно вызвал «Анну» и поручил ей выехать в другой штат, чтобы отменить встречу сотрудника резидентуры с нелегалом. Выбор резидента не случайно пал на «Анну»: только за ней одной в то время не было слежки со стороны американской контрразведки.

На автомашине «Анна» отправилась в город, где должна была

состояться встреча с нелегалом. Сотрудник резидентуры должен был пройти по заранее обговоренному маршруту и появиться в строго установленное время в контрольной точке. Однако «Анне» не удалось перехватить оперработника на маршруте, и она решила выйти непосредственно на место встречи, назначенной в городском парке. «Анна» въехала в небольшой американский городок уже в сумерках. Оставив автомашину на безлюдной улице, она не спеша вошла в парк и увидела, как по одной из аллей идет ее коллега по резидентуре. «Анна» подала ему сигнал опасности; оперработник изменил маршрут и ушел с места встречи.

Уже поздно ночью «Анна» возвратилась домой. На кухне ее муж играл с резидентом в шахматы. Две пары глаз устремились на нее. Она лишь слегка кивнула головой, давая понять, что все в порядке и задание выполнено. Попытка американской контрразведки арестовать нелегала советской разведки была сорвана.

В США «Анна» и «Ян» провели семь лет. Они были свидетелями судебного процесса и казни Юлиуса и Этель Розенбергов, посаженных американской Фемидой на электрический стул без каких-либо доказательств их вины в выдаче «атомных секретов» Москве. Позже в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся агентам ФБР при задержании именем своего покойного друга Рудольфа Абея. Официальная американская пропаганда использовала эти события для нагнетания кампании шпиономании и антисоветской истерии. Под воздействием антисоветской пропаганды отношение американцев к нашим представителям резко изменилось. Это осложняло оперативную работу резидентуры и требовало от ее сотрудников большого психологического напряжения.

После возвращения в Москву у супругов Косовых родился сын, которого они назвали Николаем. Елена Александровна уволилась из разведки и занялась воспитанием сына. Через несколько лет она вместе с мужем выехала в Голландию, где «Ян» являлся резидентом советской внешней разведки. Быть женой резидента — непростая обязанность. Конечно, «Анна» больше не занималась непосредственно оперативной работой. Однако по мере своих сил и возможностей она помогала мужу. Иногда он поручал ей поближе познакомиться с женой какого-либо иностранца, провести ее первоначальное изучение. Порой «Анна» подстраховывала мужа, обеспечивая его безопасность при проведении сложных оперативных мероприятий в городе.

В начале 1970-х годов генерал-майор Николай Антонович Косов был назначен официальным представителем КГБ при Министерстве

внутренних дел Венгрии. Командировка была долгой — целых двенадцать лет. В Будапеште у Елены Александровны вдруг пробудился талант скульптора.

Надо сказать, что и раньше она любила лепить зимой на даче снежных баб, и эти «скульптуры» неизменно привлекали всеобщее внимание окружающих. Как-то, отдыхая с мужем в подмосковном санатории, Елена Александровна вылепила из снега женщину с поразительно живым лицом. Ударил мороз, и снежная скульптура превратилась в беломраморное изваяние. Местные милиционеры перенесли «скульптуру» во двор своего отделения, где она простояла до весны, радуя взоры сотрудников.

Из воспоминаний Елены Косовой:

«В Голландии муж познакомил меня с женой болгарского дипломата. Она посещала голландскую Академию художеств. И эта женщина уговорила меня пойти на занятия в академию и попробовать себя в лепке. Муж отпустил. Модель — сидящий негр. Когда я его вылепила, преподаватель сразу сообщил решение: я принята на второй курс академии. Даже выдали документ, что я студентка второго курса голландской Академии художеств. Увы, еще раз попасть туда не пришлось, сначала заболел сын, потом случилось еще что-то, и ваяние надолго от меня отступило. Но для себя я узнала, что могу. На случай, когда очень хотелось лепить, я купила пластилин, и мы лепили вдвоем с сыном».

В Венгрии Елена Александровна на свой страх и риск создала бюст своего любимого поэта Шандора Петефи. За ним последовала скульптура поэта Арня Яноша. Эти художественные произведения получили высокую оценку искусствоведов, профессиональных скульпторов, журналистов. Елена Александровна подарила эти скульптурные работы местному музею. Она начала брать уроки ваяния у знаменитого венгерского мастера Олчаи Киш Золтана. Наставник 4 года обучал ее главным образом техническим навыкам. В Венгрии Елена Александровна имела шесть персональных выставок, пользовавшихся неизменным успехом у публики. Когда известный венгерский скульптор Иене Грантнер посетил первую выставку Елены Косовой, в книге отзывов он оставил запись: «Я был приятно удивлен. Елена Косова обладает особым даром создавать выразительные формы, она талантлива. Для женщины в таком молодом возрасте это редкое явление. Выражаю свою зависть. Она достигнет еще многого».

Елена Александровна была принята в почетные члены Союза художников Венгрии. 12 своих скульптурных работ она передала в Художественный фонд этой страны.

В 1984 году Е.А. Косова стала членом Союза художников СССР. На

выставках ее работ публика и специалисты неизменно отмечают большой профессионализм и мастерство художника. Выполненный Еленой Александровной бюст Владимира Маяковского украшает экспозицию Музея Маяковского на Лубянке. Дочь поэта, американка Патриция Томсон, была растрогана созданным мастером портретом отца и приняла в подарок его копию.

Среди работ Елены Александровны, получивших признание профессионалов, бюсты Чехова, Бетховена, Пушкина, других поэтов, писателей и композиторов. Она создала также скульптурные портреты Шарля де Голля, Джона Кеннеди, Маргарет Тэтчер, своих коллег — замечательного советского разведчика, Героя России Владимира Барковского и знаменитой разведчицы и писательницы Зои Воскресенской-Рыбкиной.

И сегодня Елена Александровна полна творческих замыслов. Так в ее жизни тесно переплелись таланты профессионального разведчика и профессионального художника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК
при СНК РСФСР 20.12.1920—06.02.1922

Иностранный отдел (ИНО)
Государственного политического
управления (ГПУ) при НКВД
РСФСР 06.02.1922—02.11.1923

Иностранный отдел (ИНО)
Объединенного Государственного
политического управления
(ОГПУ) при СНК СССР 02.11.1923—10.07.1934

Иностранный отдел (ИНО)
Главного управления государственной
безопасности (ГУГБ) НКВД СССР 10.07.1934—25.12.1936

7-й (разведывательный) отдел
ГУГБ НКВД СССР 25.12.1936—09.06.1938

5-й (разведывательный) отдел
Первого управления НКВД СССР 09.06.1938—29.09.1938

5-й (разведывательный) отдел
ГУГБ НКВД СССР 29.09.1938—03.02.1941

Первое (разведывательное)
управление НКГБ СССР 03.02.1941—20.07.1941

Первое (разведывательное)
управление НКВД СССР 20.07.1941—14.04.1943

Первое (разведывательное)
управление НКГБ СССР 14.04.1943—15.03.1946

Первое главное управление
(ЛГУ) МТБ СССР 15.03.1946—30.05.1947

Комитет информации (КИ)
при СМ СССР 30.05.1947—29.01.1949

Комитет информации (КИ)
при МИД СССР 29.01.1949—02.11.1951

Первое главное управление
(ЛГУ) МТБ СССР 02.11.1951—05.01.1953

Первое управление Главного
разведывательного управления
(ГРУ) МТБ СССР 05.01.1953—05.03.1953

Второе главное управление
(ВГУ) МВД СССР 05.03.1953—13.03.1954

Первое главное управление
(ПТУ) КГБ при СМ СССР 13.03.1954—05.07.1978

Первое главное управление
(ПГУ) КГБ СССР 05.07.1978—22.10.1991

Центральная служба разведки (ЦСР)
СССР 22.10.1991—18.12.1991

Служба внешней разведки
(СВР) РСФСР 18.12.1991—25.12.1991

Служба внешней разведки

(СВР) Российской Федерации с 25.12.1991

Приложение 2

РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

- 20.12.1920—20.01.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович
(исполняющий обязанности)
- 20.01.1921—10.04.1921 Катанян Рубен Павлович
- 10.04.1921—06.08.1921 Давыдов (Давтяп) Яков Христофорович
- 06.08.1921—13.03.1922 Могилевский Соломон Григорьевич
- 13.03.1922—27.10.1929 Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович
- 27.10.1929—01.12.1929 Мессинг Станислав Адамович (исполняющий
обязанности)
- 01.12.1929—01.08.1931 Мессинг Станислав Адамович
- 01.08.1931—21.05.1935 Артузов (Фраучи) Артур Христианович
- 21.05.1935—17.02.1938 Слуцкий Абрам Аронович
- 17.02.1938—09.06.1938 Шпигельглас Сергей Михайлович
(исполняющий обязанности)
- 09.06.1938—02.11.1938 Пассов Зельман Исаевич
- 02.11.1938—02.12.1938 Судоплатов Павел Анатольевич (исполняющий
обязанности)
- 02.12.1938—13.05.1939 Деканозов Владимир Георгиевич
- 13.05.1939—15.06.1946 Фитин Павел Михайлович
- 15.06.1946—07.09.1946 Кубаткин Петр Николаевич
- 07.09.1946—19.09.1949 Федотов Петр Васильевич
- 19.09.1949—05.01.1953 Савченко Сергей Романович
- 05.01.1953—05.03.1953 Питовранов Евгений Петрович
- 05.03.1953—28.05.1953 Рясной Василий Степанович
- 28.05.1953—17.07.1953 Коротков Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)
- 17.07.1953—23.06.1955 Панюшкин Александр Семенович
- 23.06.1955—12.05.1956 Сахаровский Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)
- 12.05.1956—15.07.1971 Сахаровский Александр Михайлович
- 15.07.1971—13.01.1974 Мортин Федор Константинович
- 13.01.1974—26.12.1974 Крючков Владимир Александрович
(исполняющий обязанности)

26.12.1974—01.10.1988 Крючков Владимир Александрович
01.10.1988—06.02.1989 Кирпиченко Вадим Алексеевич (исполняющий обязанности)
06.02.1989—22.09.1991 Шебаршин Леонид Владимирович
22.09.1991—30.09.1991 Гургенов Вячеслав Иванович (исполняющий обязанности)
30.09.1991—09.01.1996 Примаков Евгений Максимович
10.01.1996—20.05.2000 Трубников Вячеслав Иванович
20.05.2000—08.10.2007 Лебедев Сергей Николаевич
09.10.2007 — н/в Фрадков Михаил Ефимович

Приложение 3

ПЕРЕЧЕНЬ

спецзваний начальствующего состава органов НКВД — НКГБ СССР

***и их соответствие воинским званиям начальствующего состава
Красной армии (1935–1945)***

№ НКВД — НКГБ СССР	Красная армия
1 Сержант госбезопасности	Лейтенант
2 Младший лейтенант госбезопасности	Старший лейтенант
3 Лейтенант госбезопасности	Капитан
4 Старший лейтенант госбезопасности	Майор
5 Капитан госбезопасности	Подполковник
6 Майор госбезопасности	Полковник
7 Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности)	Генерал-майор
8 Комиссар государственной безопасности 3-го ранга	Генерал-лейтенант
9 Комиссар государственной безопасности 2-го ранга	Генерал-полковник
Комиссар государственной безопасности 1-го	

10 ранга

Генерал армии

11 Генеральный комиссар государственной безопасности

Маршал Советского Союза

Приложение 4

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежегодно 20 декабря Служба внешней разведки Российской Федерации отмечает свой день рождения. В этот день в далеком 1920 году Ф.Э. Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК, преемницей которого в наши дни является СВР России.

Внешняя разведка — это необходимый и обязательный механизм любой страны, решающий целый ряд важнейших государственных задач. Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно государство не может обойтись без нее. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Следует особо подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах внешняя разведка защищает интересы государства. С течением времени могут измениться акценты в ее деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда государственный аппарат не откажется от разведки как важнейшего инструмента своей политики.

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства — Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать

удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового, по существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф.Э. Дзержинский.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри).

В то же время уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном. Приведем несколько примеров разведывательной деятельности.

В начале 1918 года лично Дзержинский привлек к работе в качестве секретного сотрудника при Президиуме ВЧК на патриотической основе бывшего банкира и издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова. Он несколько раз выезжал в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и белой гвардии в отношении Советской России. Филиппову удалось убедить командование находившегося в финских портах Балтийского флота и российских гарнизонов перейти на сторону советской власти и передислоцироваться в Кронштадт. Это был первый вывод сотрудника разведки ВЧК за границу для выполнения ответственных заданий.

В феврале 1919 года в Турцию для организации разведывательной работы с территории этой страны был направлен Р.К. Султанов. Дзержинский его лично инструктировал, а также направил советскому представителю в Стамбуле письмо с просьбой оказать разведчику

всяческое содействие.

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке занимался активной разведывательной деятельностью бывший царский профессиональный разведчик штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Хорвата и проинформировал об этом советское правительство в Петрограде. Добывал через агентуру и сообщал в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск. С февраля 1920 года являлся членом Военного совета Приморья. В конце мая того же года был сожжен японскими интервентами в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

В целях совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Одновременно была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Первым руководителем первого штатного подразделения внешней разведки Особого отдела ВЧК стал Людвиг Францевич Скуйскумбре.

Из оперативной справки:

Людвиг Скуйскумбре родился в 1898 году в Риге в латышской мещанской семье. Его отец был кассиром магазина. Получил среднее образование. Свободно владел немецким языком.

С ноября 1917 года работал на хозяйственных должностях в административном отделе Моссовета. Член РКП (б) с июня 1918 года. В октябре 1918 года добровольцем ушел в 1-ю Революционную армию Восточного (впоследствии Туркестанского) фронта. Служил политработником, затем секретарем председателя Реввоенсовета, а с

середины 1919 года — сотрудником Особого отдела армии.

В начале 1920 года был переведен в Москву, в Особый отдел ВЧК и в апреле того же года возглавил Иностранно-осведомительное бюро центрального аппарата военной контрразведки.

После создания Иностранного отдела ВЧК некоторое время являлся начальником Осведомительной части (агентурного отдела) Особого отдела ВЧК, а вскоре был назначен заместителем начальника Осведомительной части (агентурного отдела) ИНО ВЧК.

В 1922 году выполнял специальные задания за границей по линии ИНО ВЧК. В начале 1923 года перешел на работу в военную контрразведку, а затем до 1937 года трудился в Экономическом управлении ОПТУ — НКВД.

В 1938 году по состоянию здоровья уволился на пенсию.

* * *

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

1920 год стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась Гражданская война полной победой Красной армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить российско-польскую войну 1920 года.

Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная армия проиграла.

Готовить армию панской Польши страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневиков, триста самолетов, уйму прочего военного снаряжения.

К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. В Польшу из Франции

была переброшена 70-тысячная армия генерала

Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков-эмигрантов.

К сожалению, российская внешняя разведка, входившая в состав военной контрразведки ВЧК, действовавшая в прифронтовой полосе и не имевшая своих резидентур в европейских странах, просмотрела военные приготовления Польши и стран Антанты. 25 апреля 1920 года войска панской Польши, воспользовавшись тем, что основные силы Красной армии были заняты борьбой с Добровольческой армией, в частности, с закрепившимися в Крыму войсками барона Врангеля, нанесли молодой республике удар в спину, перейдя внезапно в наступление.

Противостоявшие им войска Красной армии, входившие в состав Западного и Юго-Западного фронтов, насчитывали всего около 65 тысяч бойцов.

Боевые действия начались для поляков успешно: в первые же недели наступления они захватили Житомир, Коростень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП (б) объявили срочную мобилизацию в действующую армию коммунистов и комсомольцев. Под ружье встали около одного миллиона человек.

В войне наступил перелом: полки Красной армии начали освобождать захваченные поляками территории Украины и Белоруссии.

Страны Антанты и США потребовали от правительства РСФСР остановить наступление. Анпшия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие с Польшей по так называемой «линии Керзона» (в то время министр иностранных дел Великобритании) — примерно соответствует нынешним западным границам Украины и Беларуси.

17 июля советское правительство отвергло «ультиматум Керзона», но заявило о готовности начать с Польшей переговоры о перемирии. Одновременно распоряжением Троцкого Западному фронту было приказано не позднее 12 августа овладеть Варшавой.

Именно тогда командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский отдал знаменитый приказ № 1423:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству! На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

К 13 августа Красная армия оказалась в 12 километрах от Варшавы. Однако полякам удалось перехватить и расшифровать переписку Тухачевского с Буденным, в которой говорилось о том, что армия осталась без боеприпасов, амуниции и фуража.

Французские советники в армии Пилсудского генерал Вейган и маршал Фош порекомендовали полякам воспользоваться ситуацией. 16 августа польская армия перешла в контрнаступление...

Красная армия потеряла 150 тысяч убитыми. 66 тысяч ее бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли. 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

В Риге начались российско-польские переговоры, которые завершились подписанием крайне невыгодного для Советской России мирного договора. Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров к востоку от «линии Керзона», а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией. В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в польской кампании, Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

Для выработки документов, связанных с созданием самостоятельного разведывательного подразделения, была создана комиссия, в которую вошли: И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и Ф.Э. Дзержинский.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП (б) и материалами комиссии председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. Штат ИНО составил 70 человек.

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим

создание советской внешней разведки, правопреемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

6 февраля 1922 года В ЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Внешняя разведка (ИНО) вошла в состав ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в которое вошел и Иностраный отдел (штат: 122 человека в центральном аппарате и 62 — за границей).

Создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, а следовательно, ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Так, в первые годы своего существования усилия внешней разведки были направлены прежде всего на борьбу с белой эмиграцией за границей, которая представляла большую опасность для Советской России как база для подготовки контрреволюционных групп. Важное значение имело и получение сведений о планах подрывной деятельности иностранных государств против нашей страны.

За три-четыре года с момента своего создания Иностранному отделу удалось организовать «легальные» резидентуры в сопредельных с СССР странах, а также в главных капиталистических государствах Европы — Англии, Франции и Германии. Было положено начало ведению разведки с нелегальных позиций, образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства СССР.

Активная наступательная деятельность внешней разведки на первых этапах ее становления помогла сорвать агрессивные планы противников Страны Советов и тем самым способствовала созданию благоприятных условий для экономического строительства и укрепления обороноспособности Советского государства.

В 1930-е годы, с установлением нацистского режима в Германии, начался период резкого обострения международной обстановки. И в Центре, и в резидентурах сотрудникам приходилось работать в очень сложных условиях: не хватало квалифицированных кадров; структура, формы и методы деятельности внешней разведки только начинали складываться; слабой была материально-техническая база. Однако именно в это время закладывались идейно-патриотические основы разведки,

накапливался опыт и оттачивалось профессиональное мастерство.

30 января 1930 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О приоритетных направлениях деятельности ИНО ОГПУ». В нем впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной деятельности. Среди задач, поставленных перед внешней разведкой, были, в частности, следующие: выявление планов руководящих кругов Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии относительно финансово-экономической блокады нашей страны; активизация научно-технического направления деятельности разведки.

Безусловно, возможность выполнения этих задач силами аппарата, насчитывавшего немногим более ста человек, может показаться сейчас просто нереальной. Тем не менее разведка работала довольно успешно. Выполняя данное постановление, внешняя разведка сумела получить большое количество секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений.

2 ноября 1932 года начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов подписал распоряжение о реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось: «Перестроение всей агентурно-оперативной деятельности провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких-либо осложнений с «легальных» рельс (берлинская резидентура) исключительно на подполье». Необходимость такой реорганизации была вызвана тем, что после относительно благоприятной обстановки для деятельности советских учреждений в Европе в предшествовавшее десятилетие в ряде европейских стран наметилась тенденция к ужесточению режима пребывания работников советских представительств, в том числе и сотрудников внешней разведки.

Следует отметить, что к середине 1930-х годов на Западе усилились антифашистские настроения. Не только простые люди, но и представители высших кругов общества, демократической интеллигенции смотрели в то время на Советский Союз с надеждой, как на силу, которая может противостоять фашизму и агрессии.

Именно на таких людей опиралась советская внешняя разведка, искала и находила среди них тех, кто соглашался на сотрудничество по политическим и идейным соображениям. Яркими примерами этого служили знаменитая «Кембриджская пятерка» и представители «Красной капеллы».

Решение сложнейших задач, стоявших в 1930-е годы перед советской разведкой, потребовало мобилизации всех ее внутренних резервов,

укрепления материальной базы и кадров, постоянной корректировки конкретных целей. Правительство, как и в предыдущие годы, уделяло самое серьезное внимание повышению ее эффективности. Так, в 1934 году на заседании правительства были рассмотрены вопросы об улучшении работы ИНО ОГПУ и Разведывательного управления РККА и о координации их деятельности.

10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в который вошли ряд главков, в том числе Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Иностранный отдел стал 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР. Его задачи правительство определило следующим образом: «Выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций; вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР; руководство деятельностью закордонных резидентур».

Несмотря на обрушившиеся на разведку репрессии, она продолжала вести активную работу по освещению деятельности правящих кругов ведущих капиталистических стран Европы, США и Японии и частичному срыву их планов и мероприятий, направленных против СССР.

Немало полезного сделала советская разведка в эти годы в Испании. Она систематически получала сведения о поддержке франкистов Германией и Италией. В соответствии с личным указанием Сталина разведка организовала переброску в Испанию нескольких сотен советских добровольцев-интернационалистов. Этот контингент интербригадцев с большой отдачей использовался в качестве инструкторов военного дела в учебных центрах, руководителей разведывательно-диверсионных групп, бойцов охраны важных объектов, а также военных переводчиков. После падения республиканского правительства советские разведчики способствовали спасению от неминуемой физической расправы многих бойцов и командиров интернациональных бригад.

За образцовое и самоотверженное выполнение заданий по оказанию помощи республиканской Испании постановлением ЦИК СССР 13 ноября 1937 года группа сотрудников НКВД была отмечена орденами. Среди них были и сотрудники внешней разведки. Орденом Ленина были награждены Г.С. Сыроежкин, К.П. Орловский и Я.И. Серебрянский, орденом Красного Знамени — Н.И. Эйтингон и Н.А. Прокопюк, орденом Красной Звезды — А.М. Рабцевич.

3 октября 1938 года нарком внутренних дел издал приказ о создании

Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров. Слушатели школы набирались в основном из гражданских лиц, имеющих высшее образование. Первым начальником ШОН был В.Х. Шармазанашвили. С помощью оперативных работников центрального аппарата внешней разведки, за плечами которых были многие годы напряженной и результативной деятельности за границей, руководству школы удалось в сжатые сроки организовать учебный процесс. Первыми преподавателями ШОН были П.М. Журавлев, В.М. Зарубин, В.И. Пуцин, П.А. Судоплатов и другие опытные разведчики. Первые выпускники ШОН сыграли заметную роль в активизации разведывательной работы накануне и в годы Великой Отечественной войны.

В предвоенный период разведчикам удалось создать серьезные агентурные позиции в госаппарате и спецслужбах Германии, Англии, Японии, Италии и некоторых других стран. Добытые ими материалы раскрывали приготовления Германии и Японии к войне против Советского Союза, истинную роль правящих кругов Англии, Франции и США по отношению к СССР.

17 июня 1941 года начальник внешней разведки П.М. Фитин доложил И.В. Сталину о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного нападения на СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время». Непосредственно перед нападением разведка установила и его точную дату — 22 июня 1941 года.

Сегодня, когда после Великой Победы вооруженных сил и советского народа над немецко-фашистскими захватчиками прошло уже почти 65 лет и мы знаем практически все о том, как начиналась и чем закончилась Великая Отечественная война, не мешало бы вспомнить, что было известно о предстоящей войне советской внешней разведке и, следовательно, высшему руководству нашей страны. Это тем более необходимо, что в нынешних средствах массовой информации можно порой встретить безапелляционные утверждения о том, что, дескать, Сталин из донесений разведки и сообщений дипломатов за границей знал все подробности плана «Барбаросса» и даже точную дату нападения Гитлера на Советский Союз, которую ему якобы сообщил военный разведчик-нелегал Рихард Зорге. Однако он доверился Гитлеру, которому удалось обвести советского руководителя вокруг пальца.

Вместе с тем анализ документов внешней разведки, рассекреченных ею еще в 1995 году, свидетельствует несколько об ином. События в предвоенный период развивались следующим образом.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал Директиву № 21, получившую

название плана «Барбаросса».

План «Барбаросса» — условное наименование комплекта документов, в которых нашли отражение методы и средства ведения агрессивной войны фашистской Германией против Советского Союза.

Название плана происходит от имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, который в XII веке возглавлял походы крестоносцев на Восток.

Первый вариант плана, подготовленный в конце лета 1940 года, был опробован на военных учениях. В декабре 1940 года он был окончательно одобрен Гитлером и высшим германским генералитетом.

Главная цель плана — полный разгром и ликвидация СССР, выселение коренного населения за Урал, замена его немецкими колонистами. Предполагалось нанести внезапные массированные удары в направлении Москвы, Ленинграда, Украины, Северного Кавказа, захватить жизненно важные центры СССР, выйти на линию Волга — Архангельск, за которой, по мнению немецкого командования, организованного сопротивления со стороны Красной армии уже не будет. Войну планировалось закончить до зимы 1941 года.

Разведка НКВД, ослабленная предвоенными репрессиями, этот план получить не сумела. Он был отпечатан в шести экземплярах, три из которых были вручены командующим родами войск, а остальные три хранились в личном сейфе Гитлера. План «Барбаросса» не смогли получить ни британская, ни американская разведки, имевшие «своих людей» в окружении Гитлера.

15 июня 1941 года Гитлер отдал приказ армии быть готовой к нападению на СССР к 22 июня по общему сигналу «Дортмунд». Сигнал «Альтона» означал отмену нападения на СССР.

21 июня Гитлер написал доверительное письмо своему итальянскому соратнику Муссолини, в котором изложил свой план «ликвидации России». В письме, в частности, говорилось:

«Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения...

Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определенно будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет только часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе.

Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению».

Отправив письмо, Гитлер дал сигнал «Дортмунд». Теперь отменить нападение Германии на Советский Союз никто не мог.

Германская ударная группировка насчитывала 5,5 миллиона человек против 2 миллионов 680 тысяч противостоявших ей советских солдат и офицеров. Для нападения на СССР Германия и ее союзники, прежде всего Румыния, Венгрия и Финляндия, выделили 190 дивизий, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, более 2800 танков, 47 260 орудий и минометов и около 5 тысяч самолетов.

Советская армия на западной границе СССР имела группировку войск в составе 170 дивизий, располагавших 1470 танками и 1540 самолетами. Однако советская дивизия в то время насчитывала от 6 до 8 тысяч человек личного состава, а германская — 15 тысяч. На отдельных направлениях германские вооруженные силы превосходили по численности советские войска в три-четыре раза.

В результате просчетов советского военного и политического руководства Германии удалось добиться стратегической внезапности, а начавшиеся боевые действия дали германскому командованию возможность достичь и тактической внезапности. Советские вооруженные силы понесли колоссальные потери в первые месяцы войны, в том числе большое количество вооружения и боевой техники, громадную территорию и три с половиной миллиона человек военнопленными. Вместе с тем, несмотря на внушительные победы германского вермахта, Гитлеру не удалось в 1941 году нанести Советскому Союзу сокрушительное поражение и заставить его капитулировать.

Война советского народа против немецко-фашистских захватчиков длилась 1814 дней и принесла всем воевавшим странам колоссальные потери. Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть войны, потерял свыше 27 миллионов человек, две трети из которых были мирные жители, ставшие жертвами бомбардировок, обстрелов, нечеловеческих условий гитлеровских концлагерей, блокады и голода.

30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Оборона (ГКО) СССР — высший чрезвычайный орган власти в стране под председательством И.В. Сталина. Сразу же после образования ГКО рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Основное внимание обращалось на работу по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях,

промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

Работа разведчиков была всецело подчинена борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. Несмотря на огромные трудности в первый период войны, внешняя разведка сумела в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценную агентуру и наладить с ней надежную связь. На протяжении всей войны разведчики находились на переднем крае, своевременно добывали важную политическую и военную информацию, широко проводили активные мероприятия.

Разведывательные данные о военных намерениях противника помогали планировать боевые операции советских войск. Государственному Комитету Обороны и командованию Красной армии были доложены важные сообщения, в том числе сведения о предстоящем наступлении немцев на Кавказ, о планах прорыва через Ростов к Сталинграду, о готовившихся крупных операциях противника в районе Курской дуги, регулярно направлялись данные о военно-экономическом потенциале Германии и ее сателлитов. Было налажено систематическое освещение намерений Японии относительно ее непосредственного участия в войне, а также планов США и Англии по открытию «второго фронта».

Внешняя разведка выполнила свой долг в Великую Отечественную войну. Даже бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес вынужден был признать, что «информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны».

18 января 1942 года в составе НКВД для руководства за-фронтовой работой органов госбезопасности было образовано 4-е управление. Оно занималось формированием разведывательно-диверсионных групп и отрядов в тылу у немцев. Начальник 4-го управления НКВД генерал П.А. Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. Костяк управления составили действующие сотрудники внешней разведки.

В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. В их рядах сражалось более половины кадровых сотрудников внешней разведки. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию,

которая имела большое значение для советского военного командования.

Советской внешней разведке накануне состоявшейся в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года конференции руководителей СССР, США и Великобритании удалось парализовать деятельность подпольных профашистских организаций, успешно противостоять немецким спецслужбам в Иране и совместно с английской разведкой сорвать попытку организации покушения на «большую тройку».

Можно с уверенностью констатировать, что в годы Великой Отечественной войны внешняя разведка и ее сотрудники выполнили свой долг перед Родиной.

За образцовое выполнение специальных заданий командования в тылу противника высокого звания Героя Советского Союза были удостоены девять кадровых сотрудников внешней разведки: руководители нелегальных резидентур в Киеве — Иван Кудря, в Николаеве — Виктор Ляган и в Одессе — Владимир Молодцов; командиры разведывательно-диверсионных отрядов и групп Станислав Ваупшасов («Местные», окрестности Минска), Дмитрий Медведев («Победители», Ровенская и Львовская области),

Кирилл Орловский («Соколы», Белоруссия), Николай Прокоток («Охотники», Украина, Польша, Словакия), Александр Рабцевич («Храбрецы», Белоруссия, Польша), а также Николай Кузнецов — разведчик-нелегал отряда «Победители».

Однако разгром фашистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран — бывших союзниц СССР не хотели мириться с происшедшими глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, «холодной войны», сколачивания агрессивных военных блоков и раскручивания гонки вооружений.

Стараниями официальных отечественных и зарубежных историков принято считать, что «холодная война» началась в марте 1946 года, когда бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи заявил, что Европа оказалась разделенной «железным занавесом», и призвал западную цивилизацию объявить войну «коммунизму» (выступление 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже, расположенном в американском городе Фултон, штат Миссури).

Однако фактически «холодная война» (если рассматривать этот термин как противостояние двух ведущих стран Запада — Великобритании и США и Советской России) началась еще в середине двадцатых годов прошлого

века. Причем до весны 1945 года ведущую роль в ней играл Лондон, а после окончания Второй мировой войны — Вашингтон. Исходя из этого, можно считать, что на время Второй мировой войны Москва, Лондон и Вашингтон заключили некое «перемирие» между собой, чтобы совместными усилиями победить Берлин. А сразу же после Победы агрессивная политика со стороны Лондона и Вашингтона против Москвы возобновилась. Об этом свидетельствуют документы, добытые советской разведкой в тот период.

Так, в меморандуме американского военного руководства № 329 от 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии, ставилась задача:

«Отобразить приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки, в СССР и на контролируемой им территории».

А в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов США № 1518, датированном 9 октября 1945 года, указывалось, что основой превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала.

Перед советской внешней разведкой были поставлены новые задачи, которые она успешно решала. Подтверждением этого являются, в частности, ее определенный вклад в создание отечественного атомного оружия, действия внешней разведки по прекращению тройственной агрессии в 1956 году, когда Англия, Франция и Израиль атаковали Египет, и урегулирование кризисных ситуаций на Ближнем Востоке вплоть до 1967 года, а также мероприятия по Карибскому кризису 1962 года, в разрешении которого советская разведка принимала непосредственное участие, венгерским 1956 и чехословацким 1968 года событиям. С другой стороны, в этот же период формировались подходы к разрядке международной напряженности.

Объем задач внешней разведки значительно возрос, география ее деятельности расширилась и стала охватывать весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы, поставленная руководством страны, состояла в том,

чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывает полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики Советского государства. Среди них, например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и методов ведения работы. В 1947–1953 годах имела место структурная перестройка военной и политической разведок, направленная на повышение эффективности их деятельности и поиск оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. Единый орган разведки возглавил В.М. Молотов, бывший в то время заместителем председателя Совета Министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений органов госбезопасности, Петр Васильевич Федотов.

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким главным резидентом стал бывший сотрудник ИНО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947 по июнь 1952 года он был послом СССР в США, являясь одновременно главным резидентом внешней разведки в этой стране.

Однако время показало, что объединение столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок в рамках одного органа, при всех преимуществах, затрудняло процесс управления их работой. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны.

В феврале 1949 года КИ был передан под эгиду МИД. Его руководителем стал новый министр иностранных дел А.Я. Вышинский, а

позднее — заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин. Первым заместителем председателя КИ, отвечавшим за текущую оперативную работу разведки, стал Сергей Романович Савченко, до этого возглавлявший Министерство госбезопасности Украины. В ноябре 1951 года правительство приняло решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства госбезопасности и создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИД СССР перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением Министерства госбезопасности СССР.

В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов госбезопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам. Тогда же решением правительства был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Внешняя разведка вошла в его состав как Первое главное управление (ПГУ КГБ при СМ СССР).

Важное для разведки значение имело решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада — США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии». Таков в то время был перечень приоритетов, определенных руководством страны.

Совет Министров утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Соответствующим ведомствам было вменено в обязанность выделить должности прикрытия как за границей, так и внутри СССР, оказывать содействие, строго соблюдать требования конспирации.

Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки.

В июне 1955 года исполняющим обязанности начальника советской внешней разведки был назначен Александр Михайлович Сахаровский. В мае 1956 года он был утвержден в должности руководителя разведки и проработал на этом посту более 15 лет.

Природный ум Александра Михайловича и его талант' разведчика,

способности крупного руководителя и организатора, умение видеть главное, правильно расставить кадры способствовали успешному решению важнейших разведывательных задач. Именно при Сахаровском получили активное развитие такие линии разведки, как контрразведывательная, научно-техническая, нелегальная. Он уделял много внимания подготовке кадров разведчиков, организации научно-исследовательской работы в ПГУ.

Сахаровский хорошо знал лично многих сотрудников разведки, их способности и возможности, был внимателен к подчиненным, не подавлял их высотой своего положения, а побуждал к работе мысли, инициативе.

В критических случаях А.М. Сахаровский делал все возможное, чтобы вернуть на родину попавших в беду боевых товарищей. Достаточно вспомнить Вильяма Фишера (Р.И. Абеля), Конона Молодого (Лонсдейла), а также ставших впоследствии Героями России супругов Морриса и Леонтину Коэн (Питера и Хелен Крогер).

В межведомственных коллизиях Александр Михайлович всегда вставал на защиту своих сотрудников. Не боялся брать на себя ответственность при принятии решений. Среди ветеранов внешней разведки хорошо известен, например, такой случай. В одной из ведущих натовских стран Европы работал опытный и сильный разведчик Никита Стефанович Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой. Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро, а в другой — запасные детали к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с деталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее возвратить. В связи с тем, что дипкурьеры сразу же собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстренько написал сопроводительную записку («Возвращаем за ненадобностью...») и попросил своих коллег передать упаковку с радиодеталями дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли... Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИД и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал немедленно отозвать Никиту Стефановича из командировки. Реакция А.М. Сахаровского была

незамедлительной. В ответной телеграмме начальника советской внешней разведки послу сообщалось, что Дерябкин награжден орденом Ленина, и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а разведчик проработал в стране еще несколько лет.

В 1971 году генерал-полковник А.М. Сахаровский по состоянию здоровья ушел из разведки. В течение ряда лет он работал затем консультантом при председателе КГБ.

Сменил А.М. Сахаровского на посту начальника внешней разведки Ф.К. Мортин.

Федор Константинович являлся активным участником Великой Отечественной войны. В 1947 году, после окончания Военно-дипломатической академии Советской Армии, он пришел на работу во внешнюю разведку. В том же году выехал в долгосрочную заграничную командировку. С середины 1950 года — на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС.

В октябре 1954 года Мортин вновь был переведен на работу в органы госбезопасности и назначен на должность заместителя начальника ПГУ. С 1958 года — первый заместитель начальника внешней разведки. Одновременно в 1966–1967 годах возглавлял Высшую разведывательную школу. Принимал активное участие в реорганизации ее в более современное учебное заведение (в Краснознаменный институт КГБ).

При Ф.К. Мортине ПГУ было переведено с площади Дзержинского в отдельный комплекс зданий в Ясенево.

В январе 1974 года исполняющим обязанности руководителя внешней разведки стал В.А. Крючков, который в декабре того же года был утвержден в должности начальника ПГУ.

Выпускник Высшей дипломатической школы, он имел опыт работы в центральном аппарате МИД СССР, в посольстве СССР в Венгрии в период известных венгерских событий, в аппарате ЦК КПСС на посту помощника секретаря ЦК Ю.В. Андропова. В КГБ СССР возглавлял Секретариат, с 1971 по 1974 год был первым заместителем начальника разведки.

Следует подчеркнуть, что при В.А. Крючкове многое было сделано для налаживания более четкой деятельности всех звеньев разведывательной службы. Большое внимание уделялось совершенствованию информационно-аналитической работы. Были созданы несколько научных структур, которые занимались обобщением оперативной практики, методов ведения разведывательной работы в различных условиях, изучением

направлений и методов работы разведслужб противника, внедрением в работу центрального аппарата и резидентур средств вычислительной техники и новейших информационных технологий.

В 1970-е годы оформилась в самостоятельное подразделение и стала весьма эффективной внешняя контрразведка.

В рассматриваемый период резко активизировалась деятельность внешней разведки в Афганистане, особенно с момента ввода в страну советских войск. На плечи разведки легли прежде всего информационно-аналитические задачи, решить которые могла только она.

Многим сотрудникам внешней разведки, командированным в Афганистан, довелось принимать непосредственное участие в боевых действиях. Некоторые из них погибли, выполняя свой интернациональный долг. В разведке глубоко чтят их память.

Уже с начала 1980-х годов 111 У стало активно информировать советское руководство о планах американской администрации и лично президента США Р. Рейгана по подрыву политической системы и экономики СССР. Чтобы противостоять экономическим диверсиям Запада, было принято решение выделить работу по экономической проблематике в самостоятельное направление деятельности внешней разведки и создать в этих целях соответствующие структуры.

В октябре 1988 года В.А. Крючков был назначен председателем КГБ.

В феврале 1989 года начальником внешней разведки стал ее кадровый сотрудник Л.В. Шебаршин. На его долю выпало руководить разведкой в последние годы существования Советского государства. Как опытный аналитик и оперативный работник, почти три десятилетия проработавший в разведке на различных, в том числе руководящих, должностях, он не мог не видеть назревавшего процесса распада Советского государства и роли в этом западных спецслужб.

В этих непростых условиях каждый из руководящих сотрудников Службы делал все возможное, чтобы сохранить ее потенциал, понимая, что при любом исходе событий внешняя разведка должна оставаться необходимым атрибутом государственного аппарата, защищающим национальные интересы страны от внешних угроз.

30 сентября 1991 года начальником ПГУ КГБ СССР был назначен академик Е.М. Примаков.

В октябре того же года внешняя разведка была выведена из КГБ и стала самостоятельной структурой. Таким образом, она вышла из системы правоохранительных органов.

22 октября 1991 года Примаков становится директором созданной

вместо ПГУ Центральной службы разведки (ЦСР) СССР. Затем буквально несколько дней (с 18 по 25 декабря 1991 года) ему пришлось возглавлять Службу внешней разведки (СВР) РСФСР. А 25 декабря 1991 года последовал Указ Президента России о преобразовании внешней разведки в Службу внешней разведки (СВР) Российской Федерации и о назначении на должность ее директора Евгения Максимовича Примакова.

* * *

Бег времени неумолим. Уже пройдена советская веха в истории российской разведки. Наступил новый исторический этап, при котором Службе внешней разведки (СВР) России приходится работать в новых условиях. Не ослабевает политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве — теперь уже с российской разведкой. За этим стоят и нежелание видеть мир «однополярным», и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и мире в целом.

С июля 1992 года российская разведка работает на правовой основе, зафиксированной в Законе «О внешней разведке» и в «Положении о СВР», утвержденном Президентом России. Ныне внешняя разведка стала легитимной формой государственной деятельности, закреплены ее полномочия, определено место в системе обеспечения безопасности России, установлена прямая подчиненность президенту страны.

Служба внешней разведки России действует в строго очерченном правовом поле. Она ориентирована на своевременное выявление и нейтрализацию внешних угроз, недопущение тайного или явного вмешательства извне во внутренние дела нашего государства, а также на формирование благоприятных внешних условий для реализации политики России на международной арене.

С учетом новых приоритетов и реальных возможностей СВР сосредотачивает усилия на тех регионах мира, где в наибольшей мере присутствуют российские интересы. Сегодня объектами ее разведывательных устремлений являются отдельные государства и их союзы, политический курс которых составляет реальную или потенциальную угрозу России и ее безопасности; иностранные спецслужбы, ведущие работу против нашей страны и ее внешней разведки; международные террористические и другие преступные организации.

Российской внешней разведкой пройден большой и трудный путь.

Были и серьезные успехи, и горькие неудачи. Накоплен богатый, порой уникальный опыт ведения разведывательной работы. Этот опыт по праву можно считать национальным достоянием, которое нужно бережно хранить и творчески развивать. Неоценимо значение этого опыта в подготовке и воспитании молодых разведчиков.

Вся долголетняя история отечественной внешней разведки самым тесным образом связана с судьбами страны. На всех этапах ее истории внешняя разведка оставалась надежным и эффективным инструментом решения жизненно важных для государства задач, верно служила народу и всегда стремилась в полной мере соответствовать своему предназначению.